

составитель

ЛЮДМИЛА

УЛИЦКАЯ

**ЧЕЛОВЕК
ПОПАЛ
В БОЛЬНИЦУ**

составитель
ЛЮДМИЛА
УЛИЦКАЯ

**ЧЕЛОВЕК
ПОПАЛ
В БОЛЬНИЦУ**

Москва

УДК 82-4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ч-39

Оформление серии *М. Суворовой*

На вклейках картины пациентов
Республиканской детской клинической больницы

Ч-39 **Человек** попал в больницу / [сост. Л. Улицкая]. —
М. : Эксмо, 2009. — 256 с. : ил.

ISBN 978-5-699-35127-5

В 1989 году отец Александр Мень с несколькими добровольцами — костяком будущей Группы милосердия — впервые появились в Республиканской детской клинической больнице. Они пришли просто потому, что хотели помочь. И за минувшие два десятилетия Группа превратила добровольческую работу в эффективную систему, которая помогает спасать жизни, дарит надежду и многому учит нас всех.

«Человек попал в больницу» — очень неуютное чтение. Воспоминания очевидцев о детях и добровольцах РДКБ — это история нескончаемого труда, невыносимой боли и неопишуемой радости. «В больнице врачи — офицеры, медперсонал — сержанты, а больные — солдаты». Неслышимая война — изматывающие бои за жизнь ребенка и, в конечном итоге, за его счастье — происходит рядом с нами. Каждый день.

Составитель этой книги Людмила Улицкая посвятила ее памяти отца Георгия Чистякова — священника, ученого и интеллектуала, много лет бывшего сердцем и душой Группы милосердия, ее вдохновением и утешением.

УДК 82-4
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-35127-5

© Составление. Л. Улицкая, 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Памяти отца Георгия Чистякова

Несколько тысяч тяжелобольных детей, выживших и умерших, их родители, врачи и персонал детской больницы, два ушедших от нас священника, отец Александр Мень и отец Георгий Чистяков, прихожане храмов в Новой Деревне и в Москве, в Столешниковом переулке, — вот действующие лица и рассказчики этой истории, которая началась зимой 1989 года на окраине Москвы, в конце Ленинского проспекта. Жизнь больницы продолжается, хотя некоторых уже нет с нами.

В сентябре 1990 года по дороге в храм был зверски убит отец Александр Мень. Преступление не раскрыто, убийцы не найдены.

В июне 2007 года от тяжелой болезни умер отец Георгий Чистяков, пришедший в больницу, чтобы по мере сил заменить убитого отца Александра. При отце Георгии в больнице был создан храм Покрова Богородицы. Отец Георгий стал первым настоятелем храма, шутя называл себя президентом больничного сообщества, а Лину Салтыкову, руководителя Группы милосердия, премьер-министром. Все знали, что отец Георгий — крупный ученый, полиглот и энциклопедист, что он священник, проповедник и писатель. Но лишь тем, кто годами видел его

вблизи, на подъеме и в упадке, в долгой и скрываемой им смертельной болезни, известно было, что отец Георгий умеет быть «для всех всем» — любимым другом трех-летнего умирающего мальчика, исповедником неверующего врача, утешителем, собеседником, христианином в прямом смысле этого слова — последователем Христа. Страдая сам, всегда умел сострадать, быть равным собеседнику — старому и малому, умному и глупому, злему и доброму.

В 2009 году исполняется двадцать лет с того дня, когда Александр Мень с несколькими прихожанами впервые появился в больнице. Благое начинание, одно из тех, что обычно развеиваются, как дым, едва успев родиться. Немалая заслуга отца Георгия в том, что Группа существует и делает свое дело. На свете много милосердных, сострадательных и деятельных людей, но препятствий на их пути еще больше. И все-таки иногда, несмотря на трудности, получается кое-что хорошее.

Глава I

НАЧАЛО

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА, РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ МИЛОСЕРДИЯ:

В конце 1989 года отец Александр Мень, настоятель Сретенского храма в подмосковной Новой Деревне, пришел в Республиканскую детскую клиническую больницу (РДКБ). О ней отец Александр узнал вроде бы случайно, от одного из прихожан, больничного медбрата, который рассказал, как ужасно страдают дети на гемодиализе. Когда решили помогать именно этой больнице, не все и не сразу согласились с выбором отца Александра. Но батюшка поехал туда, а с ним и мы.

Что мы тогда увидели? Огромная, не совсем достроенная детская больница на окраине. Двор, пустырь, груды железа. «Пейзаж после Сталинградской битвы», — пошутил отец Александр. Внутри — мрак и безысходность, ежедневные детские смерти, заплаканные мамочки, дети, не знающие игрушек. Многие родители (все приезжие) ночуют в подвалах, коридорах. Еду купить не на что. В больнице тысяча койкомест — множество детей, у большинства очень тяжелые заболевания. Приехали со

всей России. Сюда детей посылали, когда не могли поставить правильный диагноз, не знали, чем и как лечить, а порой просто понимали, что дни ребенка сочтены.

Нередко они лежали здесь годами. В основном очень тяжелые, бедные, из дальних регионов — некоторые без родственников, большинство с матерями, оставившими дома семьи, других детей. Невозможно представить те физические и духовные страдания, которые претерпевали эти дети и их матери. Сама страдающая Россия. При этом не хватало ни медикаментов, ни оборудования. Как всякая советская больница, эта напоминала казарму.

И вот пришли добровольцы из церкви. Никто — в том числе, больничная администрация — не знал, как относиться к такому новшеству: что нам разрешать, чего не разрешать, что вообще с нами делать. И как относиться к приходу священника? За семьдесят лет советской власти были совершенно порушены и утрачены основы церковной благотворительности. И сами врачи не понимали, какой прок от священника и его разношерстной команды. Лишние люди — зачем они здесь?

Чуть меньше года отец Александр регулярно ходил в РДКБ: крестил (в то время практически все дети, да и многие родители были некрещеными), причащал, беседовал с людьми. Мы, его помощники, очень старались приносить пользу, хотя поначалу и не представляли, что именно делать. Не зная, с чего начать, мы готовы были выполнять любую работу: мыть полы, стирать детские вещи... Но, оказалось, особой нужды нет — все это делали мамы, лежавшие в больнице вместе с детьми. Зато постоянно требовались мужские руки — наши молодые люди чинили замки и тумбочки, заделывали щели в окнах, возили детей в театры, а заболевших мам — во взрослые больницы. Этих добровольцев отец Александр

называл больничными ангелами. Мы занимались с детьми: рисовали с ними, пели, читали, гуляли с теми, кому разрешалось выходить на улицу. Вначале у нас не было конкретной программы, мы просто нащупывали болевые точки и старались помочь, где возможно.

Члены Группы милосердия посещали больницу по расписанию — каждый в свой день недели. Вместе приходили в храм в Новой Деревне, вместе и сюда. Церковная жизнь сливалась с реальной человеческой жизнью и за оградой храма не кончалась. Мы приносили из дома еду, вещи, игрушки, книжки. Много собирали в приходе Новой Деревни.

Все добровольцы работали или учились, у всех семьи, но это служение стало необходимостью, мы полюбили деток и их матерей — эти мамочки стали частью нашей жизни.

В тот первый год работы Группы мы познавали новую реальность — такое, с чем никогда прежде не сталкивались. Мы только-только начинали понимать, как себя вести в этих нечеловеческих обстоятельствах — страдание ребенка, умирание ребенка... И как самому не сгорать на этом страшном огне. Где найти силы, чтобы помогать и самому не разрушаться от горя и сопереживания? Отец Александр понимал это гораздо лучше нас.

В сентябре 1990 года случилось ужасное злодеяние — отец Александр Мень был убит. Осиротела его семья, осиротели его духовные дети, осиротела Группа милосердия. В общем, наше «малое стадо» растерялось — стало очень трудно. Мы все время возвращались — и возвращаемся по сей день — к урокам и опыту того первого года. Тогда и мы смутно осознавали свои возможности, и руководство больницы, врачи, средний персонал не были в нас уверены.

Теперь, когда не стало отца Александра, который самым масштабom своей личности, несомненным духовным авторитетом, ощущаемым всеми — верующими, неверующими, — открывал все двери, нам пришлось самим налаживать отношения с руководством больницы, с врачами, не всегда расположенными к незванным помощникам. Наши добрые отношения с персоналом больницы складывались медленно. Мы долго присматривались друг к другу, не вполне доверяли.

*Сейчас, почти двадцать лет спустя, в больнице осталось не так много людей «первого призыва». Один из них — **Петр Коротяев**, тогда двадцатитрехлетний гидрогеолог. Вот его воспоминания 1999 года:*

Я пришел в РДКБ в январе 1990 года, когда только попал в Церковь. Однажды после литургии я услышал, как отец Александр Мень обратился к народу: нужны люди помогать в детской больнице... И вот с небольшой группой прихожан мы туда и отправились — некоторые, в том числе Лина Салтыкова, уже не в первый раз.

Поначалу нас было человек пять-шесть. Из этих людей и выросла потом Группа милосердия.

Когда мы пришли в первый раз, стояла зима, было очень темно, и от этого все воспринималось еще острее. И сама больница выглядела иначе: территория неухоженная, больше походила на стройплощадку, чем на больницу, тем более — детскую. Все уныло, неприглядно... Приходили мы раза два в неделю. Занимались в ту пору только одним отделением — пересадки почки (гемодиализа). Дети там лежали тяжелые. Тогда мы впервые пережили смерть ребенка.

Я очень хорошо запомнил мальчика, который первый умер при мне, — Алеша Терехин. А умирали тогда очень часто, многих лекарств в больнице еще просто не было, да и в стране тоже. Очень тяжело. Особенно когда подружишься с детьми, узнаешь поближе...

Чем приходилось заниматься в больнице? Да всем. Простые дела — кому тумбочку починить, кому окно заделать, чтоб не дуло. Помню, сооружали занавески на окнах, чтобы летом мухи не летели в палаты. Но главное — мы общались с детьми. В больнице лежали дети, которые уехали далеко от дома, — лежали месяцами, а порой и годами. У многих в Москве ни родных, ни знакомых.

В общем, постепенно я втянулся, а потом и вообще оставил светскую работу, стал заниматься только больницей. Помогал, когда священники причащали детей, — поначалу прямо в палатах, храм ведь появился гораздо позже.

Конечно, за эти годы атмосфера очень изменилась. Особенно ощутимо поменялось отношение к нам администрации. Они сначала смотрели на нас, как на каких-то странных людей, — непонятно, что мы тут делаем. Мол, пусть пока ходят, авось, потом сами перестанут. Но мы не переставали. И со временем администрация стала относиться к нам иначе, особенно когда почувствовала реальную помощь — лекарства и прочее. Конечно, разные бывали периоды — охлаждения, обострения отношений, прямой недоброжелательности, недоверия. Но мы не отступали. И сейчас, по-моему, отношения вполне стабильные.

Для нашей общины труднее всего были второй и третий годы. Проверка на прочность. Тогда, за лето 1992 года, мы проводили девятнадцать умерших детей. Очень тяжело. Я был «погребальной командой» — оформлял

смерть ребенка, заказывал гроб, сопровождал родственников до аэропорта или вокзала. Умерших детей отвозили в морг при Первом медицинском институте. Этот морг был тогда криминальным, туда обычно отправляли убитых или умерших при невыясненных обстоятельствах. И вот туда я привозил наших детей. А морг старьёй, в каком-то подвале, спускаешься туда, как в преисподнюю... Так получилось, что со временем это стало моим основным служением в больнице. Сколько таких маршрутов я проделал: больница — морг — гробовая мастерская — вокзал или аэропорт (чтобы отправить гроб домой поездом или самолетом)... Больница ведь республиканская, детишки из разных уголков страны.

От «первого призыва» осталось мало добровольцев. Со временем кто-то уходил, не выдерживал, кто-то оставался, приходили новые. Группа росла. Мы уже помогали не только в «почке», стали ходить в гематологию, потом в другие отделения. Расширялись, помощь становилась разнообразнее. Заранее продуманного плана действий у нас не было, но была, я бы сказал, стратегия свыше: на каждом новом этапе открывались новые возможности для служения...

Ну и конечно, больница — не только боль и слезы, но и радость. Самое радостное, и это долго помнишь, — как мы провожали домой поправившихся детей. В больнице многие умирали, но и излечивались многие, это важно помнить...

Знаете, больница — это особый мир со своими законами, там горе и радость как-то иначе воспринимаются, чем на «материке». Я работал на Севере и знаю, что такое быть отрезанным от мира. И в больнице у меня было точно такое же чувство: точно Москва и весь остальной мир далеко, за тридевять земель, хотя на самом деле они тут, рядом, за забором. Но внутри больницы все воспри-

нимается по-другому, все перемешано: радость и боль, жизнь и смерть... Что-то есть в этом фронтовое — ты как будто на передовой.

Конечно, я скучаю по больнице. У меня осталось много фотографий, я на них часто смотрю, вспоминаю детей, их мам, всех, с кем пришлось общаться за эти годы, с кем прожит такой кусок жизни. Приезжаю туда, как только выпадает случай. В больнице ведь часть моей жизни прошла. Иногда кажется, что проживаешь на Земле не одну, а несколько жизней. Одна моя жизнь осталась в РДКБ — и сильно повлияла на мою дальнейшую судьбу, на мое нынешнее служение.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

Петр Коротаев стал священником, служит в Московской области и не может приезжать в наш храм так часто, как нам бы хотелось. Но все-таки он здесь не редкий гость, обязательно бывает раз или два в неделю, и каждый его приезд — большая радость для всех. А сломанную тумбочку он и сегодня может починить.

...Еще при жизни отца Александра Меня удалось отправить нескольких погибающих детей лечиться за границу — это спасло им жизнь. Тогда казалось, мы прошибли каменную стену. Теперь это обычная практика: детей, которым не могут помочь здесь, мы стараемся отправить за рубеж.

РАССКАЗЫВАЕТ АНДРЕЙ Г., ОТЕЦ АРТЕМКИ:

Отец Александр Мень. Это имя дорого нашей семье. Нашему сыну Артему он продлил жизнь на одиннадцать лет и четыре месяца.

Красная волчанка — редкое заболевание, его природа не изучена, и поэтому в 1980-х его еще не лечили. При обострениях волчанки возникает атака на какой-либо орган. У Артема — сначала на почки, потом на сердце.

Мы из Челябинской области. После утомительных мытарств по больницам всех рангов, где нам помочь ничем не могли, наш десятилетний ребенок оказался в РДКБ, в отделении гемодиализа и пересадки почки. Но и здесь, собрав анализы, врачи рассудили, что пересаживать почку бесполезно, волчанка все равно ее погубит, да еще обнаружили у Артема в сердце кусок от дренажной трубки. В общем, нам оставалось только ждать и смотреть, как в нашем маленьком оптимисте угасает жизнь.

Нам не раз советовали выехать за границу, но мы были «невыездные» — оба работали на режимном предприятии. А болезнь прогрессировала. Из-за постоянных скачков давления Артем часто терял сознание на диализе, он говорил, что видел то ангелов, то какие-то черные силы. Артем был некрещен, но хотел креститься. Я обегал несколько московских церквей, просил крестить сына, но везде получал отказ. И вдруг узнал, что Артема окрестили, да еще сам отец Александр Мень, про которого я тогда много слышал.

В один из приездов в Москву я только к вечеру попал в больницу и сразу почувствовал там какое-то оживление. Оказывается, ждали прихода отца Александра. Вскоре он появился и пошел по палатам. Заходил в каждую палату и подолгу беседовал с каждым ребенком и его родителями.

Наша палата находилась в конце коридора, нескоро очередь дошла. Артемка, хоть и был слаб, к приходу отца

Александра сидел на кровати. Отец Александр положил мальчику руку на голову и долго о чем-то с ним говорил. Удивительно, что Артем, такой скромный и застенчивый ребенок, так свободно и уверенно чувствовал себя рядом с этим человеком.

После ухода отца Александра в отделении воцарились радость и покой. Никто не кричал, не капризничал, и врачи как-то оттаяли.

В очередной свой приезд в больницу я увидел отца Александра в отделении. Его «обход» уже завершился, он шел по коридору в окружении детей, врачей и родителей. Моя жена пришла в палату и рассказала: отец Александр обещал, что постарается помочь Артему и ей с выездом за границу! У нее появилась надежда. И еще она мне сказала, что решила отдать Артему свою почку.

Как мы узнали позднее, отец Александр описал своим прихожанам всю безвыходность Артемкиного положения и попросил помочь. В результате нас пригласили в «Сердечный центр» Западного Берлина на бесплатную операцию на сердце.

Я дневал и ночевал у посольства Германии: народу тьма, очереди, постоянные переключки, люди ждали по несколько дней. В отделении знали, что Артемка может уехать в Западный Берлин, но дотянет ли?

И тут обширный инсульт, реанимация... Выбрали день отъезда. Состояние сына не улучшалось. Я несколько раз покупал и сдавал билеты до Берлина. Побывал в медпункте на Белорусском вокзале, договорился насчет кровати-каталки.

Настал час! Артемку одели, устроили полусидя на заднем сиденье такси. Поехали. Вот и вокзал. Бегу в медпункт, беру кровать-каталку, кладем Артема и бежим к вагону. Нас догоняет Лина. Бежим вчетвером.

Я понимаю, что могу долго не увидеть Артемку — о другом и думать не смею... Заношу его в вагон, но уходить не хочется. Он лежит в прострации с закрытыми глазами. И вдруг меня осеняет: я же могу доехать с ними до Бреста, как я раньше не подумал. Кричу Лине, чтобы завезла каталку в медпункт, а самому как-то сразу легче. Поезд трогается. Бегу к проводнику, объясняю ситуацию. Он что-то бормочет и посылает меня к начальнику поезда в другой вагон. Там все объясняю, и мне выписывают билет до Бреста.

В Бресте московские вокзальные чувства нахлынули вновь. Поезд трогается и уносит от меня двух родных людей. Завтра у Артема день рождения — 11 лет.

Мой мальчик в итоге попал по назначению: в отделение гемодиализа берлинской клиники Шарите. Ни о какой операции на сердце и речи не шло — сын был очень слаб. Но через две недели он уже самостоятельно сидел на кровати.

Через 40 дней после отъезда Артема в Берлин не стало отца Александра. Я приехал на похороны, но в толпе пробиться к гробу не сумел. Артем, когда узнал, что отца Александра убили, долго плакал...

Светлая память этому человеку!

После смерти отца Александра Меня многие его прихожане долго не могли оправиться. Овцы этого «малого стада» если и не рассеялись, пребывали в большом замешательстве. К 1990-м приходы давно уже не организовывались по помещенному принципу: христиане, как правило, ходили не в ближайшую к дому церковь, а к «своему священнику», к духовнику, с которым установились взаимопонимание по духовным и житейским во-

просам, близкие отношения. После многолетнего побоища, перенесенного Церковью за годы советского режима, культурный уровень духовенства был прискорбно низок, и совсем немного осталось священников, способных удовлетворять духовные запросы современных образованных жителей большого города. Одним из таких людей был отец Александр Мень. К нему шла образованная часть тогдашнего общества, приезжали для бесед многие из тех, кто и по сей день составляют гордость русской культуры, искусства и науки: Солженицын, Мамардашвили, Аверинцев, Ростропович... Сотни, тысячи людей.

У отца Александра было множество друзей и учеников, прекрасные люди, но ни один не смог заменить ушедшего учителя. Зато все вместе они продолжили его традицию: в церкви Новой Деревни стал служить отец Владимир Архипов, со временем отец Александр Борисов, ближайший и старый друг отца Александра Менья, возглавил приход Космы и Дамиана, церкви в самом центре Москвы, куда переместилась часть «новодеревенской» паствы. Отец Владимир Лапшин, тоже из учеников отца Александра, стал настоятелем храма Успенья в Газетном переулке. В храме Космы и Дамиана и начал свое служение отец Георгий Чистяков. Все они чтили память отца Александра, следуя многим его правилам: преданности духу Христову, любви к Православию и уважению к культуре.

Отец Георгий Чистяков был одним из тех, кто пришел в детскую больницу на опустевшее после смерти отца Александра место.

РАССКАЗЫВАЕТ ВОЛОДЯ ШИШКАРЕВ, ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ:

Помню наш разговор с отцом Георгием: я ему сказал, что читал роман Грэма Грина «Сила и слава», переведенный отцом Александром. Там описана ситуация в 1930-х годах в Мексике, когда власти стремились полностью уничтожить духовенство. В деревушке, на глазах у рыдающего мальчика убивают последнего священника. И вдруг утром, через несколько часов после расстрела, раздается стук в дверь, и в проеме показывается ботинок священника — пришел следующий. И этот ботинок не дает мальчику захлопнуть дверь.

Я тогда сказал батюшке: «Это ваш ботинок, вы — следующий». Он это принял.

*Пожалуй, лучше всего об отце Георгии Чистякове рассказывает один из ведущих специалистов больницы заместитель директора НИИ детской гематологии при РДКБ профессор **Алексей Александрович Масчан**. Он вспоминает, как вскоре после гибели отца Александра Меня в больницу пришел новый священник. И воспоминания эти свидетельствуют — после десятилетия совместной работы врачи стали по-другому видеть роль священника в больнице:*

Я уже и не помню, когда познакомился с отцом Георгием. Кто-то из молодых коллег сказал, что к нашим больным приходит священник. Вероятно, в самом начале девяностых это было, когда волна так называемого духовного возрождения выплеснула на поверхность самые примитивные образцы религиозного планктона:

православные попы из бывших прапорщиков, холеные и гладкие, как вымытые кастрюли, протестанты, юридивые баптисты — кто только не пытался проникнуть к нашим больным и их родителям. Прийти, распевно наговорить банальностей, попризывать к смирению, поуверять, что все в руках Божьих, — и удалиться, не сделав ничего. От всех них веяло убогим безжизненным догматизмом.

Но когда я, признаюсь, высокомерный и предубежденный, встретил в отделении отца Георгия, я был поражен его обликом. Вернее, поражен контрастом с обычным образом священника. Сухопарый, с короткой бородкой. Умные, глубокие, но очень веселые глаза. Походка — почти бегом. Высокий тенорок. Никакой величавости. Нас представили друг другу. Он приветливо улыбнулся — не дежурно, открыто и по-доброму. Пожал руку. Я тогда еще не знал, что отец Георгий — серьезный ученый, филолог, знаток культур. Мы поговорили. Оказалось, он знал обо мне, о наших врачах. Знал, что мы пытаемся дать шанс каждому ребенку. Сказал, что очень доверяет нам, что он сам и его прихожане будут всячески помогать нам лечить детей. И долгие годы мы постоянно чувствовали его поддержку — поддержку во всем. Нам присылали самые лучшие и дорогие лекарства, его прихожане помогали матерям ухаживать за детьми; благодаря его бесчисленным международным связям наши доктора и сестры ездили учиться за границу. Его, кстати, совершенно не волновало, верующие мы или нет. Ему вообще были чужды ярлыки и формальности.

Я бы никогда не решился говорить с отцом Георгием о Боге — слишком уж неравнозначен был наш богословский багаж и духовный опыт: мой — личный, а потому поверхностный и эпизодический, его —

глубокий и теоцентричный. Однако так случилось, что в нашей клинике несколько раз проводились российско-французские семинары по психологической помощи детям с онкогематологическими заболеваниями, в которых участвовал и отец Георгий. Я как-то спросил его, существуют ли у священника профессиональные приемы общения с больными и родителями больных и умерших детей. Он сказал, что нет, не существуют. Когда помогаешь преодолеть горе, профессиональных приемов быть не может. Здесь работает душа, а не разум; сердце, а не интеллект. Я был счастлив услышать это.

На последнем семинаре отец Георгий назвал свой доклад «Бог плачет». Мне кажется, я понял его. В представлении отца Георгия всемогущество Бога заключается в Его готовности понять и принять горе маленького человека, жалеть каждого и быть с ним до конца. Мне даже кажется, будто я уловил, как Бога мучает вина за то, что Он бессмертен, хотя, может, я и фантазирую.

Бог растворен в нас; он милостив и щедр... Жизнь отца Георгия — один из Его подарков нам. Отца Георгия я бы осмелился назвать наперсником Бога.

Постепенно в Группу милосердия стали приходить новые волонтеры, в том числе зарубежные братья и сестры. В 1991 году из Франции приехала монахиня Лиза, происходившая из старинного аристократического рода. В отделении онкогематологии она работала, как она говорила, «буфетницей»: мыла баки и огромные кастрюли. А еще разговаривала с родителями и детьми и, хотя вроде бы неважно знала русский язык, находила удивительные слова утешения, как никто другой умела разделить с детьми страдания. К сожалению, потом

Лиза тяжело заболела и вынуждена была уехать домой на лечение. Прошло уже почти пятнадцать лет, но до сих пор мамочки и выросшие больничные дети пишут ей письма.

*Служение, как известно, начинается с малого. Так вначале и было: всего несколько добровольцев. Тут, наверное, уместно вспомнить проповедь **отца Георгия** в больничном храме уже в 2000 году:*

...Господь предлагает нам что-то очень большое и очень трудное: взять крест, совершить подвиг, похожий на Его подвиг, а затем вдруг продолжает: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей». Это уже проще.

Конечно, в Палестине напоить чашей холодной воды не так просто, как в Москве, там жара, там вода нагревается. И чтобы она была холодной, ее надо держать в кувшине, под землей, требуется какой-то труд, но все-таки чаша холодной воды — не мешок с монетами, не богатство, не какой-то особый труд. Непросто, но вместе с тем возможно!

И вот оказывается, что тот огромный жизненный подвиг, к которому зовет нас Христос, начинается с малого, с чаши холодной воды. И если мы с вами, дорогие братья и сестры, не будем забывать о совсем небольшой помощи, которую нужно оказать человеку рядом с нами, другу или знакомому, или просто тому, кто случайно оказался рядом, если мы не будем забывать о малой помощи, тогда пройдет время, год, другой, пятый, и окажется, что крест, о котором говорил Христос, мы все-таки взяли и понесли. Все большое, все огромное, тот жизненный подвиг, к которому зовет нас Бог, начинается с чаши хо-

лодной воды, которую необходимо иной раз подать тому, кто в ней нуждается, тому, кто жаждет.

Больному ребенку нужно очень многое — дорогие лекарства, удобная постель, внимательный уход, обезболивание. Но иногда необходимы бывают вещи, вовсе не имеющие никакой цены: шутка, игрушка, общение... Чаша воды.

Отец Георгий не раз говорил о важности ежедневного служения:

«И кто не берет ежедневно креста своего и не идет за Мной, тот не может быть Моим учеником», — говорит Господь. Иными словами, христианство заключается не в каком-то одном поступке, совершенном однажды и на всю жизнь, а в ежедневном труде, в ежедневном несении креста. И эта *ежедневность христианства*, нашей жизни во Христе представляется одной из важнейших черт той новой жизни, в которую вводит нас Иисус.

История Люды К. Рассказывает доброволец Людмила Антоненко:

В нашей больнице много нестандартных случаев. Например, история Люды К. Девочка попала в РДКБ, когда ей было девять лет, и лечилась лет десять. У нее очень тяжелое заболевание ног, возникшее после прививки АКДС, причем пять с лишним лет никто не мог поставить правильный диагноз. А затем после двух сложных операций у Люды отнялись обе ноги, так что она могла передвигаться только на коляске. В это время в их семье произошла и другая беда: поскольку ре-

бенок очень долго лечился в Москве, ее мама продала квартиру в Сочи и положила деньги в банк. Деньги пропали во время кризиса, и мама с дочкой оказались без средств к существованию и без жилья. Они просто жили в больнице. Но настал момент, когда девочке исполнилось двадцать, и в больнице ее больше держать не могли. А у Люды ни паспорта, ни пенсионного удостоверения. С огромным трудом сделали ей паспорт, получили пенсионное удостоверение, оформили инвалидность.

Потом мы занялись получением для них квартиры. Это казалось тоже нереально: зачем в Москве сочинские жители? Тем не менее, написали письмо в Правительство от храма и от больницы. Там Валентина Матвиенко решила наш вопрос положительно. Направили письмо Ю.М. Лужкову. В департаменте жилья сначала отказали. Но как-то постепенно, с Божьей помощью, решили, что ситуация нестандартная, что надо помочь, и выделили квартиру. Девочка ведь очень больная, ей надо быть поближе к больнице. Хотя она уже не ребенок, здесь за ней все равно будут наблюдать и помогать.

Рассказывает сегодняшняя Люда К.:

Одиннадцать лет моей жизни, с 1989-го по 2000 год, прошли в больнице. В 2000 году, благодаря помощи храма, я получила и паспорт, и инвалидность, и пенсию, и квартиру, экстерном окончила среднюю школу. В 2002 году московское правительство выделило мне автомобиль «ока», я даже принимала участие в авторалли для инвалидов.

С 2003-го по 2005 год я регулярно посещала тренировки в центре Дикуля, так что наконец смогла встать с коляски на костыли, а в 2005-м поступила в университет им. М.А. Шолохова на факультет дизайнера и компьютер-

ной графики. Через год меня приняли на работу в фирму «Джонсон & Джонсон».

По сей день я работаю и учусь, передвигаюсь на костылях. Стараюсь хотя бы раз в месяц и, конечно, по праздникам, приезжать в родной храм, к родным людям.

РАССКАЗЫВАЕТ ЮЛЯ ГУСЕВА, ЮЛИКС, ОДНА ИЗ ПЕРВЫХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ:

Когда отец Георгий был еще не священником, а братом Георгием, он по просьбе настоятеля храма Космы и Дамиана отца Александра Борисова, проводил в храме беседы. Необычные проповеди, интересные и содержательные. Всем нам очень нравилось, и я подумала: хорошо бы он и с нашими мамочками из «почки» беседовал, ведь они были очень несчастны и нуждались в поддержке. Так весной 1992 года все и началось.

Потом отец Георгий сам, никому не говоря, внедрился в другое отделение — нейрохирургии, куда позже следом за ним пришли и мы. В то время он уже был диаконом. А совершать таинства приходил отец Владимир Лапшин. Вечерню, а затем и литургию служили в коридоре, а впоследствии, когда народу стало приходиться все больше, — в холле отделения физиотерапии, где росли цветы и стояли керамические черепахи. Так и говорили: «Служим между черепашек».

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

После рукоположения в диаконы в декабре 1992 года отец Георгий фактически продолжил дело отца Александра, став духовным наставником больничной общи-

ны. С его приходом действительно стала формироваться община, чьими трудами несколько позже был создан и больничный храм Покрова Пресвятой Богородицы.

В ноябре 1993 года отца Георгия рукоположили в священники, и вскоре в холле «между черепашками» вместе со священником Владимиром Лапшиным он отслужил свою первую Божественную литургию.

Вот рассказ самого отца Георгия:

Я слышал, что отец Александр Мень ходит в РДКБ, но при его жизни в больнице не бывал. А после смерти отца Александра оставалась группа добровольцев, тогда еще очень небольшая, опыта работы никакого, конечно, надо было все налаживать...

При советской власти, до перестройки, священникам и верующим запрещалось ходить в больницу, помогать больным, тем более детям. Мы с отцом Александром бывали в больницах, но у взрослых. Бывали тайно: я проносил его подрясник, епитрахиль и Евангелие в сумке, а он проходил в выглаженном моей мамой халате, как будто он врач-консультант. Он переодевался, исповедовал и причащал больного, а я в это время «держал оборону» у дверей палаты, потому что могли прийти врачи и выдворить нас — не потому, что они были такие плохие, а потому, что у них были жесткие инструкции. Мне как-то одна симпатичная дама, заведующая отделением, сказала: «Я на вашем месте, возможно, поступила бы так же, но вы поймите: меня за это с работы снимут». Отцу Александру это грозило лишением регистрации, то есть запретом служить, а меня просто выгнали бы из университета, где я преподавал. К счастью, Господь нас сберег.

РАССКАЗЫВАЕТ ДОБРОВОЛЕЦ АЛЛА ОРЛОВА:

В молодости я пережила большое горе: мой маленький ребенок умер в больнице. Некоторое время спустя меня неодолимо потянуло в Церковь. Но отчего-то не получалось, пока подруга не привела в храм Космы и Дамиана. Там появился у меня и духовник — отец Георгий. Потом я заметила, что он никогда не служит по субботам, и узнала, что в субботу батюшка окормляет детскую больницу. Прошел год. И вдруг однажды на службе меня как обожгло: а что за больница? ведь я и сама все это помню остро, как вчера, хотя столько лет прошло. Но к отцу Георгию подойти почему-то стеснялась.

Сказала подруге. «Не волнуйся, — успокоила она, — я познакомлю тебя с руководителем Группы». Так я увидела Лину Салтыкову. Рассказала ей все, очень нервничая, — мол, и хочу в больницу, и страшусь, поскольку не представляю, зачем туда иду. Мы подошли к отцу Георгию за благословением, а потом Лина, видя мое волнение, сказала: «У нас трудно, и многие не справляются. Но те, кто остаются, приобретают выдержку и стойкость». С тех пор прошло почти пятнадцать лет, но это важное напутствие я не только хорошо помню, но и сама часто ссылаюсь на него, разговаривая с новичками.

Поначалу было ужасно: видя тяжелобольных детей (тогда, как и сейчас, очень много было ребят с онкологическими заболеваниями) с ампутированными ногами, лысых после химиотерапии, их надломленных матерей, в этой полной безнадежности, я беспрерывно плакала. Так прошел месяц, и однажды батюшка довольно твердо мне сказал: «Если за месяц не удастся привыкнуть, надо уйти. Сюда приходят работать, помогать другим...». Мне стало стыдно.

Тут-то отец Георгий и назначил меня опекать сирот — точнее, брошенных детей при живых родителях. Первой была шестилетняя девочка из Магадана, которую восемь месяцев никто не забирал из больницы. Она любила рассказывать о своей семье: «Папа курит, мама пьет». Я ее обстирывала, подкармливала, а больше и не знала, что с ней делать. Наконец ее отправили домой санитарным самолетом. Потом было много других сирот и среди них Сережа Г., о чьей судьбе в этой книге есть отдельный рассказ. С ним и его новыми родителями мы дружим уже больше десяти лет, стали родными людьми...

О чем только не говорили мы с батюшкой. Ему можно было рассказать все и всегда. Удивительное участие его в незначительных, казалось бы, ситуациях, феноменальная память и необыкновенная прозорливость помогали и жить, и чувствовать, и радоваться. Пребывание в больнице вместе с ним вызывало невероятный подъем сил, вдохновляло и поднимало на иную высоту мироощущения. Сам будучи так тяжело болен, он всех нас делал счастливыми.

Он очень тонко чувствовал все происходившее в больнице и не раз говорил: «Мы — одна семья». И когда дети с мамочками, приезжая на повторные проверки, восторженно прибегают в храм и искренне радуются встрече, будто мы им близкие, родные люди, снова и снова вспоминаются батюшкины слова.

Сегодня, оглядываясь назад и вспоминая свое «трепетное» начало, я искренне благодарна отцу Георгию и Лине за ту поддержку и школу жизни, которую они помогли мне здесь пройти. Не могу себе представить, что бы я делала все эти годы без нашей больничной церкви, без удивительного, мудрого, ставшего родным батюшки, без этих несчастных и очень хороших детей, без необык-

новенных, мужественных и преданных матерей. У этих людей есть чему учиться. Об этом тоже часто говорил отец Георгий, и это мы все осознаем: неизвестно, кто кому больше дает, — мы им или они нам.

Из проповеди отца Георгия:

Наш храм — это тот дом, где каждого из нас ждет Господь и где мы все учимся друг у друга — большие у маленьких и наоборот, маленькие у больших, миряне у священника и, наверное, прежде всего, священник у мирян. Потому что и родители этих детей, и сами дети — это мои друзья, мои учителя, мои братья и сестры, а лишь потом — люди, которые приходят ко мне на исповедь. И я счастлив, что я член этой удивительной семьи.

Мы никогда не должны забывать, что Церковь — это семья, а в середине всегда — Христос, и вокруг него все мы собираемся, как братья и сестры. О том, что нам удалось создать такую обстановку, о том, что Господь здесь, среди нас, — об этом все знают, и дети, и родители, и врачи, и весь остальной персонал в больнице.

РАССКАЗЫВАЕТ Лина Салтыкова:

Вскоре после рукоположения отца Георгия Его Святейшество Патриарх Алексей II благословил его на окормление РДКБ и служение там литургии. Начались переговоры с администрацией больницы о выделении помещения под храм. Больничное начальство уже не считало нас случайными гостями, нам пошли навстречу и в апреле 94-го отдали пустующий конференц-зал, он же кинозал. Уже приближалась Пасха, и мы решили

первый раз служить на Праздник. За две недели привели помещение в такой вид, что там стало возможно проводить службу.

Все сделали своими руками: алтарную преграду соорудили из больничных ширм, для иконостаса наклеили бумажные иконы на деревянные доски. Стену за алтарем украсили бело-голубыми картинами, напоминающими фрески, — летающие ангелы и Лик Христа, как на Туринской Плащанице.

С этими картинами произошло маленькое чудо — из тех, что так часто происходят в храме, хотя мало кому заметны. За несколько дней до нашей первой службы мы почти случайно встретились с художницей Екатериной Леон, и эти картины она нам подарила. Похоже на Божий промысел. В ночь перед службой ребята-добровольцы срочно развешивали картины высоко на стене, на бывший киноэкран. Так и возник храм Покрова Пресвятой Богородицы.

Позднее у нас появился образ Смоленской Божьей Матери, ныне очень всеми любимый и почитаемый. История появления этой иконы в храме необычна. Однажды художница-доброволец Аня Гноенская, проходя мимо свалки(!), увидела нечто похожее на крупный серебряный оклад. Оказалось, кто-то за ненадобностью расстался со столь ценной вещью. Артем Кираков, наш художник, отчистил и привел его в порядок, украсил камнями, прописал Образ. И теперь перед этой иконой всегда больше всего свечей.

И, конечно, символичны детские иконы: Образ Божьей Матери, святой Пантелеимон, святой преподобный Серафим Саровский, святой преподобный Сергей Радонежский, святитель Николай. Наверное, это единственный храм, где увидишь такую иконопись.

Первая служба состоялась на третий день Светлой Седмицы: во вторник, 3 мая 1994 года. С тех пор вторничная Пасхальная литургия стала традиционной и служится всегда, а с 1998 года с разрешения главного врача в больничном храме совершается и ночная Пасхальная служба с крестным ходом вдоль ночного Ленинского проспекта. Идут со свечами и врачи, и больные дети, кому разрешили, и их мамочки, и члены Группы милосердия.

Из воспоминаний отца Георгия:

Когда мы с отцом Владимиром Лапшиным служили первую литургию в больничном храме, я чувствовал: мое место не перед престолом, мое место — сбоку. И за прошедшие годы это мое ощущение не изменилось — оно лишь обостряется. Это действительно очень важно: отец Александр Мень начал это дело, и он же его продолжает. Для всех нас его присутствие очень живо. Единственная моя задача — восполнять его видимое неприсутствие; если можно так выразиться, моя задача — здесь, перед престолом, быть его руками...

Сегодня храм не узнать: настоящая алтарная преграда с настоящими иконами, подаренными одним монахом-иконописцем; огромные полотна по стенам — подарок художника Александра Смирнова. Есть и старинные иконы: уезжая из России, свою коллекцию подарил храму руководитель агентства «Рейтер», много лет собиравший церковную живопись.

Вспоминает доброволец, художница Анна Гноенская:

Самое замечательное из того, что случилось с нами за все эти годы, — обретение Храма. Теперь наша Группа не только стала Семейей для прихожан, мам и детей, но и обрела дом. Трудно подобрать правильные слова, чтобы описать, что значит этот храм для нас всех. Прибежище, кусок родного дома, место, где можно поплакать, помолиться и найти помощь и поддержку священника и друзей — вот чем стал наш храм.

Золотое было время. Отец Георгий был намного свободнее, чем в последние годы жизни, мы все подолгу сидели в храме после литургии, разговаривая обо всем на свете. Мы, дети, мамы — все были участниками трапез и бесед, расходились с огромной неохотой. Как-то выработался стиль общения — на любви и утешении. Никогда не говорилось никаких высоких слов, никаких общих истин — много смеха и искреннего сочувствия. Никакого «покайтесь, это вам за грехи ваши!». Одинаковое отношение к людям всех конфессий. Здесь главное — не заставлять всех быть такими, как мы, а просто любить. Что мы и старались делать. Кому-то грустно — поехали на речку купаться или устроим вечер пения и танцев. Можно было «подхватить» ребенка в плохом настроении и потащить гулять или в музей — много разных способов.

Из воспоминаний отца Георгия:

И однажды я понял: наверное, раз никто из священников не начал регулярно здесь работать, значит, это должен делать я. Теперь не скажу точно, когда мне стало ясно, что я должен этим заниматься. Я не давал обетов,

не переживал никаких озарений. Вышло как-то очень просто, естественно, можно сказать, без моего участия, без участия наших прихожан, моих друзей — все произошло помимо нас.

А вот эпизод из больничной жизни того времени, когда отец Георгий только-только появился в храме, — из воспоминаний Юли Гусевой:

Весной пришел отец Георгий, диаконом еще. Тогда у него было мало опыта, он немного стеснялся. Вначале служб еще не проводили, он приезжал просто побеседовать с мамами. Мамы приходили не всегда. Помню случай, когда мы приехали, а мамы не собрались. В отделении трансплантации почки был тогда мальчик — маленький такой, худенький, ему было очень плохо, и у него все чесалось. И вот отец Георгий все свое посещение просидел с ним — чесал ему спинку. Это было потрясающе трогательно! Человек приехал — мы знаем, что ему некогда, так много народу хочет получить от него помощь, — и все это время, час, может быть, он сидел с этим мальчиком, Костику, чесал ему спинку и как-то его уговаривал, а тот все время плакал...

Потом Костику стало совсем плохо, лежал, уже не вставал. Отец Георгий достал ему крест из Иерусалима. А потом этому Костику повезло, пришла почка... Он к нам приезжал — большой вырос, симпатичный.

В больнице случайные люди встречаются очень редко. Самые, быть может, случайные — сами пациенты и их родители: кто знает, почему у ребенка вдруг заводится тяжелая или редкая болезнь? Врачи и другие специалисты проходят суровый

отбор: в больнице не остаются люди, движимые корыстью, — нет таких денег, что соразмерно оплачивали бы выматывающую и истощающую работу врача, который далеко не всегда рассчитывает на благоприятный исход. В больнице не работают слишком чувствительные люди — не каждый выдержит картину ежедневных страданий ребенка, — зато иногда встречаются жестокосердые, им легче вынести чужие страдания. Но, как правило, люди, приходящие в больницу работать, — очень хорошие. Работать здесь может только человек, способный на сострадание, на сочувствие.

История Даши С.

Трагическая история этой девочки связана с кавказскими, не понятными нормальному разуму военными конфликтами. Это случилось в 2000 году. Мама на руках с грудной Дашей взорвалась на mine в родном селе под Гудаутами. Мама скончалась на месте, Даша осталась жива. У папы случился тяжелейший сердечный приступ (а затем возникли и другие серьезные болезни, так что больше он из больницы не выходил), а Дашу со множественными осколочными ранениями в голову отправили в местную больницу, но вскоре привезли в РДКБ — для извлечения осколков требовались очень сложные манипуляции.

С девочкой приехали дальний родственник отца, Ю., и тяжелобольная бабушка, оба беспомощные, раздавленные горем и совершенно неимущие. Добровольцы Группы, узнав их историю, очень о них заботились, всячески помогали. Врачи проделали невероятно сложные нейрохирургические операции и спасли Даше жизнь, но

девочка не могла самостоятельно двигаться, вступать в контакт, находилась в вегетативном состоянии.

Через несколько месяцев их выписали домой: ничем больше помочь ребенку медики не могли. Но примерно через год Ю. вновь привез Дашу в РДКБ — он был в отчаянии: девочке стало хуже, а бабушка скончалась, не вынеся необъятного горя. Теперь администрация больницы уже не могла принять на бесплатное лечение абхазскую девочку. Безработный Ю. тоже не мог ни ухаживать за маленькой родственницей, ни ее содержать. Круг замкнулся. Не справляясь с ситуацией, Ю. пришел в больничный храм прощаться — он решил покончить с собой. Все, как могли, его отговаривали. И он придумал выход: уехал, оставив девочку в РДКБ и покаянную записку больничной администрации.

С тех пор прошло несколько лет. Сейчас Даше уже восемь. Она по-прежнему лежит, но как-то по-своему узнает добровольцев. Те обихаживают ее, заботятся. Врачи и медсестры любят девочку — внимательны к ней, сочувствуют.

Глава II

**ДОБРОВОЛЕЦ, РЕБЕНОК
И БОГ МЕЖДУ НИМИ**

В современном мире много неверующих, но и верующих много. Среди верующих — миллионы христиан. В те годы люди только-только потянулись к Богу, и жажда была велика, особенно в больнице. Группа милосердия, священник и несколько десятков христиан из приходов Новой Деревни и Космы и Дамиана, пришли в детскую больницу, чтобы помочь тяжелобольным и страдающим детям. И помощь эта не ограничивалась чисто практической работой.

Оказалось, все плохо представляли себе, что значит Бог для ребенка, как малыш представляет себе ту Высшую Силу, которая, при всей сложности Ее определения, помогает человеку справиться с тяжестью жизни, с несправедливостью, ненавистью и злом. Для больного ребенка, как и для его родителей, зло сосредотачивается в болезни и смерти.

Даже самые укорененные в вере люди не могут сказать, что знают формулы, рецепты или ритуалы, разрешающие эти мучительные вопросы

человеческого бытия. То, что думает и чувствует ребенок, еще большая загадка, нежели чувства взрослого, способного формулировать свои мысли. Часто дети, особенно маленькие, приходя в больничный храм, спрашивают: «Кто такой Бог?», «Покажи Бога?», «Где Он?».

Если ребенок спросит у нас: «Кто такой Бог?» или «Бог? Что это такое?», — то ответить на его вопрос, не попытавшись вместе с ним просто прикоснуться к тому, что Бог присутствует в нашей жизни, вряд ли удастся, говорил **отец Александр Мень**. Мы должны свидетельствовать не словами, а делом. Это лучшая проповедь.

*Отвечая на вопрос, почему Бог не пресекает зло, видя страдания людей, особенно невинных детей, **отец Александр Мень** сказал:*

Он (Бог) присутствует в мире и страдает в каждом из нас. Страдания в мире — это и Его страдания. Он страдает вместе с нами с тем, чтобы и нас всех вывести на свет из тьмы. А малые дети, которые страдают, — это призыв! Это вопрос Божий: как мы поступим здесь? И в этом будет настоящий наш ответ.

Милосердие — это то, к чему мы призваны. Когда самарянин из Христовой притчи проехал по дороге и увидел лежащего иудея, он не стал философствовать над ним: откуда зло? Не стал спрашивать: «Какого ты рода-племени? Какого ты вероисповедания? Какой у тебя пятый-шестой пункт?» — он просто помог ему. И когда фарисей, спрашивавший Его, согласился с Ним, Господь Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же. Вот нам ответ.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

В самом начале, после очередной смерти ребенка в больнице, я сказала отцу Александру, что не могу это принять, руки опускаются. Он ответил: или помогать, чем можешь, или читать Федора Михайловича. В устах отца Александра это прозвучало очень сильно: выбор между путем деятельным и созерцательным. В то время, в нашей ситуации это означало — иди и работай. Как в Евангелии: «Вера без дел мертва».

Добровольцы, пришедшие в больницу, — практикующие христиане, для которых Церковь, церковные службы и участие в литургии — источник сил и реализация их веры. Это те ценности, которыми добровольцы готовы были поделиться с больными детьми и их родителями. При их желании, разумеется.

Из воспоминаний отца Георгия:

Церковь дает детям много, но в особом, детском плане. Оказывается, они могут находиться с Богом в таких же глубоких и потрясающе личных отношениях, как святые, как те святые, которых эти же дети изобразили здесь на иконах.

У детей всегда сильное чувство Бога, это им дано. Бог без религии, без традиций, без установок на результат. И важно, чтобы дети с детства были в Церкви. Пусть они потом оттуда уйдут — в школе или позже. Но когда в их жизни что-то случится, им будет куда прибежать, потому что они это пережили в детстве, их

детское чувство Бога сохранится и поможет им выжить в трудные минуты.

Нам еще предстоит поговорить о том, что именно — и как много! — дает добровольцам Группы милосердия общение с детьми. Но есть один аспект, о котором люди почти не задумываются: церковный приход, как любой коллектив, строится на определенном единомыслии всех его членов. Приход храма Покрова Богородицы при РДКБ состоит из взрослых добровольцев, больных детей и их родителей из разных городов, разного уровня образования и культуры, и основа общего единомыслия — больные дети, и именно они были в центре всей деятельности прихода, и создан он был для помощи детям.

Множество вопросов возникает перед добровольцем, пришедшим в больницу. Чем именно он может помочь? Безусловно, есть много тяжелой работы, но при хорошем финансировании и правильной организации все это должен обеспечивать персонал. Доставать дорогостоящие препараты или деньги, на которые их купить? Это забота министерства здравоохранения. Обеспечить больным детям обучение? Для этого существует министерство образования! Однако на практике оказывается, что вся больничная и государственная система не справляется: в 1990-е не хватало лекарств, кровезаменителей, не хватает их и сегодня. Благотворительные организации не в состоянии взять на себя решение этих проблем полностью, но кое-что удается. Добровольцы принимают на себя трудную ношу. Почему? Что они получают взамен?

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ ГОВОРИЛ ТАК:

...Я прихожу к больному ребенку, и оказывается, что все проблемы мира, все проблемы жизни человечества в этот момент концентрируются в нем — в маленьком мальчике или маленькой девочке.

Здесь, наверное, очень важно, чтобы было больше сердца и больше сострадания. Что я могу, в конце концов? Только «взять его на руки». Но, наверное, если я «возьму его на руки», именно этим я выполню ту задачу, которую в данной ситуации не может выполнить никто другой.

...Поскольку доброволец приходит из внешнего мира, у него есть свои проблемы, свои неприятности, свои нерешенные вопросы. И зачастую ребенок становится тем врачом, который помогает добровольцу справиться с проблемами, преодолеть их и решить. Здесь никогда не ясно, кто берет на себя трудную работу Господню, а кто ощущает, что «иго Его благо и бремя Его легко». Мне кажется, до предела важно никогда об этом не забывать...

Здесь много любви и очень много боли. Много беды и много удивительной радости. Много человеческого и много Божьего, очень много страшного. Здесь, конечно, все обнажено до предела — все чувства человеческие обнажены, все переживания. Когда отсюда уходишь, сердце болит, чудовищно болит, и вместе с тем уносишь особую радость, потому что наши дети, в отличие от многих здоровых детей, обладают огромной глубиной, огромной внутренней силой — каким-то очень большим духовным потенциалом, который все время реализуется. Поэтому мне такое служение дает очень много. Забирает много сил, приносит много боли, но и дает очень много.

Каждому взрослому надо было сделать это сверх-усилие — понять, что чувствует малыш, когда ему больно (а это иначе, чем у взрослых!), что значат для ребенка игрушки, а для подростка — возможность учиться, развиваться, добиваться успеха, даже если болезнь его неизлечима.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

Особое место в храме занимают огромные лошадь и мишка. Это очень красивые мягкие игрушки, подаренные нам художником-модельером Славой Зайцевым и его сыном Егором, тоже художником. Лошади присвоили имя Егоровна, мишка так и зовется Мишкой. Ребята обожают этих добрых зверей и, приезжая в очередной раз в больницу, всегда спешат их проведать. Даже пытаются кормить. У лошади уже нет одного глаза — наверное, от старости. Эти звери не только игрушки, но и помощники добровольцам: если вдруг на службе маленький прихожанин раскапризничался, он, как правило, успокаивается, садясь на Егоровну или Мишку.

*Детство, детскость — какие, в самом деле, глубокие и порой не вполне осознанные понятия. Вспоминается проповедь **отца Георгия**, сказанная им на одной из литургий в РДКБ:*

«...Если не обратитесь и не будете как дети, то не войдете в Царство Небесное», — с этими словами обращается к нам Христос, ко всем без исключения — и к взрослым, и к детям. Он хочет, чтобы мы были как дети. Что это значит? Быть ребенком совсем не означает ходить в детской одежде — будет очень смешно, если

взрослый человек наденет детскую одежду. Это что-то совсем другое.

Сегодня утром, когда я пришел в церковь, одна маленькая девочка, Даша, ждала Крещения. Увидев меня, она сразу сказала: «Дядя»... Вот, наверное, первый признак детскости: для маленького ребенка все люди — дяди и тети. Все люди родные. В детстве у нас нет врагов, в детстве мы не видим в людях плохого, а видим только хорошее. И есть в нашем сердце, пока мы остаемся детьми, здоровое чувство: нельзя оторваться от родителей слишком далеко.

И наша задача, когда мы вырастаем, почувствовать, что и от Бога, от Отца Небесного, как и от родителя, нам нельзя отрываться. Потому что человек, который отрывается от Бога, оказывается в самом ужасном положении. Прежде всего, он теряет чувство добра и зла — дорогу, по которой может идти... И когда человек отрывается от Бога, с ним начинают происходить совершенно непоправимые вещи. Жизнь его становится страшнее, чем путь корабля в море, который потерял управление и несется по воле ветра.

Давайте стараться учиться быть детьми и, становясь взрослыми по уму и ответственности, сохранять ту детскость, к которой зовет нас Христос, о которой говорит нам опыт святых и праведников. Дух детскости — это дух, вне которого и без которого мы перестаем быть людьми, а превращаемся в каких-то страшных носителей интеллекта и ничего другого...

Но, наверное, самое важное — дети не злятся долго. Да, они злятся ужасно, как и взрослые. Но не злятся долго, не держат зла. Ребенок не бывает злопамятным. И этому качеству, видимо, надо учиться больше всего.

Давайте молиться сегодня и всегда, чтобы Бог давал нам эту силу — не быть злопамятными, и тогда возможен призыв Христов, чтобы мы были как дети и

уподобились тому мальчику, которого Он обнял и показал ученикам как образец жизни. Давайте стараться быть такими, какими хочет видеть нас Иисус.

Больные и их родственники иногда воспринимают болезнь как наказание. Что ответить на вопрос ребенка или его родителей: кто виноват в этой болезни? За что меня наказали?

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ ТАК РАЗМЫШЛЯЛ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ:

Для современной практики православия объяснение болезни и беды наказанием не так уж необычно — недаром в народе говорят: «Бог наказал». И люди, когда с ними что-то случается, нередко ищут этому объяснение, спрашивая себя: за что мне послана болезнь или беда, почему болеет мой ребенок? Вместо того чтобы прорываться сквозь беду или болезнь, человек погружается в свое прошлое и действительно находит причины, поскольку, как и все мы, делал что-то дурное. Однако от этого ничего не меняется. Вот почему поиски ответа на вопрос «за что?» — один из самых страшных тормозов, не только мешающих нам разумно относиться к жизни, но и не позволяющих Богу беспрепятственно в нашей жизни действовать.

Представление, будто та или иная болезнь есть наказание Божие, — одна из ярчайших форм прямого непонимания того, чему учит нас Иисус. Мы должны отказаться от такого видения болезни и беды. Если же пойдем этим путем, мы никогда не справимся с тоской и унынием, которые, как правило, сопутствуют болезни и беде... Но из Евангелия ясно, что Бог не наказывает, а милует,

не карает, а спасает. Образ карающего, убивающего Бога пришел к нам из языческих религий и Ветхого Завета.

В одной из бесед в больничном храме отец Георгий сказал:

Мы все время ожидаем, что в результате наших молитв, покаяний, причастий и т.д. что-то немедленно должно поменяться на работе, в диагнозе болезни и вообще вокруг. Кроме того, в свое сознание мы внедряем средневековый образ всемогущего Бога, Который может все. А потом что-то случается — умирает ребенок, родители или еще кто-то. И человек приходит на исповедь и говорит: «Я не хочу больше верить в Бога, он отобрал у меня все. Я не хочу верить, потому что Он злой». На что я отвечаю: «Не Бог злой, а жизнь очень трудная. Посмотрите на Крест. Бог явил, что такое слабость Божья, в крестной смерти Своего Возлюбленного Сына. Давайте почитаем Евангелие, где говорится о силе, которая в немощи совершается».

Субботним утром в церкви тишина и полумрак, но постепенно светлеет — от включаемых ламп и от детских голосов, что наполняют храм как будто птичьим щебетом. Не все дети приходят своими ногами — одних приносят мамы, другие приезжают на колясках, кое-кто — вместе с капельницами. Лысые после облучения, в стерильных масках... Литургия больных, детей, беззащитных, слабых. Словами этого не передать — надо видеть, стоять рядом, участвовать и повторять с надеждой молитву, добавленную отцом Георгием с первой службы:

«О всех детях, проходящих лечение в больнице сей, об их сродниках и всех лечащих...»

В ПРАЗДНИКИ ОТЕЦ ГЕОРГИЙ РАСШИРЯЛ ЭТУ МЕСТНУЮ МОЛИТВУ:

Давайте молиться обо всех. Молиться о тех, кто остался в палатах и боксах, потому что сейчас идут процедуры. Молиться о тех, кто находится в операционных, кто готовится к операции или только что ее перенес. Молиться о наших врачах, которым приходится совершать большое дело и которым временами приходится очень трудно; молиться, чтобы Господь давал им силы, укреплял их и вразумлял, открывал новые пути к лечению болезней. Молиться обо всем персонале: сестричках, без которых больница не могла бы функционировать, обо всех тех, кто здесь занят хозяйством, — таких тоже очень много. Молиться о тех, кто нам помогает деньгами, — тех добрых людей, как в России, так и за границей, которые дают от своих денег на продолжение лечения, на аппаратуру, на медикаменты, на капельницы. Давайте молиться и о тех, кто помогает этому храму, чтобы он был здесь, о тех, кто хлопочет по храму, — кто-то сегодня пришел, кто-то на работе. Давайте молиться о тех семьях, что сложились здесь, в стенах нашей больницы. Кто-то из детей, проходивших здесь лечение, в стенах храма нашел родителей, которых прежде никогда не знал. Давайте молиться, чтобы укрепил Господь и родителей, и детей в этих чудесных семьях. Вот еще один предмет для нашей молитвы. Давайте молиться и друг о друге, о нашем братстве, о том, чтобы мы друг друга поддерживали и никогда не забывали. Давайте вспоминать о тех, кто ушел из этой больницы, — их тоже очень мно-

го. Попытаемся молиться, как мы говорим на литургии, «о всех и за вся».

Среди волонтеров есть одна супружеская пара. Они пришли в больницу давно: Сережа — медик, его жена Алеся — музыкант. Ходили они, ходили, а потом произошла такая история.

История Олега Д.

Олега Д. грудным доставили в больницу с Сахалина. Родители отказались от него еще в роддоме, поскольку у мальчика были тяжелые генетические аномалии, в основном опорно-двигательные, и некоторые другие патологии. За всю жизнь Олег перенес порядка тридцати операций. Никогда не унывал, хоть и очень страдал физически. Ходить поначалу не мог вообще — ползал или бегал на четвереньках в высоких ортопедических ботинках. Обычно кто-нибудь приносил его в храм, где он с удовольствием лазил по ступенькам (больничный храм, бывший конференц-зал, устроен амфитеатром).

В храме его все любили, баловали, играли с ним. Когда Олегу исполнилось шесть, Сережа и Алеся усыновили его. Сейчас Олегу 20 лет, он окончил общеобразовательную школу и музыкальную, играет на ударных в ансамбле музыкальной школы, получил диплом изостудии и даже иллюстрировал книгу, а в храме иногда помогает в алтаре. И после многочисленных и вполне удачных операций он буквально носится по городу на скоростном велосипеде.

А несколько лет назад произошла удивительная история. Олег лежал в больнице на плановой проверке и долечивании (его по-прежнему регулярно наблюдают

в РДКБ и «подправляют»). В его отделении, в соседней палате, оказалась девочка Ксюша Д., однофамилица Олега, с похожим диагнозом, тоже родом с Сахалина. Ее бабушка Л.Д. рассказала приемной маме Олега, что Ксюшины родители, узнав о ее болезни, оставили малышку в роддоме, сказав бабушке, что девочка умерла при рождении. Лишь через два года кто-то посторонний открыл Л.Д. страшную тайну: ее больная внучка, дочка младшего сына, живет в детском доме. Л.Д. тут же оформила опеку, забрала Ксюшу, пыталась ее лечить и в итоге приехала с ней в РДКБ.

Олег Д. оказался Ксюше двоюродным братом, сыном старшего бабушкиного сына, который тоже скрыл от матери правду о рожденном больном ребенке и сказал, что тот умер. Познакомившись с внуком и его приемными родителями, бабушка упала перед ними на колени.

Когда же на литургии вся эта семья подходила и подъезжала на инвалидной коляске (кто как) к Святой Чаше, отец Георгий сказал: «Ну вот, а говорят, что Бога нет». Все вокруг плакали.

Но это еще не конец истории — Олеговы приемные родители удочерили еще одного ребенка, годовалую девочку, которую тоже зовут Ксюша. Вот такая семья есть на свете. И никаких мексиканских сериалов не надо.

Олег же в 2008 году стал студентом первого курса художественного вуза.

РАССКАЗЫВАЕТ СЕРГЕЙ М., ПРИЕМНЫЙ ОТЕЦ ОЛЕГА:

Я знал Олега с шести месяцев — делал ему массаж. Когда возник больничный храм, стала приходить моя жена Алеся — пела в хоре. А дальше так сложи-

лось — мы молились, чтоб у нас появился ребенок, и вдруг оба поняли, что должны усыновить Олега. Сложностей и со здоровьем его, и с характером было и есть предостаточно, но это наша жизнь...

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

Первое время отец Георгий бывал в больнице через день, а когда открылся храм — по субботам и еще в какой-то день недели. Но по мере того, как его загружала жизнь, времени у него оставалось все меньше, и он стал приезжать только на службу раз в неделю, по субботам. Потом он стал болеть и иногда даже пропускал службы, потому что просто физически не мог прийти. Появилась помощь: много лет отцу Георгию сослужил и помогал папа выздоровевшей девочки, священник отец Димитрий Купреев.

Но был один день в году, который отец Георгий не пропустил ни разу: Великая суббота. Он очень любил этот праздник, и служба всегда бывала как-то особо торжественна. Именно в больнице, на проповеди, отец Георгий сказал впервые: «Мы — люди Великой субботы. Это день, когда Христос уже воскрес, а мир об этом еще не знает. Его Воскресение происходит в тишине раннего утра, когда о нем уже узнают природа и жены-мироносицы».

В одну из Великих суббот, во время службы, когда священник переодевается из черных одежд в белые, открылись царские врата, и отец Георгий внезапно бросил в нас горсть лепестков живых нарциссов — знак того, что мы дождались...

Болея и реже бывая в больнице, отец Георгий внутренне никогда не расставался с маленькими прихожанами — рядом с ним всегда были игру-

Глава II

шечные мишки, которых он очень любил и которых многие его знакомые, зная об этом, нередко ему дарили. Отец Георгий рассказывал, что дома у него была «мишкина школа». После прохождения занятий и окончания школы мишки приезжали в больницу и становились подарками детям. Лишь один мишка, нарисованный больной девочкой и подаренный ею «любимому батюшке», всегда висел у него дома.

Глава III

ИКОНУ ПИШЕТ РЕБЕНОК

«Вся тварь стенает...» — физическое страдание роднит человека с животными. А творческие дарования роднят человека с Богом. Это общеизвестно, но здесь, в больнице, проявляется с неожиданной силой. Добровольцы, начиная заниматься с детьми, — рисовать, лепить, вышивать, вязать, музицировать, играть и работать на компьютере, — не рассчитывали на такой прекрасный результат.

Дети, порой живущие в больнице по несколько лет и лишённые активной игры, спорта, иногда не способные даже к обычным детским шалостям, проявляют необыкновенные творческие способности: они удивительно быстро выучиваются играть на музыкальных инструментах и очень талантливо рисуют. В начале 1990-х художница-доброволец Аня Гноенская занималась с ребятами рисованием. Смертность тогда была очень высокой: больше половины детей на диализе погибали, не дождавшись пересадки почки или в послеоперационный период. Подобная ситуация была и среди детей с онкологическими заболеваниями.

Первые уроки рисования. Неожиданная проблема: оказалось, некоторым детям на диализе акварельными красками пользоваться опасно — нельзя поставить воду на стол, дети так страдают от жажды, что могут выпить воду для красок. Учились рисовать пастелью. Ребятам очень нравилось рисовать на божественные темы, ведь чувство Бога на фоне тяжелого состояния здоровья очень обострено.

Их картины-иконы пронзительны, они выстраданы маленькими иконописцами и сегодня стали святынями больничного храма: Богородица с Младенцем и Пантелеимон-целитель (написанные Женей Ж.), Николай-Угодник (написанный Колей К.) и другие. Уже тринадцать с лишним лет дети и родители ставят свечи и молятся перед ними. Немало слез и горячих молитв видели и слышали эти детские шедевры. Две иконы давно ушедшей от нас Жени Ж. особо чтимы — многие прихожане считают их чудотворными. Сами же юные иконописцы, по мнению добровольцев Группы, стали покровителями своего храма теперь уже на небесах.

Однажды в 1993 году в храм Космы и Дамиана приехали американские гости. Узнав о больнице, захотели посмотреть своими глазами и очень помогли — привезли лекарства на крупную сумму. Заинтересовавшись картинами и рисунками детей, предложили издать буклет. Весь тираж этого благотворительного издания — на прекрасной бумаге и в хорошем полиграфическом исполнении — американские друзья подарили больничному храму, а значит, и больничным ребятам.

Дети прославили себя и мультфильмами: после публикации буклета в Группе родилась идея

руками ребят создать мультфильм. Так появился фильм «Рождественская песенка» на слова и музыку добровольца Группы милосердия композитора и музыканта Володи Шишкарева. Дети рисовали под руководством художницы Ани Гноенской и мультипликатора Бориса Коршунова. Кино получилось замечательное — оно было показано по центральному телевидению и получило диплом на Первом международном фестивале экранного творчества детей «Московские каникулы».

После такого успеха ребята вошли во вкус. И вскоре сделали второй фильм — «Пророк» по стихотворению Пушкина. У детей особое восприятие поэзии — есть вещи, которые могут придумать только дети. К строке «И Бога глас ко мне воззвал» они нарисовали глаз Бога. Наивно — и в то же время убедительно.

Несколько лет назад больничные ребята, используя компьютерные технологии, сделали третий фильм — «Благовещение», также отмеченный на конкурсе «Новый день», проведенном Детским фондом ООН — ЮНИСЕФ.

*Много лет в больницу ходила художница **Анна Гноенская**, которая сейчас живет в США, — руководила студией живописи в отделении трансплантации почки. Вот ее воспоминания, написанные в 2000 году:*

Я пришла на Крещение в 1994 году, меня привел отец Георгий. Я попала в отделение трансплантации почки, где и проработала шесть лет. Сначала приходила раз в две недели, потом два раза в неделю, потом три раза в неделю, потом семь раз в неделю. А когда поняла, что провожу в больнице почти каждую свободную минуту,

устроилась сюда воспитателем. Потом снова стала просто добровольцем, приходила несколько раз в неделю, занималась с детьми рисованием.

Что значили для них эти наши занятия? Для детей это возможность отвлечься, выплеснуть свои эмоции. Всем известно, что существует арттерапия, замечательная вещь. В нашей стране она почти не практикуется, а на Западе очень распространена. Дети могут излить часть своих переживаний на бумагу и таким образом от них избавиться. Специфика отделения трансплантации почки заключается в том, что дети годами лежат на гемодиализе. Им очень больно: три раза в неделю их подключают к аппарату искусственной почки и проводят диализ — это очень мучительно. И они ждут трансплантации, ждут донорского органа. Когда дождутся, сколько времени пройдет, как они это время переживут, как пойдет дело после операции, будет ли работать донорская почка — это все в руках Божиих...

А рисование для них — это занятие, времяпрепровождение, самореализация. Среди этих детей — я не знаю, почему так получается, может, это свойство личности — развиваться в каком-то одном направлении, когда другие закрыты, — необычайно высокий процент тех, кто в будущем могли бы стать профессиональными художниками. Столько по-настоящему одаренных детей редко встретишь даже в художественной школе. Рисуют они замечательно! И то, что у них это получается, то, что виден результат, то, наконец, что их хвалят, — их необычайно поддерживает. Многие в нашем отделении лежат по три-четыре года, выключены из жизни, и рисование для них — один из немногих способов себя проявить.

Ну и помимо того, что у нас проходят занятия, мы еще и друзья. Мы любим друг друга. Мы проводили вме-

сте много времени, разговаривали обо всем на свете. Все они живут в разных городах — мы писали друг другу письма, созванивались. Когда приезжали дети, лежавшие в больнице много лет тому назад, это был праздник. И для них, и для меня. Мы встречались, ходили вместе на выставки. Многие, уже выписавшись и приезжая в Москву на проверку, жили у меня в доме. Ко многим в гости ездила я. Общение наше — чистая радость.

Что все это значило для меня? Я думаю, эти дети давали мне значительно больше, чем я им. Они дарили массу таких эмоций, которых от здоровых детей не получишь. Любовь, какую в другом месте найти очень трудно. Совершенно невероятное единение, любовь к ближнему, чистота. Ощущение, что я нужна: я приношу реальную пользу; я родилась не просто для того, чтобы есть, пить и развлекаться, я пришла на эту Землю и кому-то скрасила пять минут жизни (они мне так говорили).

Ну и здесь наша община — люди, которые здесь работают и со временем стали самыми близкими моими друзьями. Никто, за исключением ближайших родных, не понимает нас, как мы умеем понять друг друга, потому что вместе мы переживаем такое, что в обыденной жизни встречается редко. Мы вместе поднимались на огромную высоту, потом вместе падали и опять поднимались, и теперь наши отношения — не просто обычная дружба. И такое происходило не только между добровольцами, но и между нами и многими детьми и родителями. Их мамы стали моими ближайшими подругами. Мы уже сплавлены друг с другом, потому что вместе пережили очень многое.

Здесь происходила переоценка всей шкалы жизненных ценностей. Так было со мной, но, я думаю, так и со всеми. От благополучия сюда, насколько мне из-

вестно, никто не приходит. Приходят после потрясений, конечно. Ну какой нормальный человек придет туда, где все его мировоззрение, так сказать, подвергается осаде?

Каждый пришел сюда работать потому, что в жизни его нечто поразило и ему захотелось что-то отдать. А придя сюда — мы часто это обсуждали, — понимаешь: чем больше отдаешь, тем больше получаешь взамен. И это даже не прямая пропорция — получаешь на несколько порядков больше.

Часто кажется, будто ты — самый обездоленный человек на свете. Но увидев этих людей — больных детей, родителей, — сразу понимаешь: ты не только не самый несчастный, ты, пожалуй, самый счастливый из всех. В обычной жизни слово «несчастье» до того затерто, до того часто употребляется: ты что-то потерял, подгорела сковородка, сломалась стиральная машина — и это все считается несчастьем. На самом деле это даже не мелкие неприятности. Здесь видишь, что такое подлинное несчастье, и научаешься ценить минуты радости, что бывают в жизни, — потому что у многих их не бывает вообще, а бывает такое горе — совершенно непонятно, как они его выдерживают, и не просто выдерживают, но остаются чистыми, добрыми, замечательными людьми.

Как-то на одной из выставок детского творчества, которые регулярно устраивала Группа милосердия, отец Георгий сказал детям:

Дорогие маленькие друзья, вы постоянно дарите нам радость общения с вами. Мы стараемся сделать вашу жизнь лучше, мы пришли сюда ради вас и получаем вашу дружбу, вы нас поддерживаете. Мы нужны друг другу, мы особое братство — союз.

РАССКАЗЫВАЕТ БОЛЬНИЧНАЯ «ВЫПУСКНИЦА» ЕЛЕНА С.:

Я попала в отделение трансплантации почки 12 апреля 1993 года, мне было тогда четырнадцать лет (сейчас уже двадцать восемь). Первым человеком из Группы милосердия, которого я встретила, был отец Петр Коротаяев (тогда он еще был Петей). Дети толпой ходили за ним по отделению, где он дневал и ночевал. Я стеснялась к нему подойти. Но вскоре мы познакомились, а затем и по-настоящему подружились. Вскоре я познакомилась с тетей Линой — вначале она мне показалась очень строгой, но потом я поняла, до чего она добрый, внимательный и замечательный человек. Ровно через год, 12 апреля 1994 года, мне сделали первую трансплантацию почки, которая не стала работать, так что через три недели ее убрали.

У меня начался очень тяжелый стресс, открылась язва, гемоглобин упал до 30. Петя сидел у моей постели каждый вечер, дожидаясь, когда я засну. Потом случился гипертонический криз, и я на четыре дня впала в кому. Все добровольцы несколько суток поочередно молились по часам о моем здоровье. Отец Петр простаивал у телефона, ища препараты.

В 1994 году пришла Аня, стала с нами рисовать. Я сначала сомневалась в своих силах и не ходила на занятия, а потом вовлеклась. С тех пор я люблю живопись. Мое духовное развитие получило первый толчок именно в больнице. Приобщение к церкви, уроки рисования с Аней, занятия музыкой с Володей Шишкаревым — все это сыграло большую роль в моей жизни. В 1994 году меня крестил отец Владимир Лапшин. Юля Гусева стала моей крестной матерью. После комы у меня была затяжная депрессия. Однажды пришли Аня и Петя — ни о чем не спрашивая, подняли меня с кровати и буквально понесли гулять. Мы поехали к «Юго-Западной», ели мо-

роженое и пиццу, смотрели на закат. После таких прогулок становилось намного легче жить. В конце 1994 года мне повторно пересадили почку — все прошло удачно, и 20 декабря я уехала домой.

С тех пор каждый раз, приезжая в Москву, я бываю в РДКБ, прихожу в церковь. Со всеми друзьями стараюсь увидеться. Я их всех очень люблю. Не знаю, что бы со мной было, если б не они.

В 2007 году мне пришлось надолго задержаться в Москве: почка перестала работать, потребовалось ждать новую. Жила я у одной из волонтеров, хотя оперировали меня уже во взрослой больнице. Все свободное время я проводила в Группе милосердия и даже сумела немного побыть добровольцем. Сейчас у меня все в порядке, и я вновь вернулась домой в Сыктывкар.

Глава IV

МОЛИТВЫ НА ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ

В октябре 1995 года в парижской газете «Русская мысль» были опубликованы отрывки из книги отца Георгия Чистякова «Записки московского священника». Они приведены ниже.

За последний месяц я похоронил шесть детей из больницы, где каждую субботу служу литургию. Пять мальчиков: Женю, Антона, Сашу, Алешу и Игоря. И одну девочку — Женю, семнадцатилетнюю красавицу, от которой осталась в иконостасе больничного храма икона святого великомученика Пантелеимона. Умерла она от лейкоза. Умирала долго и мучительно, не помогало ничто. И этот месяц не какой-то особенный. Пять детских гробов в месяц — это статистика. Неумолимая и убийственная, но статистика. И в каждом гробу родной, горячо любимый, чистый, светлый, чудесный. Максимка, Ксюша, Настя, Наташа, Сережа...

За последний день я навещил трех больных: Клару (Марию), Андрюшу и Валентину. Все трое погибают — тяжело и мучительно. Клара уже почти бабушка, крестилась недавно, но можно подумать, что всю жизнь прожила в Церкви — так светла, мудра и прозрачна.

Андрюше 25 лет, а сыну его всего лишь год. За него молятся десятки, даже, наверное, сотни людей, достают лекарства, возят на машине в больницу и домой, собирают деньги на лечение — а метастазы повсюду. И этот день не какой-то особенный, так каждый день.

Прошло полдня. В Чечне погибло шесть российских солдат — а сколько чеченцев, не сообщают... Умерла Катя (из отделения онкологии), девочка с огромными голубыми глазами. Об этом мне сказали прямо во время службы.

Легко верить в Бога, когда идешь летом через поле. Сияет солнце, и цветы благоухают, и воздух дрожит, напоенный их ароматом. «И в небесах я вижу Бога» — как у Лермонтова. А тут? Бог? Где он? Если Он благ, всеведущ и всемогущ, то почему молчит? Если же Он так наказывает их за их грехи или за грехи их пап и мам, как считают многие, то Он уж никак не «долготерпелив и многомилостив», тогда Он безжалостен.

Бог попускает зло для нашей же пользы, либо когда учит нас, либо когда хочет, чтобы с нами не случилось чего-либо еще худшего, — так учили еще со времен Средневековья и Византии богословы прошлого, и мы так утверждаем следом за ними. Мертвые дети — школа Бога? Или попускание меньшего зла, чтобы избежать большего?

Если Бог все это устроил, хотя бы для нашего взрастания, то это не Бог, это злой демон, зачем ему поклоняться, его надо просто изгнать из жизни. Если Богу, для того чтобы мы образумились, надо было умертвить Антошу, Сашу, Женю, Алешу, Катю и т.д., я не хочу верить в такого Бога. Напоминаю, что слово «верить» не значит «признавать, что Он есть», «верить» — это «доверять,

вверяться, верить или отдавать себя». Тогда выходит, что были правы те, кто в 30-е годы разрушал храмы и жег на кострах иконы, те, кто храмы превращал во дворцы культуры. Грустно. Хуже, чем грустно. Страшно.

Может быть, не думать об этом, а просто утешать? Давать тем, кому совсем плохо, этот «опиум для народа», и им все-таки хотя бы не так, но будет легче. Утешать, успокаивать, жалеть. Но опиум не лечит, а лишь на время усыпляет, снимает боль на три или четыре часа, а потом его нужно давать снова и снова. И вообще страшно говорить неправду — особенно о Боге. Не могу.

Господи, что же делать? Я смотрю на Твой крест и вижу, как мучительно Ты на нем умираешь. Смотрю на Твои язвы и вижу Тебя «мертва, нага, непогребенна»... Ты в этом мире поделил с нами нашу боль. Ты, как один из нас, восклицаешь, умирая на Своем кресте: «Боже, Боже мой, почему Ты меня оставил?» Ты, как один из нас, как Женя, как Антон, как Алеша, как, в конце концов, каждый из нас, задал Богу страшный этот вопрос и «испустил дух».

Если апостолы утверждают, что Иисус умер на кресте за наши грехи и искупил их Своею кровию, то мы выкуплены (см. 1 Кор 6:20; а также Петр 1:18-19), значит, мы страдаем не за что-то, не за грехи — свои, родительские, чьи-то. За них уже пострадал Христос — так учат апостолы, и на этом зиждется основа всего их богословия. Тогда выходит, что неизвестно, за что страдаем мы.

Тем временем Христос, искупивший нас «от клятвы законная честною Своею кровию», идет по земле не как

победитель, а именно как побежденный. Он будет схвачен, распят и умрет мучительной смертью со словами: «Боже, Боже мой, почему Ты меня оставил?». Его бросят все, даже ближайšie ученики. Его свидетелей тоже будут хватать и убивать, сажать в тюрьмы и лагеря. Со времен апостолов и вплоть до Дитриха Бонхоффера, матери Марии и Максимилиана Кольбе, вплоть до тысяч мучеников советского ГУЛАГа.

Зачем все это? Не знаю. Но знаю, что Христос соединяется с нами в беде, в боли, в богооставленности — у гроба умершего ребенка я чувствую Его присутствие. Христос входит в нашу жизнь, чтобы соединить нас перед лицом боли и беды в одно целое, собрать нас вместе, чтобы мы не остались в момент беды один на один с этой бедой, как некогда остался Он.

Соединяя нас в единое целое перед лицом беды, Он делает то, что никто другой сделать не в силах. Так рождается Церковь.

Что мы знаем о Боге? Лишь то, что явил нам Христос (Ин 1:18). Он явил нам, кроме всего прочего, и Свою оставленность Богом и людьми — именно в этой оставленности Он более всего соединяется с нами...

Как же понять тогда творящееся в мире зло? Да не надо его понимать — с ним надо бороться. Побеждать зло добром, как зовет нас апостол Павел: больных лечить, нищих одевать и кормить, войну останавливать и т.д. Неустанно. А если не получается, если сил не хватает — тогда склоняться перед Твоим крестом, тогда хвататься за его подножие как за единственную надежду.

«Бога не видел никто никогда». И только одна нить соединяет нас с Ним — человек по имени Иисус, в котором вся полнота Божия пребывает телесно. И только одна нить соединяет нас с Иисусом — имя этой нити любовь.

Он умер на кресте, как преступник. Мучительно. Туринская плащаница со страшными следами кровоподтеков, со следами от язв, по которым современные патологоанатомы в деталях восстанавливают клиническую картину последних часов жизни Иисуса, — вот действительно подлинная святыня для XX века. Весь ужас смерти, никем и никак не прикрытый!

Посмотрев на картину Гольбейна «Мертвый Христос», герой Достоевского воскликнул, что от такой картины можно веру потерять. А что бы он сказал, если бы увидел Туринскую плащаницу, или гитлеровские концлагеря, или сталинщину, или просто морг в детской больнице в 1995 году?

...Один мальчик признался мне на днях, что не верит в загробную жизнь и поэтому боится, что он плохой христианин. Я возразил ему на это: трудности с восприятием того, что касается жизни за гробом, свидетельствуют как раз об обратном — о честности его веры.

И вот почему. Один, причем не очень молодой, священник как-то сказал мне, что ему очень трудно судить о смерти и учить своих прихожан не бояться ее, поскольку он сам никого из людей по-настоящему близких никогда не терял. Честно. Очень честно. И очень верно. Мне всегда страшно смотреть на вчерашнего семинариста, который важно и мягко, но чуть-чуть свысока втолковывает матери, потерявшей ребенка, что на самом деле это хорошо, что Бог так благословил и поэтому слишком уж убиваться не надо.

«Бог не есть Бог мертвых, но живых. Ибо у Него все живы», — да, об этом говорит нам Христос в Своем Евангелии (Лк 20:38). Но для того, чтобы эта весть вошла в сердце, каждому из нас необходим личный опыт бед, горя и потерь, опыт, ввергающий нас в бездну настоящего отчаяния, тоски и слез, нужны не

дни или недели, а годы пронзительной боли. Эта весть входит в наше сердце — только без наркоза и только через собственные потери. Как школьный урок ее не усвоишь. Смею утверждать: тот, кто думает, что верит, не пережив этого опыта боли, ошибается. Это еще не вера, это прикосновение к вере других, кому бы нам хотелось подражать в жизни. И более: тот, кто утверждает, что верит в бессмертие, и ссылается при этом на соответствующую страницу катехизиса, вообще верит не в Бога, а в идола, имя которому — его собственный эгоизм.

Вера в то, что у Бога все живы, дается нам, только если мы делаем все возможное для спасения жизни тех, кто нас окружает...

Но откуда все-таки в мире зло? Почему болят и умирают дети? Попробую высказать одну догадку. Бог вручил нам мир («Вот я дал вам» — Быт 1:29). Мы сами, все вместе, испоганив его, виноваты если не во всех, то в очень многих бедах. Если говорить о войне, то наша вина здесь видна всегда, о болезнях — она видна не всегда, но часто (экология, отравленная среда и т.п.). Мир в библейском смысле этого слова, мир, который лежит во зле, т.е. общество или мы все вместе — вот кто виноват.

В наших храмах среди святых икон довольно заметное место занимает «Нисхождение во ад» — Иисус на этой иконе изображен спускающимся куда-то в глубины Земли, а вместе с тем и в глубины человеческого горя, отчаяния и безнадежности... Иисус не только страдает сам, но и спускается во ад, чтобы там разделить боль других. Он всегда зовет нас с Собою, говоря нам: «По Мне гряди». Часто мы стараемся действительно идти вслед за Ним. Но тут... Тут мы стараемся не видеть чужой боли, зажмуриваем глаза, затыкаем уши. В советское время

мы прятали инвалидов в резервациях (как, например, на Балааме), чтобы никто их не видел, как бы жалея психику своих соотечественников. Морги в больницах часто прятали на заднем дворе, чтобы никто никогда не догадался, что здесь иногда умирают. И проч., и проч. Мы и теперь, если считаем себя неверующими, пытаемся играть со смертью в «кошки-мышки», делать вид, будто ее нет, как учил Эпикур, отгораживаться от нее и т.д. Иными словами, чтобы не бояться смерти, используем что-то вроде анальгетика.

Если же мы считаем себя верующими, то поступаем не лучше: говорим, что она не страшна, что на то воля Божия, что не надо горевать по усопшему, потому что тем самым мы ропщем на Бога и проч. Так или иначе, но, подобно неверующим, также отгораживаемся от боли, заслоняем себя от нее инстинктивно, словно от удара занесенной над нами руки, то есть тоже используем если не наркотик, то во всяком случае анальгетик. Это для себя. А для других мы поступаем еще хуже. Человеку, которому больно, пытаемся внушить, что это ему только кажется, причем кажется, ибо он Бога не любит и т.д. и т.п. А в результате человека, которому плохо, тяжело и больно, мы оставляем наедине с его болью, бросаем одного на самом трудном месте жизненной дороги. А надо бы просто спуститься с ним вместе в ад вслед за Иисусом — почувствовать боль того, кто рядом, во всей ее полноте, неприкрытости и подлинности, разделить ее, пережить ее вместе.

Храм Покрова Богородицы в больнице — место, где не надо учить молитве. Одна бабушка, мать провинциального священника, приехавшая в РДКБ с внуком, сказала, что нигде не ощущала та-

кого единения священника, хора и молящихся, как в больничном храме, и нигде не чувствовала такого высокого духовного настроения, какой пережила здесь, во время литургии, при молитве о даровании здоровья больным детям.

Всем христианам, посещающим церковь, известно, что такое молитвенное правило. Существуют молитвы утренние, молитвы вечерние, их полагается читать каждый день, и они напечатаны в каждом молитвослове. Есть и особые молитвы на особые жизненные ситуации. Но есть и молитвы личные, те особые слова, с которыми человек обращается к Богу «от себя», своими словами.

Дети очень доверяли своему батюшке, любили его, многие называли «волшебным батюшкой».

У отца Георгия сохранялись детские записки «О здравии». Здесь-то и проявлялась чистота и детскость их авторов. Например (орфография сохранена): «О здоровье — Елена, Дима, Галя, Наташа, Рома (хомяк), Натан (собака), Илюша, Леша». Или: «О здравии — мама, Родик, тетя, дедушка, я, бабушка, дядя, папа, Анна Г.» Как-то мальчик Алеша попросил батюшку: «Отец Георгий, помолитесь за моего попугая Кешу, он умер».

Больничный церковный хор тоже заслуживает упоминания. Его регент Михаил Грановский, начинавший служить здесь, будучи студентом Московской государственной консерватории, теперь уже дирижер Большого театра. Под руководством этого замечательного музыканта (он окончил Московскую консерваторию по факуль-

тетам хорового и оперно-симфонического дирижирования) и превосходного вокалиста больничный хор звучит прекрасно и проникновенно. А это так важно для детей и матерей.

РАССКАЗЫВАЕТ ДОБРОВОЛЕЦ, РЕГЕНТ МИХАИЛ ГРАНОВСКИЙ:

Пришел я сюда совершенно случайно — привели друзья, — и вот уже тринадцать лет не могу уйти.

Уйти невозможно: я понимаю, что должен делать то дело, которое делаю, точнее, пытаюсь делать все это время, и мне кажется, что своим делом я хоть капельку могу помочь детям. И мне самому это дает чрезвычайно много, дает то, чего часто не хватает в жизни, — человечность. И человечность в высоком понимании, и человечность в общении между людьми: детьми и взрослыми. Отношения здесь — и боль, и скорбь, и радость, все градации чувств, — они так подлинны! Ты питаешься этим. Я думаю, это будет питать меня всегда, это подвигает меня отдавать то, что могу отдать благодаря образованию и каким-то способностям. И если это на пользу больным детям, значит, я должен быть здесь.

В больнице всегда тяжело, в детской — особенно тяжело, но в отделении детской онкологии, общей гематологии и трансплантации костного мозга, трансплантации почек — тяжело невероятно, нечеловечески. Однако добровольцы ходят сюда годами, десятилетиями. Работа с больными детьми меняет их жизнь, систему ценностей, их самих, особенно когда удается помочь по-настоящему.

ГОВОРИТ ГЛАВНЫЙ ВРАЧ БОЛЬНИЦЫ, ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАГАНОВ:

...Я называю нашу больницу «больницей для бедных», хотя у нас лечатся не только малоимущие. Просто мы стараемся сделать так, чтобы любой ребенок, нуждающийся в медицинской помощи именно в РДКБ, мог поступить в нашу больницу независимо от родительского достатка.

Самое важное достояние российского здравоохранения — бесплатность. Но если конкретному человеку лечение у нас и обходится бесплатно, то для государства оно стоит очень дорого.

...Лечение таких страшных заболеваний, как болезни крови и онкология, трансплантация почки и костного мозга, хирургическая помощь — все это требует больших средств и не терпит недофинансирования. И хотя в последние два-три года больница финансируется неплохо, мы много делаем для того, чтобы привлекать и средства общественных благотворительных организаций.

Уже многие годы один из главных соратников и союзников больницы — наша Группа милосердия. Я не могу назвать точную цифру, но помощь, полученная нами по этому каналу за последние годы, исчисляется в миллионах долларов! Все эти средства пошли в копилку Российской детской клинической больницы, помогая государству обеспечить по-настоящему высокий уровень медицинской помощи.

Наши друзья помогают больнице не только в покупке медикаментов и медицинской техники. Они устраивают праздники, дарят детям подарки, ежедневно общаются с больными и их родителями, поддерживая их

психологически. В помещении больницы работает наш храм. Сюда может прийти человек любого вероисповедания: помолиться, поговорить со священником, попросить свыше помощь перед операцией или лечением...

И помощь эта для нас бесценна.

РАССКАЗЫВАЮТ ДОБРОВОЛЬЦЫ, СЕСТРЫ-БЛИЗНЕЦЫ ЛИЗА ЛЬВОВА И НАТАША ПОРТНОВА:

...Отец Георгий очень не любил казенщину и всячески ей препятствовал. Отчасти с его подачи ребят в больнице стали называть «домашними» именами. «Мы — одна семья, — не раз говорил он, — дети, доктора, медсестры, волонтеры». Себя он в этом семействе причислял к добровольцам. Он учил нас, что дети не должны чувствовать себя отверженными, что с ними нужно работать, как со здоровыми, тем более что пробуждение творческих сил помогает «вырастать из болезни».

Валентин Вальтерович Пальм, заведующий нейрохирургическим отделением, не раз говорил, что пятьдесят процентов успеха в лечении детей принадлежат деятельности церкви при больнице.

Бессмысленно говорить о статистике: кто оценит, что именно спасло ребенка — искусство врачей, с трудом добытое лекарство, хороший уход или горячая молитва? Но все-таки есть и убедительные цифры: по сравнению с началом 90-х, когда выживало 20-30 процентов детей, страдающих тяжелейшими заболеваниями, сегодня их число составляет порядка 70 процентов.

Отец Георгий говорил, что человек всегда живет надеждой, но вера — это то, что «сверх надежды». Вера — это когда надежда вторгается в сферы, где надеяться уже, казалось бы, не на что. Это твердая убежденность, которая ни на чем внешнем не основана и лишена резонов.

Сколько раз приходилось видеть, как вопреки всему, вопреки логике медицинских прогнозов, надежда и вера родителей побеждали. И врачи признают, что такое возможно.

Года четыре назад в реанимации погибал мальчик Коля. Врачи так и сказали маме: надежды нет. Но каждый день она бывала в больничном храме, молилась, потом подходила к Лине Салтыковой и, улыбаясь, говорила: «Я знаю, у нас все будет хорошо». Всем казалось, что она не в себе от горя. Однако мальчик выкарабкался. И теперь каждый раз, приезжая на проверку, они обязательно приходят в храм и благодарят. Лина, вспоминая эту историю, говорит: «Мы — очень близкие люди, потому что вместе пережили такое». Много было подобных историй, но эта почему-то запомнилась многим.

Может, это и есть чудо? Нет, скорее неумиряющая надежда. Родители тяжелобольных детей страстно ждут чуда. И порой ребенок, которого вчера считали безнадежным, выздоравливает, к великому счастью родителей, врачей и всех окружающих. Отец Георгий постоянно предостерегал: не ждите чуда, работайте, чтобы дать место присутствию Бога, лишь тогда и возможно то, что нам представляется чудом.

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ ПИСАЛ:

Евангелие избегает слов «чудо», «чудеса» по отношению к Христу, оно говорит о знамениях. Чудеса же — это деяния Антихриста, цель которого — привлечь внимание простодушных людей... Во времена поздней античности появлялись книжонки, в которых рассказывалось, например, о животных с двумя и тремя головами, сиамских близнецах, о людях ростом в 3-4, а то и в 20 метров, о том, что где-то шел кровавый дождь...

Читая Евангелие, мы видим, что творимые Иисусом «чудеса» (дословно «знамения», знаки присутствия Божия) с огромным интересом воспринимаются людьми посторонними, случайными. Люди собираются вокруг Него огромными толпами... Но Иисус совершает «чудеса» не для того, чтобы поразить воображение людей, а чтобы показать присутствие Божие.

Значит, в ответ на жажду чуда Иисус предлагает что-то другое: Он призывает человека совершить свой прорыв.

Отец Георгий не раз говорил в проповедях о том, как этот «прорыв» важен для человека, и призывал каждого прорываться через свои немощи, страхи, сомнения, опираясь на помощь Божью, а значит, на веру в Него. Но, указывая на апостола Фому, напоминал, что порой в вопросах веры необходим некий здоровый скептицизм:

Апостол Фома выступает не неверным (как неправильно аттестует его русский фразеологизм, называя Фомой Неверным), а **нелегковерным** или же боящимся поверить молве, ибо отвергает он то, что ему говорят,

считая возможным верить лишь в то, в чем может каким-то образом убедиться на собственном опыте. И этот опыт ему дается.

Афонские монахи учат, что к чудесам нужно относиться крайне осторожно, а рассказывать о них следует только на исповеди духовнику. Они вообще не рекомендуют произносить слово «чудо», потому что в поисках чуда легко соскользнуть в язычество.

Однажды мне принесли газету со статьей об иконе Божией Матери, у которой люди исцеляются от онкологических заболеваний. Автор писал, что дети, облысевшие во время болезни, лобызали икону и спустя некоторое время у них, по свидетельству матерей, вновь начинали расти волосы. Это действительно так. Но общеизвестно и то, что волосы выпадают не из-за болезни, а после определенных методов лечения. Как только курс лечения прекращается, волосы снова начинают расти и в том случае, если болезнь продолжает развиваться. Таким образом, автор статьи продемонстрировал вопиющую безграмотность и безнравственность. Подобные «свидетельства» о чудесах приводят не к вере, а к безверию.

Всякий раз, когда прикасаешься к евангельскому слову, которое через два тысячелетия сохранило свою свежесть, от которого исходит дыхание уст Иисуса, произнесших его, понимаешь, что это чудо. Чудо, с которым не сравнится никакое другое. Это — чудо всепроникающего присутствия Божия. Оно раздвигает границы тысячелетий, и в результате Иисус, абсолютно реально входя в нашу жизнь, действительно оказывается здесь, среди нас.

И такие чудеса в больнице происходят постоянно. Это видят все — прорыв медицины огромен: новые подходы к лечению, новые медикаменты,

множество выздоравливающих от ранее неизлечимых заболеваний. У мамочек чуть ли не ежедневно происходят встречи — в нужный момент, в нужном месте — с теми, кто может и хочет помочь детям. Появляются — можно сказать, сами приходят — огромные деньги на лечение. Волонтеры утверждают, что достигают результатов, лишь работая в нужном направлении. Вылечившиеся пациенты не забывают их, а некоторые даже вливаются в Группу.

Еще одна история жизни. Не одной, а нескольких: матери и ее двоих детей, один из которых, старший, во младенчестве умер в РДКБ.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛАРИСА ХАЛАНГОТ, МАМА МАКСИМА И ДАНИЛЫ:

Я хочу рассказать о людях, которые работают в храме, и прежде всего о Лине Зиновьевне. Она так много сделала для моей семьи, для моих детей — Максима, а позже и для Данилки. Например, когда Максимка отказывался есть по нескольку дней, Лина залезала под стол, становилась на колени, кукарекала и лаяла, и тогда ребенок то хохотал, то пугался, но открывал рот и съедал положенную порцию.

А как Максим ждал Володю Шишкарева и Аню Гноенскую! Баян заиграет — значит, идет дядя Вова. Максимка слушал, хлопал руками и пел с ним вместе, все Володиные песни знал наизусть. Это давало заряд бодрости на несколько дней. Одну песню, про волхвов, мы пели часто, каждый день. И когда теперь я иногда слышу ее по радио или телевизору (в передачах про наш больничный храм), начинаю рыдать — моего Максимки нет с нами

уже четырнадцать лет. Теперь эту песню знает Данилка — знает, что это Максимкина песня. Зовет, когда услышит: «Мама, иди, здесь Максимкину песню поют». И если я плачу, то это от благодарности людям, которые поддерживали Максимку и меня.

Тогда игрушек не было никаких. Аня приносила нам машинки, и мы их стали коллекционировать — получился огромный гараж. И когда мой мальчик лежал в палате и не мог никуда ходить, к нему приходил отец Георгий и с лукавым видом спрашивал: «А какая это машина?» И Максимка все машины узнавал: «опель», «мерседес» и другие. Знал все модели машин. Когда приходили добровольцы из храма проведать нас, на душе становилось светло — как будто наступало чистое утро.

Первое причастие — мое и моего ребенка — связано с отцом Георгием. Я шла от него и была будто чистый пергаментный лист, я сияла от чистоты, у меня кружилась голова от того, что произошло! Потом уже при виде его это повторялось, как приятное наваждение. Я ему за это очень благодарна. Помню, как он приходил в бокс причащать Максимку, называл его «Макс!», и от его приветствия у меня просто теплели руки. Мы с сыном ходили на все литургии, слушали его.

Незнакомые люди приходили ко мне и расспрашивали про наши дела. Я очень удивлялась, потому что после нашей первой больницы в Донецке это и правда было удивительно. Я только потом узнала, что эти люди — волонтеры от храма.

В то время меня очень опекал Петя (теперь уже отец Петр), непонятного вида серьезный молодой человек. Подойдет, спросит. Я же думала: что это изменит? Мы подолгу разговаривали, и оказалось, это изменило мою душу, стало другим мироощущение, другим отношение к болезни, к жизни.

Еще очень памятны слова отца Георгия, когда врачи сказали, что у Максимки Т-клеточная лимфома, очень редкая. Он сказал: «Надо молиться о докторах, чтобы им Бог вложил мысль в голову, чтобы они придумали какие-то методы, применительные к вам, помогли Максимке».

Когда Максимки не стало, я решила его кремировать, не могла себе представить, что его маленькое тельце опустят в «грязь». И тогда отец Георгий сказал: «Лариса! Да разве же это грязь? Он в таком светлом месте, что ты даже не представляешь». И этот разговор перевернул все. Я сделала, как полагается, как сказал отец Георгий. Он отпевал Максимку. Отец Георгий дал мне силу тогда, он говорил, стиснув зубы: «Лариса! Надо держаться!» И этот приказ меня держал.

Я плакала каждую ночь, я ставила лампадку и фотографию, все, как говорил отец Георгий, и мне становилось легче. Потом у меня была попытка самоубийства, а он сказал: «Ты знаешь, если человек решит закончить жизнь самостоятельно, он попадет в совсем другое место. Например, если ты вздумаешь с собой что-то сотворить, ты никогда не встретишься с Максимом. Никогда». И я поняла, что надо нести крест всю жизнь. У меня нет другого выхода. Так я осталась в храме и на белом свете. Поначалу все время спрашивала отца Георгия: «За что?» Плакала. Он говорил: «Ты должна держаться, это не “за что”, а “для чего”. Ты сама должна понять, для чего это». И я поняла. До этого в моей жизни присутствие Бога не так сильно ощущалось, а теперь оно мне необходимо. Появилась потребность сделать что-то доброе самой.

Потом родился Данила, и опять отец Георгий первым причастил моего второго мальчика, согласился быть крестным. Я не представляла другого. Он у меня ассоциируется с Церковью, добротой и любовью. Большой и теплый шар...

Храм для меня дом, я готова отдавать храму все силы, но не всегда знаю, как быть нужной. Я думаю, когда Данилка подрастет, мы будем часто сюда ходить, разговаривать с мамками, с детьми. Я по себе знаю, как это помогает — обычный разговор, участие.

Я хочу, чтобы мой сын Данилка так же нуждался в общении с этими людьми, так же хотел в храм. Пока он не все понимает в службе, не понимает каких-то слов. Что могу, я ему объясняю. Я хочу, чтобы у него было пристанище, дом, чтобы он знал, куда идти, когда меня уже не будет рядом. Хочу, чтобы он помнил тех, кто столько делает для других. Путь указан — отец Георгий указал. Я раньше была далека от Церкви, а сейчас не мыслю жизни без нее. Хочу, чтобы Данилка научился любить, отдавать и быть добрым, как те, кого я вижу здесь. Хочу, чтобы самым важным в его жизни была любовь.

Вспоминает доктор-гематолог Анастасия Руднева:

К сожалению, я очень мало пересекалась с отцом Георгием, хотя знала про него с детства. О нем рассказывали одноклассники и их родители — прихожане храма Космы и Дамиана. Помню его голос на многолюдных Пасхальных службах и чтение Евангелий на нескольких языках.

Потом я пришла работать в РДКБ и встретила здесь отца Георгия.

По выходным длинные больничные коридоры пустынные, но за дверями боксов и палат лежат дети, чьи недуги не спрашивают, какой сегодня день — выходной или праздник. В первом боксе лежала Аревик — девочка из Армении, тонкая, как тростинка, дерзкая, веселая, всеми любимая и балованная. Болезнь переломила ей

позвоночник, ноги были парализованы. На четырнадцатилетие Аревик подарили долговязую розу. Живые цветы в боксах строго запрещены, от заведующего розу прятали за спинку кровати.

Кажется, отец Георгий специально зашел ее поздравить, но, может, просто причащал, как и всех, кто не мог дойти до больничного храма. Почему-то я слышала их разговор. Отец Георгий рассказывал Аревик, как встречался с Католикосом всех армян, чья фотография стояла в боксе. Еще он сказал: «Я знаю, что твое имя по-армянски означает “Солнышко”».

Нам выпала честь и радость жить с ним в одно время и в одном месте.

Аревик выздоровела и снова научилась ходить.

Я стараюсь спрашивать у детей, которые говорят на других языках, что означают их имена.

Глава V

НАШ «ФАНДРЕЙЗИНГ»

Что такое «фандрейзинг», в наше время знает каждый школьник: поиск денег на какое-то начинание. Сегодня этот предмет преподают в университетах и бизнес-школах. Когда Группа милосердия начинала свою работу, никто и понятия не имел о том, как добывать деньги на благотворительность. В начале 1990-х основные поступления медикаментов, вещей и денег шли из-за границы своим ходом. Лишь позднее, несколько лет спустя, нашлись донаторы и в нашей стране. Но все-таки первые деньги приносили в храм прихожане, среди которых богачей не было.

Сейчас во всем мире благотворительность поставлена на широкую ногу. Крупные банки, фирмы, компании делают огромные отчисления на благотворительность, поддерживая здравоохранение, науку и образование. Знаменитые артисты, певцы, музыканты всё чаще создают благотворительные фонды, и всемирно известные имена тоже притягивают спонсоров. Это нельзя не приветствовать. Но у Группы милосердия другая история: деньги давали люди совсем

не богатые, не от излишков, а от полноты сердца — впрочем, были и богатые, которые помогали всегда анонимно.

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ НАПИСАЛ ОБ ЭТОМ ТАК:

Когда ребенок погибает, потому что бессильна медицина, — это трагедия, которую мы вынуждены с неизбежностью принять. Когда ребенок погибает, потому что на лечение не хватает денег, — это моральная катастрофа для общества, которое способно с этим примириться. Мы понимаем, что найти огромные деньги, какие требуются на лечение ребенка, больного онкологическим, гематологическим, иммунологическим или иным тяжелым заболеванием, очень сложно, и для одного человека практически невозможно. В подавляющем большинстве случаев это непосильно для родителей больного ребенка. Но если каждый из нас внесет малую часть из того, что необходимо, может быть, все получится...

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

Я помню, на одной службе в больничном храме после чтения Евангелия про две лепты вдовы, отец Георгий говорил проповедь о том, что основа Церкви — копейки бедных людей, которые отдают последнее. По окончании службы мальчик лет шести принес свою копилку и положил в ящик для пожертвований всю накопленную мелочь.

Мы поняли, что «две лепты вдовы» — это и есть то главное, тот фундамент, на котором зиждется христианское служение.

После гибели отца Александра ко мне обратилась одна женщина, Татьяна. Она была инвалид, жила на нищенскую пенсию и, специально устроившись ухаживать за больными, ежемесячно отдавала все деньги в помощь больным детям. Это продолжалось много лет.

И по сей день в храм регулярно приезжают несколько пожилых женщин (им далеко за семьдесят), привозят часть своей пенсии и благодарят нас. Еще одна замечательная женщина, Елена Дмитриевна (ей семьдесят восемь), работает преподавателем и весь заработок отдает самым бедным родителям. Только вот ездить уже не может, просит, чтобы приезжали к ней сами.

Поле благотворительности в нашей стране возделано слабо, хотя в последние годы были созданы мощные фонды помощи больным детям, и это замечательно — наше общество просыпается от эгоизма и равнодушия. Но Группа милосердия делает упор на личном участии.

ВОТ ЧТО РАССКАЗАЛА НАМ ДИРЕКТОР БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «СОЗИДАНИЕ» ЕЛЕНА СМИРНОВА:

Наше знакомство состоялось в страшное время — на третий день после трагедии в Беслане. В РДКБ на лечение стали поступить бесланские дети, а вместе с ними и люди, пытавшиеся им как-то помочь.

Группа милосердия располагается в храме, и, зайдя туда, я сразу почувствовала тепло: то ли от свечей, то ли от людей, находившихся там. В одну минуту мы стали родными. Вместе искали списки с погибшими и ранеными в Беслане. Вместе распределяли страховки, тайком вывозили детей на Красную площадь и Воробьевы

горы. Вместе слушали рассказы детей и родственников, находившихся в бесланской школе 1 сентября. Понемногу я стала узнавать и историю возникновения этого удивительного Фонда помощи детям, находящимся на лечении в РДКБ.

Группа образовалась 20 лет назад, когда о благотворительности в России еще никто не говорил. Стояла цель — хотя бы минимальная помощь детям, Ване на бинты, а Танечке на лекарства. Тогда Лина Салтыкова даже не знала, что во многом именно благодаря ей и ее помощникам в больнице поднимется отделение трансплантации органов, будут делаться пересадки костного мозга, развиваться направления, уникальные для российской медицины. Они одними из первых вслух заговорили о болезнях, печатали фотографии детей, которым каждый может помочь, рассказывали о том, что некоторые дети лежат в больнице месяцами. И что надо срочно ломать стереотип «моя хата с краю». Каждого, будь ты богат и всемогущ или, наоборот, беден и одинок, абсолютно каждого может постичь беда. И в этот момент самое главное — поддержка.

Очень многие тяжело и, казалось бы, неизлечимо больные дети вставали на ноги в этой больнице благодаря не только таланту и искусству врачей, но и заботе волонтеров.

Огромный опыт Группы милосердия показал, что, если очень стараться и верить, преодолимы почти все преграды. Каждый обратившийся находит здесь утешение и настоящую помощь.

У нас было и есть очень много общего. Общие дети, которых мы привозим из далеких поселков в больницу, а врачи РДКБ лечат. Группа подбирает нянь и помогает этим детям. Как важна эта уверенность: ты можешь привезти абсолютно больного ребенка из детского дома

на лечение и заранее знать, что все будет хорошо. Он будет накормлен и обогрет, у него будут отличная няня и лучшие игрушки, его вылечат, и он уедет домой, в детский дом. Хотя, может, и не уедет. Потому что добровольцы найдут ему семью. И это не единичный случай, это реальность.

Еще больше нас сблизил болезнь маленькой Машеньки. Группа и малышкина мама вместе боролись, вместе радовались победе, когда после пересадки костного мозга болезнь отступила, вместе планировали будущее девочки. Но Маша умерла из-за банального вируса за три дня до предполагаемой выписки. Я знаю, что для волонтеров это была огромная трагедия и потеря, но они продолжают до самого конца бороться за любого ребенка.

Тогда же и в моей семье случилось несчастье: тяжело заболела старшая дочь. Было 23 февраля, Лина Салтыкова бросила все дела и поехала с нами на сложное обследование. Если бы Лины не было рядом, возможно, и моей Сашки не было бы. Я помню, как лежали в больнице, все было непонятно, и прогнозы не лучшие, но мы справились. Вместе. Все вместе.

Я не представляю себе, как волонтеры справляются с таким множеством бед и горестей, с ежедневным приемом заплаканных мамочек, со сбором документов, организацией госпитализации и, к сожалению, похорон (как чудовищно это ни звучит). Теперь у них прибавилось хлопот — Дом Надежды и приют для детей.

Основные христианские принципы добровольцев — постоянство помощи, анонимность жертвователей и полная ответственность получающих (помощь всегда адресна и используется строго по назначению).

А отсюда еще один принцип: прозрачность финансовой деятельности и отказ от распространенной практики «откатов» и многих других манипуляций, которые, к сожалению, нередко используются.

Об этом писал отец Георгий:

Иисус учит нас заботиться о нищих бескорыстно, не используя это для самооправдания или в каких-то иных неблагоприятных целях. Он подразумевает наличие у нас свободной воли: «...и когда захотите, можете им благотворить» (Мк 14:7). Захотеть или не захотеть — наш свободный выбор.

...«Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда» (Мф 26:11). Закономерно возникает вопрос: а когда Иисуса нет с нами? Ведь мы знаем Его слова: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28:20), «Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18:20)... Ответ очень прост: Иисус не с нами, когда мы не хотим благотворить нищим, которых «всегда имеем с собой». Накануне Своих страданий Иисус напоминает людям: Я с вами всегда, если вы по доброй воле помогаете обездоленным.

Вот размышления заведующего отделением эндоскопической хирургии РДКБ Артема Валентиновича Мызина:

В Российской детской клинической больнице более сорока отделений различного профиля, здесь лечатся дети из всех регионов России. Эти дети поступают к нам зачастую физически и психологически уставшие после длительного и тяжелого лечения на местах (подчас не

совсем удачного). Наша больница — последняя инстанция, где решается вопрос, быть или не быть ребенку здоровым, социально активным членом общества.

Дети и их родители хотят верить в чудесное исцеление, и персонал больницы изо всех сил старается превращать сказку со счастливым концом в явь. Но чтобы достичь заветной цели, усилий и желаний медперсонала мало, особенно если в распоряжении врача только стетоскоп и клистир.

Материально-техническая база РДКБ сильна, но не безгранична. Ежегодно появляются новые прогрессивные методы лечения, требующие нового оборудования и инструментария. Речь идет не о модных направлениях и методах, чем «страдают» частные клиники, а о приборах, которые реально помогают исцелению. Все закупить невозможно... И в момент крайней нужды и надобности все врачи РДКБ помнят и знают, что есть Группа милосердия, где выслушают, поймут и, может быть, попеняют, что не пришел раньше.

Группа уникальна тем, что помогает всем отделениям и всем больничным детям, независимо от того, что болит — голова или пятка. И это крайне важно, потому что при любой болезни страдания больного — это страдания. И не важно, от чего плохо, больно и тоскливо — от почесухи, разодранной до крови, кинжальной боли в животе при перитоните или синяка под глазом, осложненного отслоением сетчатки.

В обществе давно наблюдается опасная тенденция: если ты политик, актер, общественный деятель, ты обязан посетить больницу, желательно — детскую, желательно с заболеваниями крови, скелета (предпочтительно лицевого) или требующими трансплантации органов. Прилюдно передать материальные блага. Все, долг исполнен. Все видели. Благородно, но однобоко.

Но есть и другие дети, к которым «большие» люди не приезжают. Не принято красоваться и дарить телевизоры или дорогой лечебный агрегат дружному детскому коллективу, который помирает от хронических запоров или рвот на фоне пороков желудочно-кишечного тракта или захлебывается гнойной мокротой, потому что разваливаются легкие. Дырку в животе с калоприемником при отсутствии попы по телику не покажешь, а вид использованных лотков и горшков вызывает скорее не интерес, а тошноту. Эти дети страдают не меньше остальных, и у них есть реальная возможность в ближайшем будущем стать совершенно здоровыми, вот только помощь как-то обходит их стороной.

Но Группа милосердия помогает всем.

Низкий поклон вам и глубокая благодарность!

Лина Салтыкова рассказывает «финансовую историю»:

Еще при жизни отца Александра стали приходить грузы из Ванкувера от одного православного прихода — их организовала духовная дочь отца Александра Раиса Ильинична Илюшенко. В посылках были лекарства, расходные материалы, замечательные куклы, машинки, одежда, сладости — необыкновенная радость для детей, порой ничего подобного не видевших.

Я помню маленькую девочку Киру, которая ложилась спать в новых лаковых туфельках. Так случилось, что эти лаковые туфельки были последней радостью в ее короткой жизни.

Отца Александра не стало, а фуры с посылками продолжали приходить — и на каждой посылке была приклеена его фотография.

Для врачей необыкновенной радостью были медикаменты. В основном разрозненные, собранные по людям и аптекам, но ценные лекарства, которых в нашей стране тогда не было.

Вскоре после убийства отца Александра на его имя из Италии пришел огромный груз с одноразовыми шприцами, в которых больница остро нуждалась. Но сколько усилий потребовалось, чтобы этот груз получить!

Тогда, казалось, весь мир хотел помочь России. Благотворительные грузы и материальная помощь из Франции, Италии, Германии, Англии, Америки поступали регулярно года до 96-го. Это огромная работа — получать, растаможивать, раздавать. Находилось много помощников, и все равно было трудно. Но эти трудности забывались при виде радости детей, родителей и врачей.

Конечно, мы сотрудничали и с большими зарубежными фондами. Начала выстраиваться системная помощь некоторым самым тяжелым отделениям. Известный швейцарский адвокат Игорь Тихонович Троянов, ставший нашим другом, организовал многолетнюю помощь отделению пересадки почки от крупного швейцарского фонда — он там был членом попечительского совета. Все отделение обеспечивалось самыми дорогими современными препаратами, за те годы удалось помочь десяткам детей. Многие уже выросли, у них свои семьи. А отделение пересадки почки — теперь одно из лучших в больнице.

Гематологическим отделениям многие годы помогал крупный американский фонд. Ежегодно закупал медикаменты на суммы до ста тысяч долларов — в результате было выведено на современный уровень лечение таких тяжелейших заболеваний, как апластическая анемия и лимфобластный лейкоз.

Наши друзья в Париже познакомили нас с замечательной женщиной Зоей Леонидовной Асс, племянницей Виктора Провоторова, завещавшего ей огромную коллекцию произведений искусства для продажи с целью помощи русским детям. Мадам Асс, несмотря на преклонный возраст, регулярно приезжала в Россию и организовывала эту помощь. Благодаря ей онкогематологические отделения РДКБ за пять лет получили медикаменты на сотни тысяч долларов.

Очень помогало посольство Франции. С нами дружила жена французского посла Ольга Морель, русская по происхождению. Не раз приезжала в больницу, привозила детям подарки к праздникам. В начале 90-х посольство Франции организовало крупное правительственное пожертвование — дорогостоящие медикаменты, в основном для отделения пересадки почки. Много лет нас поддерживали советник посольства Германии Эггерт Хартманн и его жена Фрауке. Видя бедственное положение больницы, они захотели помочь отремонтировать отделение травматологии, в то время переполненное детьми, ранеными в Чеченской войне. Составили смету ремонта — оказалось, это стоит более трехсот тысяч долларов. Таких денег у этих людей, конечно, не было. Но так случилось, что вскоре Эггерт Хартманн получил крупную государственную премию. Супруги отдали деньги на ремонт в больнице: сказали, что у них уже все есть, а здесь эти средства необходимы.

Связи расширялись, благодаря им удалось организовать стажировки врачей РДКБ в парижских клиниках.

В 1989 году отец Александр Мень выступал на конференции в Мюнхене. Там он познакомился с пожилым господином, бароном фон Оу, и рассказал ему о нашей больнице. Через три года меня нашли две дочери барона.

Одна, Стефания, работала координатором по благотворительной помощи России в организации «Мальтийский крест». Благодаря ее деятельности удалось помочь многим детям. Вторая дочь барона, жена консула Германии, восемь лет прожила в России, и эти супруги тоже много нам помогали.

Откликались и русские эмигранты. Помню, в 1990 году одна девочка после пересадки почки погибала от вирусной инфекции: был необходим дорогостоящий противовирусный препарат. И тут вдруг мне позвонила женщина из Германии, представилась Ириной Сергеевной фон Шлиппе, стала расспрашивать о нашей работе. Я попросила ее о помощи. Назавтра она перезвонила и сказала, что лекарство привезет генерал КГБ Олег Калугин. К сожалению, лекарство не помогло, Тамарочка погибла. (Этот день запомнился еще и тем, что был августовский путч, все дороги были перекрыты, и отправить гроб в Казань, откуда девочка родом, было просто невозможно.) Ирина Сергеевна продолжала присылать лекарства. В те годы смертность была гораздо выше, чем сейчас, и каждый спасенный ребенок был счастьем и для врачей. Про родителей не говорю!

Тогда многие привозили лекарства — всех уже не помню. Писатель Владимир Войнович, например, в свой первый приезд в Россию привез помощь от русских друзей из Германии.

Мы помним, как все это начиналось, — средства на социальную помощь собирали в Сретенском храме Новой Деревни еще в конце 1980-х. Где-то там, где не ведутся бухгалтерские отчеты, где нет трансакций и трансферов, ценится лишь то, что делают от щедрости сердца, от доброты, и две лепты остаются самым ценным приношением.

ОТЕЦ ГЕОРГИЙ КАК-ТО СКАЗАЛ В ПРОПОВЕДИ:

Бывает, что маленький ребенок или бедная старушка могут помочь больше, чем самый благополучный человек. Потому что они откликаются на нужду из глубины сердца, по-настоящему, серьезно, искренне. И из того, что делают они, получается нечто по-настоящему большое, важное, Божье.

В конце 1990-х, когда помощь из-за границы становилась все меньше, начали помогать россияне: отдельные люди и целые компании. В это время, например, благодаря усилиям Раисы Максимовны Горбачевой, в больнице открыли отделение трансплантации костного мозга — многих детей спасли от неминуемой гибели. Сама Раиса Максимовна трансплантации костного мозга не дождалась...

Сегодня крупная помощь поступает от российских компаний и частных лиц, чей основной принцип — бескорыстная помощь ради спасения детей. Страна как будто просыпается после семидесятилетней спячки, когда любая инициатива, включая благотворительную, могла обернуться непредсказуемыми неприятностями.

Вот что написал в 2005 году профессор Алексей Александрович Масчан:

Практика и время показывают, что никакое улучшение ситуации в нашей стране, никакое государственное финансирование не в состоянии поистине осовременить отечественную медицину. Организация российского здравоохранения и методика его финансирования, к со-

жалению, не способствуют внедрению новых технологий. Только помощь негосударственных фондов и групп позволяет нам продвигаться вперед.

Внедрение в нашей больнице такого прогрессивного метода лечения, как неродственная трансплантация костного мозга, — целиком заслуга Группы милосердия. Благодаря этим энтузиастам и добровольным помощникам, а также многочисленным жертвователям, наше дело сумело выжить, когда никакого иного финансирования у нас не было. Мы смогли сохранить команду и технологию, спасти жизнь множеству пациентов. Кого-то из тех, кто поддержал нас в трудную минуту, мы хорошо знаем, кого-то — нет. Как правило, это люди скромные, не желающие открывать ни своих лиц, ни имен. Всем им мы бесконечно благодарны.

Пациенты больницы и их родители особенно нуждаются в человеческом, дружеском участии. К сожалению, в наших больницах почему-то отсутствует служба психологической поддержки, и поэтому Группа милосердия абсолютно необходима. Это они поддерживают детей и родителей, остающихся один на один со своей бедой, и несут тот огромный психологический груз, который, конечно, куда тяжелее груза материальных затрат. Измерить его невозможно.

История Антоши К.

Это был грудной мальчик из Брянска, с тяжелым заболеванием крови. В семье от такого же заболевания уже погибла девочка. Когда мама родила Антошу, оказалось, что он тоже болен. Их направили лечиться в РДКБ. Всем, кто их знал, очень хотелось помочь. Антоша был настолько мал, что однажды медсестра, зайдя в палату,

спросила: «А где здесь Антоша?» — не заметив его на кровати.

Малышу нашли неродственного донора и сделали первую в РДКБ пересадку костного мозга. Сейчас мальчику 12 лет. Приезжая с мамой в больницу на проверку, он всегда приходит в Группу милосердия, рассказывает о себе, о том, как хорошо учится в школе, а еще ко всем праздникам присылает письма, старательно написанные аккуратным детским почерком.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛЮБОВЬ Т., МАМА СЕРЕЖИ Т.:

В 1995 году я по воле судьбы оказалась в Москве, но, к великому сожалению, не на экскурсии — я попала в РДКБ с больной дочкой. Когда дочери поставили страшный диагноз (гемофагоцитарный лимфогистиоцитоз), я была потрясена. Страх и полная беспомощность. В чужом городе, совершенно одна — я не знала, что делать, к кому обратиться за помощью или советом. Меня познакомили с Линой Зиновьевной Салтыковой и сказали: «Она тебе поможет». С той минуты в моей жизни появился мудрый советчик и друг.

Однажды я ей сказала, что никогда не исповедовалась, но очень бы хотела, а она ответила: «Приходи в субботу в храм, будет отец Георгий, тогда и исповедуешься». В ночь перед исповедью я практически не спала, волновалась, думала, как и о чем я буду говорить со священником. Наутро проснулась совершенно разбитая, голова болела ужасно. Преодолев боль и страх, я пошла.

В храме тьма народа, я подумала: «Где же я буду исповедоваться, люди же кругом?» Отец Георгий положил мне на голову епитрахиль, и я оказалась словно в отдель-

ной комнате. Робко начав исповедь, я не услышала ни единого слова укора или неодобрения. Исповедь прошла на одном дыхании: я говорила, а в ответ — советы мудрого человека. А потом такая легкость, что хотелось летать. Он так к себе располагал, ему можно было рассказать о любой проблеме и всегда услышать совет. Однажды, когда дочке было очень плохо, я в отчаянии спросила отца Георгия: «Что же делать, сил больше нет смотреть на страданье ребенка», а он ответил: «Доверься Господу и молись, и я тоже помолюсь». Я молилась и верила, что все будет хорошо, и через два дня кризис миновал. С тех пор в любой ситуации я доверяюсь Господу и молюсь, как учил отец Георгий.

Продолжает эту историю Лина Салтыкова:

Как-то в отделении общей гематологии я увидела молодую женщину. «Вы меня не помните? — спросила она. — Девять лет назад мы лежали здесь с дочкой». Конечно, я ее вспомнила, и вспомнила, что ее девочка, Алина, тогда умерла. Меня охватил ужас: эта мама снова здесь, но уже с маленьким сыном, у которого то же заболевание, а значит, вероятен и тот же исход.

Но, к счастью, все сложилось по-другому. Алина погибла, потому что для нее в семье не нашлось подходящего донора костного мозга. Сережа с шести месяцев лечился в РДКБ. Ему, одному из первых, сделали трансплантацию костного мозга от неродственного донора. Это спасло мальчику жизнь.

Сам он всем представляется «Сергеем Николаевичем», добавляя: «Я вырос уже!». И никто, глядя на этого непоседу и говоруна, даже не догадывается о его недавнем тяжелейшем диагнозе. После трансплантации

прошло три года, и, по рассказам его мамы, образ жизни у мальчика самый активный: прыгает, танцует, играет в мяч, обожает зарядку и отжимания, умеет стоять на голове и даже поет песни собственного сочинения (что видит, о том и поет). Вот такая радость всем: и семье, и врачам, и добровольцам.

Особый этап в жизни Группы милосердия начался с появлением интернет-сайта. Первые попытки разместить в Интернете информацию о работе волонтеров в РДКБ начались в 1997 году, а в 1998-м эта идея осуществилась благодаря Алексею Налогину — создателю и бессменному администратору сайта www.deti.msk.ru. При его участии нашлись и необходимые средства: Фонд Форда выделил грант на открытие одного из первых благотворительных сайтов в России.

Первым редактором сайта была Галина Чаликова, позже ее заменила Марина Насонова. Судьба же Алексея Налогина необычна: в 14 лет он перенес сложную онкологическую операцию и стал инвалидом, но не сдался и сам себя поставил на ноги. Алексей изобрел ортопедическую систему, которую назвал «Доспехи», — она позволила ему самому вернуться к активной жизни, а впоследствии помогать и другим людям снова научиться ходить. Теперь «Доспехи» используются и в РДКБ.

Появление сайта кардинально изменило ситуацию: информация о том, что происходит в детской больнице, вышла за рамки небольшого кружка волонтеров и их друзей — к ним присоединились сотни людей. Для многих это значило не только узнать и посочувствовать, но принять посильное участие в проблемах больницы и детских судьбах.

Таких людей оказалось много, и именно их поддержка помогла расширить деятельность Группы милосердия и развивать новые возможности помощи. Сотни детей спасены только благодаря помощи извне.

ВСПОМИНАЕТ ПРОФЕССОР АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАСЧАН:

Когда у Группы милосердия появился сайт в Интернете, я не верил в эту технологию, считал ее слишком обезличенной. Однако в современных условиях «электронная благотворительность», если можно так выразиться, доказала свою эффективность. Как человек, поколесивший по гематологическим клиникам страны и знающий их проблемы, могу сказать, что сайт Группы милосердия РДКБ абсолютно уникален. Думаю, что распространение этой формы благотворительной деятельности принесет пользу повсюду.

В это же время, в 1998 году, был официально зарегистрирован Региональный общественный благотворительный фонд помощи тяжелобольным и обездоленным детям (РОБФП), подписаны договора с больницей. Так и возникла Служба милосердия и благотворительности при РДКБ: Группа милосердия имени отца Александра Меня, храм Покрова Пресвятой Богородицы, Фонд и сайт. Весь добровольческий коллектив сегодня — около пятидесяти человек.

Сайт помог сделать и то, о чем раньше не могли и мечтать: отчасти разрешилась одна из самых тяжелых проблем — давний российский «квартирный вопрос». Матерям, приезжающим с

больными детьми на проверку, негде было жить, у большинства нет денег на съём жилья, и жизнь этих несчастных женщин усугублялась житейскими трудностями: порой они ночевали в больничном подвале, в непригодных для жизни помещениях, на вокзалах. К тому же число детей, проходивших лечение в больнице, увеличивалось, причем многие должны были лечиться амбулаторно. Добровольцы искали и снимали квартиры, но это не решало проблемы. В 1996 году Жанна Никё, русская женщина, живущая во Франции, подарила Группе милосердия свою московскую квартиру. Много благодарных временных жильцов перебивало в этом прибежище, однако помещения все равно не хватало. Просто необходим был дом, где могли бы остановиться родители, привозившие детей в больницу.

Тогда же у Службы появился надежный друг — Эннио Бордато. Итальянец, увлеченный Россией, он изучил русский язык, знает и любит русскую литературу. Сайт о детях в центральной российской больнице поразил его, и Эннио уже не смог остаться в стороне. Создав Ассоциацию помощи детям «Aiutateci a Salvare i Bambini Onlus» («Помогите спасти детей»), Эннио несколько лет поддерживал детей из гематологических отделений, доставал средства на приобретение лекарств, финансировал программу неродственных трансплантаций костного мозга, помог создать лабораторию для определения эффективности этих операций и контроля за состоянием пациентов после трансплантации. Эта лаборатория сейчас успешно функционирует и необычайно востребована.

Во время Бесланской трагедии Эннио был в Москве, в больнице, и сразу начал помогать. Десяткам пострадавших детей и их семей он организовал поездку в Италию для реабилитации.

Но на этом Эннио не остановился. Узнав о давней мечте Группы милосердия — доме для больных детей и их родителей, — он обеспечил финансирование строительства подмосковного «Дома Надежды», первого в России пансионата для проживания детей, страдающих онкогематологическими заболеваниями и находящихся на амбулаторном лечении.

Во всем мире при крупных клиниках существуют дома-гостиницы для больных детей и их родителей. В России таких домов не было.

«Дом Надежды» был открыт 28 сентября 2006 года. В трехэтажном здании 15 спален, прекрасные кухни, столовая, большая гостиная (игровая) в каминном зале, терраса... В доме современное оборудование, удобная мебель, электробытовые приборы; есть игровая площадка и многое-многое другое — всего не перечислить. Загородное чудо для детей, больных и выздоравливающих, и их родителей — настоящий реабилитационный центр.

Дети очень полюбили этот Дом. Даже вернувшись в свои родные дома, они часто просят мам «скорее вернуться домой, в “Дом Надежды”». За два года более 250 семей нашли в нем приют. К сожалению, всех, кто нуждается во временном проживании в Москве, он не вмещает. Жилья не хватает по-прежнему, и это одна из постоянных забот Группы милосердия.

Ниже приведено несколько писем и воспоминаний детей и взрослых, проживших в пансионате.

Письмо от Владислава Г., 9 лет:

Когда я заболел, мы с мамой ехали в Москву и боялись, что нам негде будет жить... А после первого блока химии Дмитрий Витальевич (заведующий отделением онкогематологии — *прим. авт.*) посоветовал подойти к Лине Зиновьевне, потому что у них при храме есть пансионат. Мы подошли. В пансионате было место для нас.

Когда ждали машину, очень волновались — куда мы едем?

Но, приехав, увидели, какое же это хорошее и красивое место! Рядом лес. Почти нет машин... Тихо, и очень чистый воздух.

Позже узнали, что недалеко есть озеро. В лесу растут грибы и орехи, водятся белки, лисы и зайцы.

Я очень рад, что попал сюда, где нашел очень много новых друзей. Мы весело проводим время, играя на улице и в доме. Во время игр забываем о своих болезнях! Даже те, кто уехал домой, постоянно звонят нам, узнают новости и передают приветы.

Я надеюсь, что когда мы будем приезжать на проверки, то с радостью будем встречаться с друзьями, и опять нас приютят в этом замечательном Доме!

Удачное место,
Вид из окна чудесный...
Рыбалка, друзья,
Лес, поле,
Закаты, восходы...
Здоровье не очень,
Но все же чудесно...
Здесь каждый счастлив,
Прекрасное место!

РАССКАЗЫВАЕТ СВЕТЛАНА Ч., МАМА ПОЛИНЫ Ч.:

Мы попали в дом-пансионат, когда находились на амбулаторном лечении. Конечно, когда ехали туда, уже слышали, что там хорошо, видели фотографии. Ожидали увидеть добротный, приятный, благоустроенный дом, но казенный, как любой пансионат. Но увидели то, чего не ожидали. Это был действительно Дом. Не пансионат (это слово какое-то не домашнее), а настоящий Дом.

На второй день после отъезда и возвращения домой Полина стала просить меня: «Я хочу домой». «Куда, мы же дома?» — «Нет, в пансионат». Там действительно хорошо: ребятишки и едят, и играют, глядя друг на друга. Мы, мамочки, и поплачем вместе, и посмеемся, и продуктами друг друга поддержим, и мыслями-идеями поделимся. Так и жили, как большая семья, как настоящий дом. Вот и тянет туда душа.

В больнице лечение медикаментозное, а там — психологическое. Там очень хорошо.

А ВОТ НЕБОЛЬШОЕ СООБЩЕНИЕ С САЙТА:

Вчера мы праздновали День рождения Илюши И., воспитанника детского дома. Он сейчас вместе с «благотворительной» няней после очередного курса химиотерапии живет в нашем загородном доме, чувствует себя хорошо. В «Дом Надежды» поздравить именинника приехал клоун Костя. Илюша и все жители пансионата были в восторге от праздника. Как и подобает в День рождения, мы постарались осуществить заветные желания Илюши: в подарок он получил настоящий спортивный рюкзак, о котором давно мечтал, и портативный DVD-плеер с TV-тюнером, позволяющим смотреть

телепрограммы. Ну, конечно, не обошлось и без воздушных шариков-зверюшек, которых так ждали дети. Мама тоже постарались на славу и накрыли чудесный праздничный стол.

От души поздравляем Илюшу с Днем рождения, желаем ему крепкого здоровья, хороших верных друзей и надеемся, что этот мужественный парень, стойко вынесший все тяготы болезни и лечения, обретет семью.

Фандрейзинг — дело, которое не имеет ни начала, ни конца, постоянная забота Группы. На сайте размещаются имена больных детей, когда возможно — их фотографии, рассказывается об их нуждах. И очень часто присланная помощь спасает жизни.

Глава VI

ПОМОЩЬ СТРАДАЮЩЕМУ РЕБЕНКУ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

Конец 1990-х. Ни детальной программы, ни генерального плана. Часто шли на ощупь, отзываясь на сиюминутные нужды: играли с детьми, утешали их, хоронили умерших, отвозили выздоравливающих родителям, добывали лекарства, писали прошения и заявления, мирили поссорившихся, плакали вместе с плачущими, радовались с теми, кто вернулся к нормальной жизни... И учились.

То был уникальный опыт — а предшественников не было: широкое волонтерское движение в госпиталях России во время Первой мировой войны, инициированное аристократками и охватившее все женское образованное население, окончилось вскоре после революции. В Великую Отечественную школьные бригады самодеятельности выступали в госпиталях с концертами и приносили раненым шерстяные носки и гостинцы. Этим и исчерпывался опыт больничной благотворительности у нас на родине.

Было известно, что в Европе и Америке существует довольно разнообразная и мощная сеть волонтеров в разных областях: от групп женщин, организовывающих безопасный переход дороги

школьниками после уроков, до помощи больным и умирающим и сопровождения тяжелобольных до смерти. То, что в нашей стране только-только начиналось, в Европе и Америке давно оформилось как широкое общественное движение. К концу 1990-х у Группы уже было много друзей и помощников во Франции, Италии, Канаде, налажены контакты с французскими благотворительными организациями. Одна из них — РСХД (ACER-RUSSIE), Русское студенческое христианское движение, возникшее во Франции в 1920-е годы в среде русских эмигрантов.

РСХД помогало Группе милосердия с самого начала, и именно этой организации принадлежат инициатива и финансирование российско-французских семинаров, которые были проведены на базе РДКБ. Когда у Группы возникла необходимость сверить опыт своей работы с европейским, РСХД пригласило ассоциацию JALMALV («Сопровождение жизни до смерти»), которая занимается паллиативной помощью детям.

JALMALV — чисто светская организация, хотя большинство ее членов христиане. Их основная задача — помощь обреченным детям. РСХД, как видно из ее названия, — организация христианская. Задачи этих двух организаций несколько различаются: у РСХД более широкие программы — образовательные, религиозно-философские, а кроме того, оно оказывает гуманитарную помощь детским домам, участвует в программах реабилитации детей-инвалидов, бывших заключенных и наркоманов. Обе организации помогают тяжелобольным детям, их родителям, медицинскому персоналу.

За несколько лет (1999–2001) на базе РДКБ прошли четыре российско-французских семинара и одна общероссийская конференция по обмену опытом. Обсуждался широкий круг вопросов — формальные, организационные, юридические и сложнейшие этические, нравственные проблемы. И пожалуй, самое главное — ведение тяжелобольных детей. К сожалению, многие не имеют сегодня приемлемых решений — но все-таки не обсуждать их нельзя.

Первый семинар, состоявшийся в апреле 1999 года, носил длинное, по-научному сухое название: «Российско-французский семинар по психологическим аспектам помощи детям с заболеваниями с возможным летальным исходом».

При обсуждении проблемы тяжелобольных детей и их сопровождения во Франции и в России бросалось в глаза, насколько наша страна беднее (точнее, насколько меньше наше государство тратит денег на своих больных детей).

Другое печальное открытие: наше общество гораздо эгоистичнее и жестче западного. В Европе и в Америке несравнимо больше людей участвуют в волонтерском движении.

Дело здравоохранения в нашей стране поставлено плохо: французские врачи тоже жалуются на косность и консерватизм чиновников, но за нашими им не угнаться. Наконец, российское законодательство очень медленно реагирует на новые обстоятельства жизни: законы, необходимые для улучшения жизни детей-инвалидов и их родителей, лежат под сукном годами. Впрочем, прозвучали и утешительные ноты: во Франции многие новации в поддержании больных детей ис-

Помощь страдающему ребенку: что делать?

ходят от общественных и благотворительных организаций. Проходит немало времени, прежде чем государство реагирует, но в конце концов оно реагирует. Просто необходимы неотступные усилия и терпение.

В нашей стране всегда сильна была традиция закрытости, секретности, и очень часто этот режим «строгого доступа» прикрывал недобросовестность, злоупотребления, просто плохую работу: каждый из нас хоть единожды сталкивался с нечеловеческими трудностями, связанными с получением выписки, справки, свидетельства о рождении, любой бумажки. Медицинские учреждения в этом смысле никак не исключение. Множество вещей в больницах «не разрешаются», «запрещаются», «запрещаются категорически». Эти запреты отчасти вполне обоснованны, но многие лишены логики и здравого смысла. И так практически в любой конторе. Невидимый барьер разделяет того, кто «внутри структуры», и того, кто «извне». Человек «внутри», даже если он в самом низу иерархии, даже если он вахтер или уборщица, обладает властью, которую с удовольствием реализует, иногда самым комическим образом.

Работа Группы милосердия — если рассматривать этот эксперимент со стороны — удивительная модель «размывания» жесткой структуры: добровольцы постепенно стали настоящими помощниками и единомышленниками врачей, зародилось доверие, и многие тяжелейшие проблемы, материальные и психологические, добровольцы и врачи постепенно научились обсуждать и решать совместно. Взаимное неприятие, разделение на «мы» и «они» растворялись.

Группа милосердия была, вероятно, первой после большого исторического перерыва и возникла не по распоряжению сверху, а по инициативе священника отца Александра Меня, прежде других почувствовавшего запросы времени. Однако в нашей стране не существовало ни традиций, ни ответственности.

Анализируя практическую работу и сравнивая свой опыт с европейским, Группа обнаружила много совпадений. В России, как и во Франции, пришли к выводу, что тяжелобольных должны сопровождать многопрофильные команды, в которые входят врачи, средний медицинский персонал, психологи, добровольцы, священники, педагоги, разнообразные артисты — от музыкантов до клоунов. Разумеется, вместе с родителями, которым тоже нередко требуется психологическая поддержка.

Помимо организационных и чисто медицинских проблем, возникают проблемы этические, перед которыми теряются все: что может сказать ребенку о смерти взрослый, для которого смерть — такая же тайна? Как ответить на прямые детские вопросы: «Я умру?», «В чем смысл?», «За что?»

Есть и другие темы, которые требуют разно-стороннего обсуждения, — например, эвтаназия, забор органов.

Ключевой вопрос сопровождения — обезболивание. Это первое, что обязана дать медицина страдающему ребенку. Этой теме посвятили второй семинар — «Боль у детей», проходивший в январе 2000 года.

На третьем семинаре «Медицинская этика» (май 2000 года) обсуждали этические пробле-

Помощь страдающему ребенку: что делать?

мы, он был посвящен паллиативной медицине и ее особенностям.

На четвертом — и последнем — семинаре «Образование и социально-психологическая реабилитация в детской больнице» подробно рассматривались проблемы, связанные с обучением и реабилитацией детей, подолгу находящихся в больнице (февраль 2001 года).

В мае 2001-го в РДКБ прошла итоговая общероссийская конференция «Тяжелобольной ребенок: психология, этика, контроль боли, реабилитация». Конференция стала продолжением семинаров, но отличалась от них масштабами и широтой тематики: обсуждались проблемы контроля боли, медицинская этика, христианский взгляд на страдание.

В двухдневной конференции участвовали врачи, волонтеры, психологи и реабилитологи, работающие в онкогематологических клиниках России, и их коллеги из Франции. В РДКБ приехало много врачей и специалистов из разных регионов, из Санкт-Петербурга, Воронежа, Новосибирска, Екатеринбургa, Челябинска и др.

Книги с материалами семинаров и конференции опубликованы. Ими широко пользуются врачи, психологи, добровольцы. В конце нашего сборника мы разместили Приложение, в котором подробнее рассказано о семинарах и приведены выступления или отрывки из наиболее значимых докладов.

Глава VII

Будни и праздники

В больнице праздники и будни не чередуются по календарю: болезни не знают выходных. Матерям больных детей известно, какая это тяжелая каждодневная служба — без выходных и отпусков, порой и пять, и десять лет. За эти годы может распасться семья, уйти уставший от трудностей жизни отец, да, бывает, и матери устают бороться, особенно когда живут вдали от Москвы, когда есть другие дети, здоровые, но тоже нуждающиеся в заботе и внимании. А ведь бывают случаи, когда мать, измученная и обессиленная, умирает прежде больного ребенка. А дети-сироты из домов ребенка, из интернатов...

Однако, несмотря ни на что, праздники у больного ребенка должны быть. Он в них нуждается даже больше, чем здоровый.

Дети приезжают в больницу не на день и не на месяц — многие проводят здесь годы, и больница становится для них домом. Вместо детской площадки, сквера, леса, двора или деревенской улицы — длинный больничный коридор и стены палаты. «Легких» больных здесь не бывает. Все — тя-

желые. Но дети есть дети. На колясках носятся по длиннейшему — метров триста — коридору. С капельницами бегают по холлу онкологии — играют в салочки, волоча за собой полуметровые стойки, на вершинах которых болтаются флаконы с препаратами. Вечером около «почки» слышна гитара — ребята играют и поют. Тут же — облепленный подростками монитор компьютера. И шутливая потасовка за место на банкетке.

А неподалеку их мамы, и часто не поймешь; где мама, где пациентка. Пятнадцатилетние девушки — хоть на конкурс красоты посылай, цветущие, радостные, модно одетые. Одна такая красавица — с пересаженной почкой, другая — без легкого. И тут же замученные мамочки: в свои «за двадцать» и «за тридцать» они выглядят перепуганными беспомощными подростками — их детям все еще предстоит. Есть и другие дети, которых в коридоре не видно, — они в палатах. Месяцами не выходят из помещения, некоторые замкнуты в стерильных боксах. Тяжелые операции, болезненные мучительные процедуры: химиотерапия, пункции и капельницы, капельницы... Как нужен праздник ребенку, живущему в такой обстановке. И как сложно устроить его для тех, кто прикован к постелям, к капельницам, к инвалидным креслам.

В Группе милосердия выросли свои «гении праздника». Приход такого человека расцветивает любые будни. Любимый детьми Владимир Шишкарев — композитор, автор песен, музыки к театральным спектаклям и телепостановкам, духовный сын отца Александра Меня.

Почти каждый день после обеда возле лифта одного из корпусов РДКБ можно наблюдать одну и

ту же сцену: мужчина в хирургическом халате привычными движениями ловко загружает на больничную тележку тяжеленные странные ящики, провода, металлический штатив... Это шишкаревское «ноу-хау» — сидя за синтезатором (именно он упакован в самую длинную коробку) петь в микрофон, свисающий прямо к губам со стойки для капельницы. Синтезатор, колонки, усилитель каким-то чудом умещаются на маленькой тележке, которая влезает в обычный лифт. Со своей тележкой Вова — «человек-оркестр» — разъезжает по длинным больничным коридорам, из отделения в отделение, по несколько часов в день. Дети рвут его на части: ты к нам сегодня придешь? а к нам? Так и ходит — день за днем, внешне всегда неторопливо, в каждом отделении усаживаясь основательно, исполняя все просьбы, так что больше двух «точек» за вечер не получается. А на завтра его ждут в других корпусах.

ВЛАДИМИР ШИШКАРЕВ РАССКАЗЫВАЕТ:

Как я попал в больницу — это почти комическая история. В отделении трансплантации почки работал наш друг, член общины отца Александра Меня. Он рассказал отцу Александру, в каком жутком состоянии живут дети, находящиеся на гемодиализе. Когда батюшка пришел и сам все это увидел, он собрал приход и сказал: «Кто со мной?» Поначалу откликнулись всего трое, все — женщины. И стали сюда ходить — а раньше ходить нужно было через огромный пустырь между больницей и университетом Патриса Лумумбы. Зима, вечера темные, батюшка мне говорит: «Они возвращаются поздно вечером, очень опасно. Можешь их провожать?»

И вот за этим-то я сюда и прибыл — барышень провозжать! Но Лина Салтыкова тут же повела меня в отделение реанимации. Там я увидел глаза ребенка. Глаза «оттуда» — на меня посмотрели глаза Христа. Я был потрясен, у меня сердце перевернулось. Я понял: вот тут я с Ним встретился просто наяву. Так я и остался.

Ну, что тут рассказывать... Ходил с баяном, песенки пел — дело знакомое, я всю жизнь с детишками работаю, весь репертуар знаю. Потом стали появляться детские духовные песни, я стал их тоже петь. Дети хорошо откликались. И мамы — даже, бывало, пускали слезу. Неожиданно для меня.

Вообще больные дети часто откликаются ярче и быстрее, чем здоровые: тех надо вначале собрать, наладить дисциплину, а эти включаются сразу.

Потом я понял, что их особо не надо катехизировать. Только когда они хорошо «разогреты» и возникает контакт, можно о чем-то таком поговорить. Надо ждать момента, когда появляются доверие, взаимная симпатия, тогда можно говорить о чем угодно. А взаимное утешение естественно рождает симпатию. Именно взаимное: я ведь тоже человек загруженный, часто бываю усталый, унылый, разбитый, и когда дети так непосредственно и так ярко дарят свою любовь и ты чувствуешь, что им нужен, — это же такое счастье! Чувствуешь, что Христос здесь, рядом! Я каждый раз из больницы ухожу окрыленным. Отступает болезнь, плохое настроение, появляются силы жить. У меня однажды была пауза — по домашним обстоятельствам я несколько месяцев не бывал в больнице, — прямо чувствовал, что сердце заросло.

Со временем так складывалось, что некоторые дети меня избирали — как-то особо мне улыбались, рисунки дарили, и я невольно стал к ним заходить чаще, чем к остальным. Возникла особенная дружба, переходящая

в настоящую любовь. К сожалению, большинство этих детей я терял. Они уходили, это было ужасно больно, но потом я чувствовал их молитвенную помощь. Очень трудно о таком говорить... Я их никогда не забываю и чувствую, что они участвуют в моей жизни, хоть и ушли.

И вот появилась Катя К. из Тулы, с тяжелейшей формой лейкоза. У девочки яркий литературный дар. У нас с ней возникла совершенно удивительная дружба — мне даже старшие делали замечания, что я слишком концентрируюсь на одном ребенке, но я ничего не мог с собой поделать: когда я к ней приходил, мы просто впивались друг в друга! Сочиняли стихи, играли во всякие стихотворные игры, песни пели. Ее готовили к трансплантации, лечение очень тяжелое. Химиотерапия дала такие осложнения, что у Кати болело буквально все. И она так мужественно это переносила — все время писала повесть, очень смешную, о том, как была в лагере. Писала на прожаренной (для стерильности) бумаге цветными карандашами — больше ничего не было. Все просто покатывались, когда читали. Я думаю, мы эту повесть еще обязательно опубликуем.

Так она сто дней буквально выползала. И выползла — с тех пор двенадцать лет прошло. Катя уже взрослая, оканчивает университет в родном городе. Когда может, приезжает в Москву, к нам в храм. Радуются все.

Я ее считаю своим старшим ребенком. Просто невероятно эту девочку люблю.

Я все время здесь, в больнице, встречаюсь с любовью. Дети умеют дарить любовь. Даже когда им невыносимо тяжело, все равно улыбаются, дарят любовь. Этот опыт описать невозможно — сердце внутри переворачивается... Конечно, очень больно, когда человек уходит, но я глубоко верую, что этим мученикам дарована жизнь наподобие святых: они не просто уходят, но,

уходя, остаются здесь — я не одно свидетельство об этом знаю. Иногда эти маленькие люди с верой и кротко, почти до конца с улыбкой, переносят совершенно невероятные страдания. Как-то я провожал в Сочи одну девочку. Ее выписали... Она была безнадежна, все органы поражены. Ей оставалось недели две. Когда мы прилетели в Сочи, она на мне верхом скакала, была веселая, со мной потом по телефону разговаривала. Еще полтора месяца прожила.

Невероятные дети. Такого опыта дарения любви больше нигде не встретить. Я чувствую, что совершенно этого не достоин, но, тем не менее, получаю. А всего-то-навсего стараюсь исполнять заповедь Христа: «Я был болен, вы посетили Меня». Не исцелили, а просто посетили — вот и все... Понимаете? Я этим живу — без громких слов. Я считаю, всем тем, что в моей жизни происходит хорошего, я обязан этому. Как-то Господь ведет, не отпускает. Так бы я, конечно, со своей слабой волей, со склонностью ко всему неправильному, мог скатиться в любой момент. Но вот дети держат. Просто спасение мое, больше добавить нечего.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

В первые годы к нам приходили врачи: «Вы не можете попросить, чтобы Володя Шишкарев пошел к такому-то ребенку? Ему нужно помочь, у него депрессия. Медицинскими средствами мы ничего не можем сделать». Порой бывает, что лечение не дает результатов, не воспринимается организмом. Володя шел к ребенку. И часто это помогало изменить течение болезни, повернуть ребенка к выздоровлению. Ведь настрой на выздоровление — это главное в лечении, никакие медицинские препараты не помогают, если ребенок не верит в выздоровление, не

борется. Врачи неоднократно говорили нам, что готовы подписать протокол: после посещения Володи Шишкарева улучшаются анализы крови!

Вначале мы еще не знали о существовании арт-терапии — целого направления помощи больным, но интуитивно стремились использовать ее методы. Занятия творчеством: рисование, вышивание, вязание, музицирование (обучение игре на фортепиано и гитаре), сочинение песен и прочее. Кроме того, у нас появился целый компьютерный класс под бессменным руководством Александра Рыбченкова. Сейчас уровень компьютеризации так повысился, что обучение проводят и сотрудники компании «Майкрософт», а потом сертификаты вручают.

РАССКАЗЫВАЕТ АННА АЛЕКСАНДРОВНА, МАМА СЕРЕЖИ П.:

В 1999 году тяжело заболел наш старший сын Сережка. Ему тогда было шестнадцать лет. У него начался полиартрит на фоне врожденного иммунодефицита. Нас направили в РДКБ, в отделение клинической иммунологии. Позже туда попал и наш младший сын Ваня. И врачи поставили наших мальчиков на ноги. Нам очень помогла Группа милосердия: в больнице ребят не только лечили, но и учили, и любили по-настоящему, занимались с ними музыкой, компьютером.

Нам повезло, рядом с нами были только хорошие люди. Сережа поступил в РДКБ в тяжелом состоянии, с высокой температурой. Почти полгода не вставал. Потом начал передвигаться на инвалидной коляске, затем понемногу на костылях, потом с палочкой. Сейчас только немного прихрамывает, но ходит самостоятельно, на своих ногах!

Добровольцы из храма подготовили Сережу в институт, который он уже окончил, — работает инженером. У него много друзей. Он живет нормальной полноценной жизнью. А совсем недавно произошло очень важное и радостное событие: мой сын женился! Я всегда верила, что он поправится. В его выздоровление верили все, кто нас окружал. Это наше счастье, что рядом оказалось столько хороших людей. Если бы мы тогда не попали в РДКБ, Сережки бы точно сейчас не было. Спасибо всем!

РАССКАЗЫВАЕТ СЕГОДНЯШНИЙ СЕРЕЖА П.:

Когда я попал в больницу, я чувствовал себя очень плохо, мучили постоянные боли, которые совершенно не давали спать. Я ни о чем не мог думать, только о смерти. Но потом, благодаря лечению, мне стало намного лучше, у меня появилась какая-то надежда. Я понял, что надо учиться, ведь я все равно не смогу заниматься физическим трудом.

Добровольцы Александр Михайлович Рыбченков и Ольга Титова стали учить меня азам компьютерной грамотности. Меня это так увлекало, что я забывал про температуру, про все свои болячки — садился и занимался. Мне очень нравилось. Добровольцы Паша Данилычев и Андрей Ильичев буквально разжевывали мне все тонкости программирования.

Это был нелегкий этап, и меня никто не бросил, все откликнулись. Три года я пробыл в больнице. Таких отзывчивых и хороших людей я нигде раньше не встречал. Я всем бесконечно благодарен.

В 1989 году Группа милосердия в первый раз устроила в больнице новогодний праздник. Ком-

позитор и трубач Олег Степурко изображал Деда Мороза. Тогда отмечали Новый год только в одном отделении — трансплантации почки.

Пять лет Олег оставался единственным Дедом Морозом. Он играл на трубе, пел песенки, загадывал загадки и вместе с детьми искал неотъемлемый атрибут Деда Мороза — так называемую носогрейку. А под занавес непременно танцевал с Линой Салтыковой «знойное» танго. И, конечно, раздавал детям подарки.

ВОТ РАССКАЗ САМОГО ОЛЕГА СТЕПУРКО:

У меня, как ни у кого другого, была возможность увидеть рост и динамику Группы при нашей приходской больнице. Я-то там появлялся раз в год, на новогоднюю елку, в костюме Деда Мороза, с трубой, и развлекал детей на празднике.

И получается, как в убыстренной съемке: камера включается раз в час, а потом, когда показывают все подряд, видны процессы, которых в обычном темпе не увидишь. Например, как распускаются цветы, как растет растение, как у него образуются листочки. И я каждый раз замечал такие листочки, ветки и даже целые деревья.

Первый раз я был в больнице в 1989 году, когда приходская Группа устраивала праздник. Самым сильным впечатлением было то, что дети были, как Маугли, совершенно дикие, их трудно было втянуть в игру или хоровод. Они висели на мне, любой ценой стараясь удержать мое внимание и что-нибудь выпросить. И мамочки не легче. Смотрели на нас, как на монстров-вампиров, — поразительно. Женщины советского менталитета, им и в голову

не приходило, что люди могут просто так, ради Бога, бескорыстно помогать другим. А были и такие, которые считали, что мы приходим в больницу «сосать астральную энергию у больных детей». После праздника они предложили мне бутылку и, когда я отказался, окончательно утвердились в своих страшных подозрениях.

И вот каждый год я замечал, как оттаивали детские сердца, как разрушалась стена подозрительности, как «очеловечивались» дети и все ярче в их глазах загорались любовь, мир и надежда.

Но самый большой перелом случился, когда освятили больничную церковь Покрова Божией Матери и дети смогли открыто выражать любовь к Тому, Кто является Источником Любви. Меня потрясли их мужество и самоотверженность, когда смертельно больной, страдающий ребенок забывал о своей болезни и говорил: «У меня все в порядке, я чувствую себя нормально», — думая не о себе, а о других.

Вообще каждый праздник был неповторим. Я, например, запомнил, как одна девочка выучила модный тогда танец «ламбада» и станцевала его, будучи подключенной к капельнице. И одна медсестра возила за ней штатив, на котором висела бутылка с лекарством. Или как мы проводили конкурс красоты в отделении онкологии и одна совершенно лысая девочка без ноги, в инвалидной коляске, безутешно зарыдала, считая, что ее не допустили к участию. Разумеется, ее допустили, она отвечала на вопросы вместе со всеми, даже танцевала на коляске вальс и, конечно, заняла первое место. А я тогда подумал: может быть, в очах Божиих она действительно самая прекрасная, самая очаровательная девушка в мире. Или как нас с баянистом Володей Шишкаревым без всякой антисептики и спецкостюмов допустили в отделение реанимации (Дед Мороз стерилен!).

Меня поражало, что у трехлетних детей был взрослый взгляд. Я на всю жизнь запомню эти глаза. И когда я с ними говорил и дарил подарки, я уже знал, что жить им осталось несколько дней. Но только вера в то, что этих детей можно встретить в Вечности, давала смысл таким визитам.

После больницы по-другому оцениваешь свои беды и неудачи — они становятся ничтожными и мелкими в сравнении с теми страданиями, которые встретил там. И наоборот, ценишь самые мелкие радости и возможности, которые даны здоровому человеку.

Никогда не забуду, как мы ходили по боксам, где поддерживается избыточное давление, поскольку у детей отсутствует иммунитет. Они едят стерилизованную еду, пьют только стерилизованную воду, и избыточное давление не позволяет проникнуть в бокс ни одной бактерии (им подается в бокс только стерилизованный воздух). За двойным стеклом видишь ребенка, которого нельзя погладить по голове, взять за руку, — вся жизнь его ограничена тремя метрами бокса.

На празднике я часто откалывал джазовые номера, эпатирующие розыгрыши. Я понимал, что людей, запертых в замкнутых пространствах наедине со страшной болезнью, нужно встряхнуть, порой даже шокировать. И когда мне это удавалось, я видел, как в глазах зажигаются надежда и радость.

Прощаясь с детьми, я всегда объявлял, что больше никогда не приду к ним сюда, потому что на следующий Новый год мы встретимся где? — и они отвечали: «Дома!!!». Я на самом деле надеюсь и верю, что когда-нибудь все мы встретимся Дома у Небесного Отца. И об этом мы каждый раз молимся, и за это пролил кровь отец Александр Мень, создавший больничную Группу.

С каждым годом праздник приобретал все больший размах: волонтеры стали приходить в несколько отделений. Подарки стекались со всего города и из разных стран. Особенно запомнилось множество тщательно собранных и красиво упакованных коробочек из Америки. В каждой лежал трогательный набор: игрушка, карандаш, блокнотик, закладка, носовой платочек. На коробочке был написан возраст и кому предназначен подарок — девочке или мальчику. Их присылали несколько лет подряд.

Часто ребенок, особенно тот, кому хуже всех, получал в подарок именно то, о чем мечтал. Как это удавалось? Маленькая тайна тех, кто этим занимался. Подарков хватало для всех пациентов. Добровольцы называли это изумительное изобилие «чудом умножения подарков».

Дед Мороз ходил по отделениям до позднего вечера. Однажды Олегу стало плохо с сердцем. Тогда в отделение гематологии вместо высокого Деда Мороза с трубой вошел другой, самодеятельный артист небольшого роста, спевший под гитару украинскую песню. Это был Николай К. — полковник, отец больной девочки из отделения пересадки почки, помогавший Группе и в дальнейшем.

Сейчас Дед Мороз-трубач уже не приходит, но ему на смену к Новому году в больничном храме собираются до шести профессиональных Дедов Морозов и Снегурочек. У каждого свой маршрут, свое отделение. И каждому ребенку готовится именной подарок (обычно их бывает не менее восьмисот). Добровольцы сортируют эти подарки целую неделю. Вечером в больничном дворе происходит но-

вогодний салют. Какими силами все это делается — еще одна новогодняя тайна.

Раньше члены Службы милосердия могли возить детей из больницы в театр, цирк, на экскурсии, просто погулять. Но со временем из соображений безопасности главный врач запретил детям покидать территорию больницы, однако разрешил устраивать представления и развлечения в конференц-зале или холлах. Перед ребятами выступали приглашенные дрессированные мартышки в памперсах, еноты и козлик. А как-то раз произошло небывалое в истории детской больницы — в зал привели дрессированного медведя! Маленькие зрители, затаив дыхание, с восторгом наблюдали, как Миша танцует и проделывает цирковые трюки всего в нескольких метрах от них (добровольцы Группы милосердия для подстраховки сидели в первом ряду).

Но самым любимым артистом неожиданно оказался удав. Его признали самым безопасным зверем: без шерсти, стерильный, даже спиртом можно обработать. Весит килограммов тридцать, в длину достигает трех метров. На праздновании Нового 2008 года с удавом приключилась необычная история.

В канун Нового года ударили морозы. Удава перед выступлением обогрели под большими лампами. Во время представления ребята очень радовались — им нравилось гладить удава. Многие с ним сфотографировались.

Вот тут-то и произошел трагикомический эпизод. Представления шли в нескольких отделениях больницы по очереди. Дрессировщик выступил

в одном, потом в другом. И вдруг ему стало плохо с сердцем. Позже оказалось, что у него обширный инфаркт и нужна срочная помощь. Пришли врачи, артиста положили на каталку и повезли в реанимацию.

На «скорой» дрессировщика отправили в Первую Градскую больницу. Удав замерз — пришлось отогреть его специальными грелками, пока не приехал брат артиста и не забрал удава домой. Оказалось, в квартире заболевшего дрессировщика ждал хозяина голодный медведь. Впрочем, все обошлось, и на следующий год артисты обещали приехать снова.

Добровольцы беспокоились: ждали от врачей нагоняя. Но доктора, включая главного врача и заведующего реанимацией, проявили необычайную терпимость и лояльность.

Празднование Рождества тоже стало традицией. Художники-волонтеры вырезают из белой бумаги ангелов и запускают их под потолок на шарах, надутых гелием. Ангелы летают по всему храму, а после службы и Рождественской мистерии, которую разыгрывают в вертепе, спускаются вниз. Дети ждут этой волшебной минуты, чтобы забрать ангелов себе.

Рождественский вертеп — целое действо: художница и искусствовед Ирина Уварова несколько лет подряд ходила по палатам со своим вертепом и разыгрывала перед детьми рождественские кукольные сценки. Небольшая хоровая группа тоже ходит по палатам, исполняя рождественские колыбельки — наши и зарубежные. Ребятам эти концертики всегда в радость. Эти дни так нравятся детям, что многие просят не выписывать их домой

на Новый год и Рождество: знают, как весело проходят эти праздники в больнице.

Случаются и неожиданные праздничные события. Настю Ж. несколько лет назад пригласили на Венский бал — правда, не в Вену, а в зал Манежа. Но все было как на настоящем балу: дамы в вечерних туалетах, господа во фраках. Вокруг Насти сразу же закружились официанты. Затем началась торжественная церемония открытия. Распорядитель бала Святослав Белза сказал, что сегодня в зале не только обычные дебютанты. Есть среди них одна девочка — Настя Ж., которая не очень здорова, но это не помешало ей приехать на бал и быть дебютанткой. И все захопали, а Настя встала из инвалидной коляски и раскланялась. Под торжественную музыку в исполнении оркестра Венской оперы вышли исполнители — лучшие артисты из разных стран.

Восхищению Насти не было предела. А потом начались танцы. Настя во все глаза смотрела на вальсирующие пары и слушала замечательную музыку Штрауса. Исполнилась ее заветная мечта — побывать на настоящем балу.

Выходы и выезды больных детей за пределы больницы — довольно редкое событие. Для большинства ребятишек это невозможно. Поэтому волонтеры стараются организовать праздник внутри, поднять настроение ребенку, который месяцами видит окружающий мир только в окошко.

Праздник научились создавать прямо в отделении, в коридоре, в палате. Волонтер Лариса Соколова придумала Доктора-куклу по имени Лука

Лукич. Этот Доктор появлялся в палатах, беседовал с детьми, задавал смешные вопросы, давал комические советы. Дети его обожали. Так продолжалось несколько лет, пока не появился живой, не кукольный, Доктор-клоун, положивший начало настоящей клоунотерапии.

РАССКАЗЫВАЕТ КОСЯ СЕДОВ, ДОБРОВОЛЕЦ-КЛОУН:

Я впервые попал в Группу милосердия РДКБ в начале 2005-го. Я был поражен — огромная страна, детский мир, планета преодоления и смирения, пограничная застава между счастьем и горем, поиск истин и осознание потерь, тишина коридоров и детский шум в палатах, смех и боль, слезы и улыбки, борьба и вера, выбор и сомнения. Вот с чем у меня теперь ассоциируется детская больница.

Отделения, как маленькие материки, связаны между собой большими светлыми коридорами. Здесь, пройдя лишь десять шагов, в глазах родителей увидишь и страх, и веру, и беззаботность, и понимание, и уныние. Но еще больше скажут глаза детей — эти лица врезаются в память, эти глаза, полные надежды, восторга и любопытства, приходят к тебе во сне. Дети, которые наследуют Царство Божие.

«Ты знаешь, кто нам нужен на букву К?» — спросила меня руководитель Группы милосердия, когда я впервые пришел в больничный храм и предложил свою помощь. Я начал судорожно думать: наверное, больше всего нужны кредиторы, то есть спонсоры. Потом возникли слова «коллеги» (по работе) или «кровосдатчики» — но все не угадывал. В итоге мне подсказали: нужны клоуны.

...Я начинал очень робко: в оранжевых штанах из спецодежды и желтой дедушкиной рубашке, с ужасным — страшным, как я сейчас понимаю, — гримом и без никакого опыта и реквизита. Но тогда детям это было не надо — они ведь совершенно не знали меня. К ним вдруг заявилось непонятное двухметровое чудо, ярко и нелепо размалеванное, и играет с ними в какие-то очень простые и доступные любому ребенку (и тем более взрослому) игры.

Сначала я пришел в больничный пансионат. Один, но детям вроде понравились и моя физиономия, и мой костюм. Я показывал номера, дети угадывали животных, предметы, сказки и картины. Все прошло хорошо. Но после первого выступления я понял, что в одиночку могу работать только с очень ограниченным числом детей, чтобы каждый ребенок получил свою порцию личного клоунского внимания. А если детей больше, мне необходим партнер. И здесь очень помогли и опыт, и партнеры по работе в актерской студии театра Высшей школы экономики.

Дети в больнице — очень отзывчивый и самый благодарный зритель, ему клоун необходим и как отвлечение, и как развлечение, и как лечение, и просто как друг и что-то новенькое, веселое и яркое.

Не сразу и нескоро понимаешь, куда ты попал, потому что, по сути своей, дети в больнице такие же веселые, такие же интересующиеся и ищущие, как и обычные дети, только у них больше энергии отдачи, желания, безумнее горят любовью и интересом глаза. Главное относиться к таким детям как к здоровым.

Сейчас в больничной клоунаде все разительно переменялось: Фонд открыл курсы и тренинги для больничных клоунов. За полгода мы (я и мой коллега, клоун

Антоша из Белоруссии) подготовили семь клоунов, которые после стажировки самостоятельно посещают детей. И теперь мы надеемся, что каждый ребенок в больнице увидит, оценит и, наверное, улыбнется при виде потрясающих, ярких и добрых клоунов-докторов.

Мы по многу раз посетили все отделения. Когда больничная атмосфера заражается смехом, это заметно сказывается на физическом и психическом состоянии детей, помогает преодолеть страх перед медицинскими процедурами. И если пациенты часто смеются, если у них хорошее настроение, организм быстрее справляется с болезнью. Но это не мы придумали — в Западной Европе уже двадцать лет «лечебные клоуны» — элемент оздоровительных программ крупных больниц.

Врачи уже привыкли к нам и принимают с радостью. А Группа милосердия каждый месяц закупает килограммы грима, ящики мыльных пузырей и мешки воздушных шариков.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

Сегодня в больнице уже работает целая клоунская команда. До чего же они хороши, нелепы, смешны и добры. Дети их обожают, всегда ждут и радуются им бесконечно.

Летом 2008-го, когда случились страшные события в Цхинвале, Костя упросил отпустить его во Владикавказ. Там он ухитрился за несколько дней побывать в различных больницах и интернатах для пострадавших в Южной Осетии. Даже нашел Владикавказскую РДКБ и подружился с психологами из МЧС. Играл с детьми и взрослыми, загадывал загадки, прыгал, пускал мыльные

пузыри, надувал шарики всех форм и цветов, показывал микромагические фокусы — много чего делал, радовал и развлекал людей.

Будни больницы очень тяжелы, и мы стараемся внести праздник в жизнь детей. Но есть такие дни, когда вся больница, несмотря ни на что, пронизана радостью. Пасхальные праздники — служба Великой субботы, ночная Пасхальная служба, вторник Светлой седмицы, поздравления детей в отделениях и, конечно, подарки!

РАССКАЗЫВАЕТ БОЛЬНИЧНАЯ «ВЫПУСКНИЦА» Оля З.:

...Никогда не забуду свою первую ночную Пасху. Врач нас не отпускал. Но мы его очень просили, и он сказал: «Я пишу список, чтобы в три ночи возвратились».

И вот мы пошли все вместе в храм, была служба, отец Георгий так одухотворенно служил... Все было необычно. Май, прохладно, и мы с зажженными свечками шли крестным ходом вокруг больницы.

Тогда я еще была на гемодиализе. Мне вшили фистулу, но еще не подключили. Смотрели, какие анализы будут. И на этой службе я молилась и думала, как мне продержаться. Потому что чем дольше продержишься без гемодиализа, тем лучше для организма. Я именно в эту ночь просила, чтобы мне помог Господь Бог продержаться дольше, чтобы анализы не ухудшились...

Когда мы шли вокруг больницы, я была вблизи отца Георгия, слушала его молитвы и думала про свои анализы. И на следующий день я сдала анализ крови, и мне сказали, что можно еще обойтись без гемодиализа, на лекарствах. Это было настоящее пасхальное чудо. То, о

чем я просила и чего так хотела, исполнилось вместе с молитвами отца Георгия.

И уже после пересадки почки я приходила в храм в маске и молилась, чтобы почка прижилась... Чтобы не было отторжения. Каждую субботу мы все, «пересаженные», приходили, молились, слушали проповеди отца Георгия, причащались... Мы обязательно молились и за доноров, ставили свечи, поминали их. И в отделении всегда поминали их, покупали торты... Мы дома и по сей день ходим в церковь и их поминаем.

Глава VIII

БЕСЛАН. 2004

В жизни детской больницы, как в зеркале, отражаются все значительные события, происходящие в стране. Трагедия в Беслане, захват школы боевиками и последующий неудачный штурм, повлекший за собой человеческие жертвы, коснулись и больницы.

Вспоминает Регина К., мама двух маленьких детей:

1 сентября мы всей семьей, как всегда, готовились к празднику. К тому же, у моей дочери день рождения — думали, сейчас быстро на линейке поприсутствуем и пойдем праздновать. Но не получилось — дочка ушла раньше меня, и, когда детей уже вызвали на линейку, я хотела ее увидеть, чтобы она знала, что я здесь, и не переживала. И тут вижу, что подростки бегут. Решила: нашкодили... А потом, когда увидела этих людей, боевиков, сразу все поняла, и первая мысль была о дочери. Закричала, бегу, сама не знаю куда, ничего не вижу, просто кричу диким криком.

Они моментально всё окружили. Выбраться могли только самые сильные, у кого реакция быстрая, — маль-

чки-старшеклассники в основном успели убежать. Стреляли, стреляли им вслед. Потом уже выяснилось, что боевиков заметили раньше: обратили внимание на грузовик и на этих людей, но... Охраняли школу всего двое, из них одна женщина. Что с ними дальше стало, я не знаю.

Я думала только о дочери. Когда мы влезли в окна (нас так загоняли в школу), сын у меня маленький, на руках, и нас уже заводили в спортзал, я подошла к одному из боевиков и говорю: «Вы уже кого-нибудь убили?» Я слышала выстрелы, а что они делают, я не знала, все искала дочь. Он мне ответил: «Мы никого убивать не собираемся».

Я говорю: «У меня дочь маленькая, я ее не нахожу». А он посмотрел на меня и говорит: «Ты сейчас найдешь свою дочь, а у меня всех детей убили, мне терять нечего».

Завели всех в зал. Там я нашла свою девочку. Они между собой большей частью на русском разговаривали, только если какой-то, видно, важный был разговор — на своем. Я их в зале насчитала десять-двенадцать, не больше. Все время думала, как мало.

Потом заставили мальчишек-старшеклассников выбить в зале верхние стекла, чтобы воздуха было больше — мы задыхались. Не столько голод мучил, сколько жажда, и задыхались. У нас были листочки, мы махали ими над своими детьми.

В первые сутки нас поили, хотя сразу сказали, что поить не будут вообще, потому что мы как бы в знак солидарности с ними объявляем голодовку. Поили как — приносили в ведрах воду, были кружки, и по толпе шла вода — не только детям давали, но и взрослым. До конца толпы, до стены, вода почти не

доходила. К тому же, сколько выпьешь? Попил, кружку отдаешь, секунда — и снова хочется пить. Такой жажды я никогда в жизни не испытывала, хотя я воду не очень-то часто пью.

Ночью они ждали штурма. Говорят: «Вас всего 450 человек. Для нашей страны это не люди, поэтому мы предполагаем штурм. Наверное, он случится в три-четыре утра». Они вели себя все одинаково, я бы никого не выделяла. Молодые, до сорока, лишь один был совсем молоденький, очень агрессивный. Последнюю ночь и день перед штурмом они все были уже достаточно агрессивны, совсем не давали воду, могли ударить, хотя до этого тех, кто сидел в спортзале, не били.

...Они требовали тишины. Наверное, сами не рассчитывали, что столько людей будет. Поставили мальчика, руки ему за голову. «Если вы сейчас не замолчите, мы его убьем!.. Кто из вас не может успокоиться?!» Я все время смотрела, кто же разговаривает? Никто не говорил, но шум был ужасный. Наверное, родители детям говорили: «Тише!» Этого достаточно, если тысячу раз повторить. Вот от этого был очень сильный шум, и днем и ночью, ни минуты тишины. Родители первоклассников полными семьями пришли. У некоторых по пять-шесть детей, и всей семьей погибли. И такие есть.

Так просидели вторую часть вторых суток, ночь. В начале третьих суток они вообще не поили, не разрешали вставать, ночью раздавали бутылки, чтобы дети в них писали и лишний раз не вставали.

Один маленький ребенок увидел бутылку и говорит: «Мама, я чай хочу». Он подумал, что это чай. Она: «Это не чай». Ребенок плачет. «Ну на, попробуй. Это не чай».

Ребенок хлебнул и пьет. И вот после этого, поскольку воду давать перестали, мы стали поить своих детей мочой. Причем сначала общей, у нас потом и хламидии нашли. Тогда об этом не думали.

Дочь у меня уже совсем не приходила в себя. В последний день, буквально перед самым взрывом, пошел слух, что детей сейчас будут выводить. И я стала их отправлять в ту часть зала, где потом прогремел первый взрыв, — оттуда почти никто не вышел живым. Мне только Бог помог. С самого начала. Я хоть и опаздывала в школу, но успела зайти до того, как все началось. И потом, я ведь дочку туда послала, а она обратно пришла. Несколько секунд, мы только сели, несколько секунд — и этот взрыв. Я их накрыла тем, что упало с потолка, сама рядом села. Мне показалось, что взрывы были подряд друг за другом, подняла голову, но не разобрала, что произошло. Это было днем.

Они, еще когда ждали штурма, в самую первую ночь, говорили нам: «Если начнется стрельба, не вскакивайте, не бегите никуда. Вы же под шальную пулю попадете. Вас ваши же могут убить. У нас очень много боеприпасов, очень много оружия, будем отбиваться, думаем, что первую атаку отобьем. — Они даже в этом не сомневались. — Если не отобьем, в последний момент нажмем кнопку».

Если б они нажали кнопку, вообще никто бы не уцелел — мы насчитали 17 кучек, которые висели у нас над головами. Нас спасло то, что не все взорвалось. Только два взрыва. Говорят, первый был над корзиной баскетбольной — очень много трупов. После первого взрыва рухнула крыша, но потом она еще и загорелась. И вот когда она загорелась, боевик подбежал к нам и говорит: «Кто может идти, быстро убегайте,

потому что сейчас здесь все будет гореть, вы сгорите». А я думала, остаться или бежать.

Я накрыла детей этими обломками с крыши, села рядом и все время молилась. На свое счастье, я когда-то выучила «Отче наш», и девочка моя тоже. Я беспрерывно эту молитву повторяла. И в какой-то момент у меня появилось такое чувство, будто мы сидим в этой куче, а над нами купол, который нас накрывает. Стреляли очень сильно, и оттуда, и отсюда. Просто ужасно, я головы не могла поднять. И я как будто под куполом со своими детьми... Потом они подошли, и я встала и пошла, пошла по залу. Я видела вдоль стены три слоя трупов, и под ногами какое-то лицо говорит: «Что же вы делаете!» Мы шли прямо по ним. Что я могла ответить? Мужчина это, женщина, я не знаю, просто голос.

И тут же боевики за спиной кричат: «Быстрее! Быстрее! Сейчас здесь плохо будет. Убегайте!» Нас подняли наверх, в актовй зал... Там вроде бы тихо, выстрелы где-то немного в стороне. Только сели, успокоились, опять забегают боевики, кричат: «Теперь будут обстреливать эту часть здания, быстрее бегите отсюда, прячьтесь вниз. Сейчас вас свои же убьют!»

Так мы то бегали, то сидели. И вдруг я услышала голос: «Выходите», — или что-то подобное, точно не помню. Помню, вскочила и вижу: стоит спецназовец, наш. Он мне тогда показался таким большим, прямо великаном. Передавай, говорит, детей через окно, сам сел на подоконник. Кругом горы трупов. Еще очень сильно стреляли, и боевики и наши. Я передала детей, одного, второго. Страшно боялась, потому что стреляли очень сильно. Потом смотрю — возле меня спецназовец уже убитый, лица я не увидела.

Я очень сочувствую тем, у кого погибли дети. Не знаю, как они это переносят, как выживают, не знаю. Я вот еду сейчас в Беслан и не знаю, как туда пойду. Только в нашем доме тридцать четыре ребенка погибло. Мы рядом со школой живем. Я не знаю, как пойду. Сорок дней же будет. Как я пойду опять этой дорогой.

Я очень благодарю Бога за то, что Он нам так помог. Он нас для чего-то оставил. Почему я осталась, я не знаю. Там сидела девочка. Не могу себе простить. Маленькая девочка. Я же боялась даже пошевелиться, поднимаю голову — автомат. Боевик говорит: «Раз!» — мол, в другой раз пристрелит. Она одна сидела — почему Господь не дал мысли позвать ее к себе? Я не знаю, жива ли она, что с ней стало.

Там кто-то лаял по-собачьи. Не как человек подражает, а именно лаял. А кто-то песни пел. То ли шок, то ли люди так умирали, не знаю. У меня еще мысль была: «Что вы поете, что вы лааете? Молитесь лучше Богу. Видите, я молюсь и до сих пор жива». Такие мысли. Всё только Бог, и больше ничего.

Дочь всего боится. Когда выходит из дома, всегда берет с собой воду. Днем и ночью — все время воду пьет...

РАССКАЗЫВАЕТ Лина Салтыкова:

Начало сентября 2004 года было ужасным. Подробности трагедии в Беслане, известные всем из прессы, воспринимались нами вживую. Мы общались с теми бесланцами, кто приехал в РДКБ. Помню остановившиеся, немигающие глаза детей, отчаявшихся, измученных матерей. Детей было сорок с лишним, от двух до шестнадцати лет, с родителями или родственниками. Сначала ребят вообще невозможно было ни разговорить, ни от-

влечь. Отгаивали постепенно. Много народу приходило их навестить — артисты, спортсмены, никто не отказывал в ребячьих просьбах.

И дети, и взрослые нуждались в разном лечении, но всем поголовно требовалась психологическая помощь. Дети долго пугались всего: даже хлопка лопнувшего шарика, мужчины с бородой, резких жестов.

Постепенно из рассказов детей и их родителей возникла детальная картина чудовищного со- бытия.

РАССКАЗЫВАЕТ ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ АСЛАН П.:

Я пришел в школу с братом Сосиком. Ему восемь лет. Должен был на море отдохнуть, второго приехать, но решил первого в школу пойти. Пошли в школу, должны были прийти мама с папой. Хотел линейку постоять и уехать к ребятам, к знакомым. Пришел — линейка, музыка вовсю играет.

Кто первый бежал, не видно было, рассмотрел только, кто потом бежал, в военной форме. Думал, спецназ или ОМОН — может, школу заминировали. А потом начали стрелять, увидел ваххабита с бородой, и уже все начали убегать. Я тоже. А потом разворачиваюсь, смотрю — младшие классы в школу побежали, и я туда за ними, за Сосиком. Думал, я там как-нибудь со второго этажа его спущу. Но брата нигде нет. Учительницу спрашиваю, она плачет: «Не знаю, где».

И тут этот ваххабит мне в плечо прикладом заехал, мол, в зал иди, — но чуть-чуть, я увернулся. В зал захо-

жу — Сосика тоже нет. Зову его, а народу много, потом смотрю, он из угла мне кричит, они там с девочками из класса.

Потом нас поделители на две части, начали минировать, подняли старшекласников и мужчин окна партами закидывать, чтоб не залезли. Меня тоже подняли. Одного мужчину, соседа, сразу убили, прямо в спортзале. Он нас успокаивал — дети плачут, родители орут, а он успокаивал. Он от меня совсем близко был, к нему ваххабит подошел и застрелил. Он лежал там в крови, потом мужчин заставили утащить. Там два сына его были, один мне ровесник, другой в восьмом классе, прямо у них на глазах. Старшего вот похоронили, младший не ходит...

Потом нас в окна ставили, снайперов смотреть. Я смотрю — где-то стекло пробито, где-то занавески, говорю: «Не вижу». Потом заставляли руки поднимать. Спустили вниз, там уже противотанковыми стрелять начали, кричали: «Аллах акбар!» Из окон по БТРах стреляли. В зале их было человек шесть-семь, и в окнах еще стояли. Мужчин вывели, их человек четырнадцать-пятнадцать было. Потом один заходит, говорит: «Видите, по вам ваши же танки стреляют». Потом нам, когда по коридору вели, говорят: «Не смотрите по сторонам». А я посмотрел — вдоль стены мужчины, кто-то раненый, четверо мертвые уже. Шахидка в классе себя взорвала. Потом пять-шесть человек завели, у одного рука перебита, другой сильно раненный — его еле несли, видимо, потом добились.

Первые полдня давали воду, а потом говорят: «Вы своему президенту не нужны, ему наплевать на вас. Мы вам воду не дадим». Мы просили, они говорят — вода отравлена, пить ее нельзя. Люди просили: «Пусть отра-

вимся. Дайте воды». А они: «Не надо вам». Вот это была их отмазка, что вода отравлена.

Я уже точно знал, что или взрыв, или штурм, — так просто нас не выпустят. У них требование было — вывести войска из Чечни. А на вывод минимум два дня — это если поторопиться. Думал, если штурм, будут пробегать, стрелять в кого попало — я тогда брата накрою собой. Все время рядом его держал.

Ночью кто-то спал, кто-то сидел. Второй день так не помню, прошел вроде. Воды не давали, кто-то уже сознание терял. На вторую ночь нас, старшеклассников, человек пятнадцать, опять повели. Повели в тренажерный зал, чтобы там окна закрыть, хоть и решетки были, — закидывали диванами, шкафами. Потом туда пожилых завели, бабушек. Чуть вроде свободнее стало. Третий день, кто-то от голода уже с ума сходит, всякие видения у них. Кто-то плакал: «Я не хочу умирать». Многие сознание теряли.

Во второй день Аушев пришел. Велись переговоры, люди надеялись, что хоть по четвертый класс отпустят. Потом стали говорить, что отпустят родителей с детьми с первого по четвертый класс. Сказали, что родителей с грудными, двадцать пять человек, уже выпустили. В первый день говорили, что 150 человек в заложники взяли, во второй — что 350, а там на самом деле было 1200-1300, некоторые убежали, кто-то в котельной спрятался.

Там тетка моя была, двоюродная сестра отца, с дочкой, учительница. Где-то за два часа до взрыва она говорит: «Может, я попрошу воды, они дадут». И я брата к ней послал, говорю: «Если что, сразу ложись». Ну, он пошел туда, потом там лежал. Говорят, один боевик добрый был, конфеты давал, вот его сразу застрелили, как

увидели. Вывели в коридор, а потом выстрелы. Я думал, может, еще один такой есть, попрошу у него воды... Рядом девушки были, они сознание теряли периодически, я их в чувство приводил, бил по щекам.

И тут взрыв. Камни по голове, кирпичи, все летает, ощущение, как будто последние секунды жизни. И что-то упало мне на голову большое. После первого взрыва, секунд через пять, — второй. У меня только ранение от первого... Потом, когда на ноги поднялся, чувствую боль в ноге. Не смог из-за этого помочь тем, кто рядом. Думал, ноги перебиты. Как-то в окно перелез — смотрю, дети бегут, по ним из окон террористы стреляют. Дети бегут, по одному падают. В глазах, чувствую, темнеет.

Рядом, в метре от меня, ребенок бежал с мамой, маленький — может, первоклассник, может, меньше. И вижу, мать под себя его подмяла, накрыла собой, а из окна по ним из автомата. Очереди землю пашут. Голову поднимаю — этот, который стрелял, автомат начал перезаряжать. Я давай, не наступая на пятки, на мысках бежать. Очередь вверх по стене поднимается. Стекла над головой зазвенели. Как-то за угол забежал. Кричу брата. Вижу, дети бегут и падают. Потом смотрю, омоновец, где угол котельной, мол: «Иди сюда!» Я подползаю, он говорит: «Ложись! Ты с нами идти сможешь?». Я: «Да». Встал на пятки, упал, омоновец меня на плечо и за гараж затащил. Так до ближайшего дома кое-как добрались. Там воду нам дали.

Я за брата переживал, где он? Мне воду дают: «Тихо, тихо». Потом в сарай пришли, я сел. Омоновец подходит: «Что у тебя?» Я говорю: «Нога». — «А ну, подними штанину». Нога болит. Снимаю ботинки, один носок белый, другой красный. Меня опять на плечо, понесли.

Обстрел вокруг. С подствольника граната рядом рванула, опять оглушило. Как-то дотащили до машины и в 6-ю школу, там МЧСовцы.

Укол сделали, говорят: «Будь здесь». Я говорю: «Нельзя мне, у меня там брат!» — «Да нет! Вытащили его, нормально все!» Я говорю: «Не обманывайте меня!» Папа видел, как я выпрыгнул, побежал вокруг, но меня уже увезли. Он искал моего брата, кого-то несли на носилках, без ноги, без руки — он думал, это Сосик. Поехал в больницу его разыскивать, а там говорят: «Нет такого». Папа: «Как нет? Где мой сын?!» Потом оборачивается, а Сосик на носилках сидит, — подбежал, обнял.

В больнице меня прооперировали. Вытащили осколок, всю мышцу пропорол, кость даже задел. Потом, когда в себя пришел после операции, мне сказали, что брат мой здесь, все нормально.

Вспоминает мама одиннадцатилетнего Алана К.:

Пришли с Аланом в школу. Пошли знакомиться с новой учительницей, потом на линейку. Все дети выстроились. Потом слышим выстрелы, я обернулась и вижу: бегут старшеклассники-мальчики, кричат, руками размахивают. Я не сразу поняла, в чем дело. Потом уже увидела боевика в камуфляже, в маске, с автоматом. Поначалу думала, это наш омоновец или ФСБшник. Да и бежать уже некуда было, они всё перекрыли. Тем более, куда же я без Алана, он впереди стоял. Начали вверх стрелять, потом какие-то мальчики побежали, боевик их не догнал. Подошел ко мне, автомат наставил, говорит: «Быстро пошла!» А я как

остолбенела, стою и смотрю на него, тогда он в плечо автомат приставил, говорит: «Сейчас застрелю».

Стали загонять в школу, в спортзал, а там маленький коридорчик, дети в него забились, и дверь не открывалась. Дети кричат, боевик вверх стреляет, а они еще сильнее кричат. Я ему говорю: «Вы детей не стреляйте». А он: «Я не стреляю детей! Это просто чтоб они успокоились!»

Вот так нас и загнали в спортзал, и я начала искать Алана. Увидела маму его одноклассника, спрашиваю: «Алана не видели?» Она говорит: «Там перед спортзалом маленькая раздевалка, дети туда спрятались».

Я пошла туда, нашла детей и вывела, говорю: «Все равно всю школу взяли уже». Нас погнали в спортзал. Там посреди зала стол был. Алан сначала лег под этим столом, рядом с другим мальчиком. Мальчик был с бабушкой, она уже пожилая, вначале спала на стуле, но потом тяжело ей стало. Нужно было лечь, а места почти не было, и я попросила Алана ко мне перейти. Это нас спасло, там после взрыва все было разворочено.

И через некоторое время стали они двери блокировать. Застрелили одного мужчину. Он им говорил: «Вы же мужчины. Вы кавказцы. Отпустите женщин и детей. Оставьте нас, с нами что хотите, то и делайте». Они его прямо в зале застрелили. А потом, когда всё заблокировали, стали вытаскивать взрывчатку, разложили. Заносили через дверь школы. Может, часть из-под пола доставали. Следовательно потом в больнице мне сказал, что, когда вскрыли пол, там целый арсенал нашли. Так что все было заранее подготовлено.

Тогда, в первый день, они еще нормально к нам относились, воду давали детям и взрослым тоже. Но мы-то особо и не пили, потому что тем, кто далеко сидел, зача-

стую воды не доставалось. Потом стали пластмассовые бутылки передавать.

На второй день они уже озверели. Дети были никакие. Шум, дети же не могут спокойно без воды умирать, очень жарко, испарения — дети писались под себя... Это был ад какой-то. Несколько раз я куда-то проваливалась. В себя приду — Алан сидит надо мной, картонкой машет. Сильно боялась за своего ребенка, за себя уже все равно было. Только Богу молилась, чтобы ребенка сохранил.

Поначалу не говорили, какие требования. Потом пришла директриса, подняла руки и говорит: «Вот видите, вы никому не нужны. Я сейчас звонила и президенту, и всем, но никто трубку не поднял». А их полковник говорит: «Мы не хотим вас убивать. Если выполнят наши требования, мы никого убивать не будем. Но никто на переговоры не идет. Нам терять нечего, если будут штурмовать, мы сами погибнем, но и вы отсюда не уйдете, вы не нужны вашему президенту, никто не придет вас спасать». Говорил по-русски. Еще один тоже пытался что-то сказать, успокаивал: «Не бойтесь, никто вас не убивает, никто убивать не будет». Что-то еще начал говорить, а полковник услышал и крикнул по-чеченски: «Закрой свой рот!» Тот сразу замолчал, больше слова не сказал и ушел.

Потом уже, на третий день, я потеряла сознание. У меня больное сердце, да еще обезвоживание. Мы сидели напротив взрывчатки. С той стороны они в первый день заставили старшеклассников выбить стекла, три ряда. Потому что вообще дышать невозможно было. И вот дети, которые были без родителей, в основном там сидели, где взрывчатка на полу лежала. И взрослые тоже. Но на третий день уже все равно было, погибнут или нет.

Дети вообще лежали никакие, умирали уже. И Алан на третий день мне сказал: «Если нас не освободят, я не выдержу». Дети воды просили. И один говорит: «Писайте и пейте мочу». Дети уже начали мочиться, кто в туфлю, кто куда, и пить. Я тоже попросила сына: «Алан, может, попробуешь, тебе полегчает». А он говорит: «Я лучше умру, но это пить не буду».

А потом, когда Аушев — я его немного знаю — уже пришел в зал, один боевик говорит: «К вам гость». Он, видимо, не ожидал, что там столько детей, — на лице ужас. Потом, уже перед взрывом, я отключилась. Алан рядом был. Говорил: «Мама, они нас отсюда уже так просто не выпустят». Очнулась от взрыва. Такой глухой взрыв раздался. Я смотрю, не пойму в чем дело, видимо, контузило. А потом Алан за руку дергает: «Мама, мама!» Я смотрю, а у него кровь струей. Думала, всё уже. Осколок. Я взяла его маечку и стала перевязывать, а сверху занавеской.

Когда Алана перевязывала, думала, что в зале все мертвые. Смотрю, люди, кто еще остался, начали потихоньку подниматься. Крыша уже рухнула, огромная плита упала на людей, прямо рядом с моими ногами упала. А потом от двери напротив нас, слышу, кричат: «Идите сюда, сейчас там взрывчатка еще одна взорвется». Я Алану говорю: «Может, как-нибудь поползем?» А он: «Мам, ты с ума сошла? Это же боевик». А я думала, наш.

А потом уже наши с другой стороны кричат: «Выползай сюда». Я кричу: «У меня здесь ребенок». Потом к нам пробрался спецназовец, помог выбраться. Когда нас вынесли, я опять провалилась, пришла в себя в больнице. Там брат мой был, я спрашиваю: «С Аланом все нормально?» Он говорит: «Да». Из меня осколок

вынули, я его во время взрыва получила. А на второй день села в такси и поехала к Алану, он там с бабушкой лежал.

Большинство детей часто приходили в храм. Маленький мальчик спрашивал: «А в Бога тоже стреляли?» Девятилетняя Кристина регулярно ставила свечи за подруг, погибших у нее на глазах. Ее мама рассказала, что вчера они смотрели мультфильм про Бармалея. Когда Бармалей хотел съесть детей, девочка закричала: «И здесь что, тоже детей едят?» Не могла этого видеть.

Многие ребята потеряли близких: матери и бабушки закрывали их собой и погибали. Был в больнице один папа с маленькой дочкой — он совершенно поседел во время трагедии, жена погибла в школе. Мама четырехлетнего мальчика спасала детей, передавала их в окно во время обстрела. Она умерла в больнице от тяжелых ран. Еще один маленький мальчик пошел с бабушкой на праздник 1 сентября. Бабушка погибла, накрыв его собой. Эти случаи — один страшнее другого.

Тяжело всем было так, что словами не описать. Но, наверное, тяжелее всех — школьникам 9-12 лет, оказавшимся в захваченной школе без родителей.

ВСПОМИНАЕТ ДЕВЯТИЛЕТНИЙ КАМБОЛАТ Б.:

Я пошел в школу с дедушкой. Потом говорю ему: «Деда, иди домой». А он: «Нет». Но я его все равно от-

правил. Зачем бабушка, если тут соседка-учительница, она меня два года уже водит домой. Ее дочка со мной учится, и я постоянно с ней ходил.

Зашли в класс, ждем учительницу. Нет и нет... Потом пошли на линейку, стоим, и меня одноклассник — раз по плечу: «Смотри».

И вижу — идут, с бородой, с автоматами. Это на улице еще. Потом повели к школе, и через окна заводили, и через дверь. Я дождался, когда через дверь, потому что не хотел в окно залезать. Не хотел, чтоб террористы брали. Зашел в дверь, сели, одноклассника нашел, он был с мамой, она уроки вела и была завучем. Я их нашел и к ним, сидели вместе. Потом заснул. Вечером уже сходил в туалет, вернулся и лег в коридорчик между людьми. Там нашел другого одноклассника, он был с мамой и маленьким братом.

Пробыл я с ними этот вечер. Пусть террористы периодически носили. Некоторые набирали воду в бутылки под рубашку. Мы с одноклассником своровали фляжку с водой. Они даже не заметили. Я их особо не боялся. Они только, если шум начинался, в потолок стреляли. Ночевал на полу, это все в спортзале. Бомбы они вешали сами — откуда оружие доставали, я не видел. Говорят, оно было в подвале. А люди все в спортзале, все, кроме мужчин. Их сразу вывели, посадили в коридоре с двух сторон. Это я видел, когда в туалет ходил.

Бомб они подвесили семь штук. На третий день рано проснулся. Нам сказали, началось все где-то в полвторого. Как-то бомба упала, они даже сами не ожидали, и взрыв. Я спиной сидел, меня ударной волной стукнуло, я еще почувствовал, что от земли отлетел, потом потерял сознание. Очнулся под обломками. Попытался голову высунуть, а потом подумал: «Чего я

ее вытаскиваю?». И внутрь засунул обратно. Лежал, ничего не чувствовал, никакой боли. А потом там мужчина был, он меня раскопал, взял на руки, занес в нашу раздевалку. Говорят, когда наши солдаты забегали, за ними побежали два человека, каскадер и каратист. Не знаю, кто из них меня раскопал. Я как воду увидел — сразу к воде. А еще тошнит. Но я стою возле крана и пью, пью воду.

Вышел оттуда, сел, а напротив сидели пять человек, и одна женщина лежала. Потом взрыв произошел, и на меня посыпалась штукатурка. И этот мужчина мне говорит: «Иди». А потом меня взял и понес через спортзал. Наверху все горело. Занес в комнату, там другие были. Выбили окно и стали через окно выбираться. Меня передали через окно, и мы за гаражами вышли к медицинской машине.

Потом привезли в больницу. Сначала в нашу, потом во Владикавказ. Тогда стало страшно — что будут делать. А мне говорят: «Лежи спокойно». Родителей увидел наутро. Во Владикавказе боялся по ночам, не мог заснуть. Когда сидели в школе, молились, чтобы террористов убили скорее.

Рассказывают, как под пулеметные очереди молили Бога: «Помоги, защити, спаси!»

Стопка воспоминаний о захвате школы — свидетельство о безумии мира, в котором мы живем. Но еще и терапевтическое задание, которое психологи давали тем, кто пережил трагедию. Люди после шока начали говорить, писать, им надо было освободиться от переживаний, и добровольцы Группы милосердия принимали их боль. Вспоминать тяжело, но не помнить невозможно.

В Беслане многие подростки проявили исключительное мужество. В отделении абдоминальной хирургии находился 16-летний Мурад К. Увидев наведенный на детей ствол, он закрыл своим телом двоих малышей, а потом, уже раненый, вместе со школьным физруком сумел разоружить террориста. В больнице за мальчиком ухаживает тетя: мать умерла весной, отец погиб несколько лет назад. От помощи отказываются, говорят: «У нас все есть». Мурад только очень просил помочь ему достать книги о подготовке спецназовцев. Его мечта — служить в спецназе.

Вскоре после прибытия детей в больницу при поддержке администрации прошла большая благотворительная акция Группы милосердия. Координатором был Армен Попов — один из давних друзей Группы. Он привлек несколько крупных фирм и ассоциаций.

Сразу же по прибытии детей из Осетии в РДКБ сотрудники Группы милосердия обошли всех, расспросили родных о насущных бытовых нуждах, узнали, какая нужна одежда и обувь — и не только размер: ребенку, может быть, важны цвет, фасон... Расспрашивали родителей, чем дети прежде увлекались, о чем мечтали, о чем давно родителей просили...

Дело в том, что на вопрос, чего бы им сейчас хотелось, многие ребята отвечали: «Ничего». После трагедии дети находились в глубокой апатии. Время как будто остановилось для них там, в бесланском школьном спортзале. После пережитого они словно утратили связь с собою прежними, перестали видеть будущее. Вспом-

нить свою мечту, вновь заболеть ею — значит вновь завести часы.

Акция началась утром с появления в коридорах РДКБ — к восторгу всех встречаемых мальчишек — футболиста Дмитрия Аленичева. Он направлялся в гости к 14-летнему Алану К., который лежал сейчас в отделении травматологии с проникающим ранением грудной клетки и тяжелой травмой головы. Радости Алана не было границ. Мальчика просто невозможно было узнать — а ведь в первые дни по своему психологическому состоянию он был в числе самых тяжелых пациентов, долго не шел на контакт. Футболист подарил Алану настоящую футбольную форму и мяч, на котором написал теплые слова. Потом сделали совместную фотографию — «Подаришь мальчишкам, когда вернешься домой», — сказал Дмитрий, бережно обняв за плечи перебинтованного Алана.

Акция проходила во всех отделениях, где лежали дети из Осетии. Вначале к ребятам пришел Карлсон — настоящий Карлсон из спектакля Театра Сатиры, который учил всех не слушаться, шалить и есть варенье прямо из банки. А потом все ребята получили именно те подарки, о которых больше всего мечтали. Кому-то самым желанным был большой пупс «Бэби Борн», о котором надо заботиться, как о настоящем новорожденном, кому-то — Барби с домиком, кому-то — радиоуправляемая модель, или CD-плеер, или ролики. Ребята не просили подарков и не ждали. Дети или их родные просто рассказывали о мечтах и давних детских просьбах...

И вот каждый ребенок держал в руках именно то, чего ему когда-то так хотелось. Трое старших ребят получили в подарок компьютеры — в том числе Мурад К.. История этого мужественного паренька-сироты никого не оставила равнодушным. Один благотворитель, просивший не называть его имени, не только подарил Мураду ноутбук, но и предложил поддерживать мальчика в дальнейшем — в частности, помочь с оплатой образования.

В палате 10-летнего Георгия Ф. появился настоящий многоскоростной горный велосипед. Перебитая осколками нога мальчика была в гипсе от стопы до бедра, но она непременно срастется — об этом позаботятся врачи, — а велосипед будет подбадривать Георгия, призывно поблескивая новенькой эмалью. Тяжелораненая 12-летняя Аля Ф. мечтала о белых сапожках и, открыв коробку с сапожками из мягкой белой кожи, на каблучке, глазам своим не поверила: «Это мне? Правда?»

В тот день все почувствовали: ребята взаправду стали прежними, просто детьми, которые впервые за долгое время радовались по-настоящему. Сотрудники Комиссии по благотворительности Московской Патриархии привезли недостающие телевизоры и видеомэгагнитофоны — теперь они стояли в каждой палате, где лежали ребята из Беслана. Пришел фокусник — он выступал в каждом отделении. И, конечно, ребят снова посещал профессор Лука Лукич.

А добровольцы Службы милосердия, как обычно, занимались с детьми рисованием, проводили

компьютерные классы. Девочка с ранением правой руки приспособилась рисовать левой. Потом стала пробовать «одной левой» справляться и с компьютером. Вскоре многие ребята уже пели песни под синтезатор вместе с Володей Шишкаревым.

Постепенно психологическое состояние детей улучшалось. Группа милосердия подготовила поездку выздоравливающих детей в Италию на реабилитацию. Организатором стала итальянская благотворительная ассоциация «Aiutateci a salvare i bambini», возглавляемая Эннио Бордато, — старые друзья Группы.

Группа милосердия впервые подготавливала документы для отправки за границу такой большой группы — 39 человек. Помогали все — от итальянского консульства в Москве до сотрудников аэропорта Шереметьево-II. Летную погоду аэропорт обеспечить не смог, зато устраивали, кормили, ухаживали, когда из-за плохой погоды задерживался рейс.

Италия доброжелательно и с участием встретила бесланцев. Они побывали во многих крупных городах, гуляли, любовались красотами пейзажа. На площади Святого Петра после богослужения Папа Иоанн Павел II обратился к ним на русском языке со словами поддержки.

Одна из БЕСЛАНСКИХ МАТЕРЕЙ НАПИСАЛА В СЛУЖБУ МИЛОСЕРДИЯ:

Очень повезло, что нас такие добрые люди окружают, столько друзей появилось. Я думаю, в Беслане

у нас такого бы не было. Ведь городок наш маленький, а здесь очень много людей, которые нам сочувствуют. Каждый десятый житель Беслана погиб. Маленький городок Беслан. То, что мы пережили, — это как в аду побывать.

А вот материалы с сайта, вывешенные вскоре после возвращения группы бесланцев из Италии.

РАССКАЗЫВАЕТ МАРИНА К.:

Мы с моим мальчиком полтора месяца находились в Италии на реабилитации. Глеб очень сильно пострадал, у него тяжелейшие травмы, и в Италии мы получили все, что ему было необходимо: психологическую реабилитацию плюс лечение. Я немножко успокоилась, мы отвлеклись от того негатива и черноты, что творится сейчас в Беслане. А когда вернулись и сошли на перрон, вновь на нас надвинулась вся эта чернота, этот негатив, и мы еще острее почувствовали, как хорошо было в Италии — просто замечательно. Самое яркое впечатление — доброта, улыбки и отзывчивость всех, кто нас встречал и принимал, кто постоянно был с нами. Нам организовывали поездки, экскурсии. Протяженность Италии с Севера на Юг, насколько мне известно, — 1300 км. Мы проехали 1000 км. Большие впечатления от Рима — мы посмотрели практически весь Рим, — и от Венеции, от Вероны.

Поразительная встреча с певцом Альбано: чтобы полтора часа пообщаться с бесланскими детьми, он проделал авиаперелет, дал концерт. Просто замечательно пообщались. Огромное спасибо Эннио Бордато, который организовал нашу поездку и прием в Италии. По

Глава VIII

любому вопросу мы могли к нему обратиться. Одной из целей этой поездки было показать моего ребенка врачам, и Эннио нам это организовал. И, конечно, я благодарна всем, кто так поддерживал нас здесь, в Москве, во время лечения, кто помог осуществить эту замечательную поездку в Италию.

Горе, страдания, преступления, совершенные в Беслане, были огромны. Но удивительно, сколько сочувствия, сострадания и участия было явлено в эти дни. Оказалось, что хороших людей много. Гораздо больше, чем можно себе представить.

Глава IX

НАШИ ДЕТДОМОВСКИЕ

В больнице всегда проходили лечение немало детей-сирот: поступивших из детских домов или оставленных родителями, которые не желали тащить на себе груз тяжелых диагнозов. Всякому очевидно, что дети не должны расти без родителей, больные же — и подавно. Без заботы взрослого пациенты РДКБ зачастую не могут выжить: очень многое зависит от ухода. Поэтому добровольцы всегда старались опекать в первую очередь сирот: ухаживали, подкармливали, стирали вещи, одевали, водили на прогулки, общались. Некоторых удалось устроить в семьи. Каждый усыновленный ребенок — целая история, грустная, но и счастливая.

ИСТОРИЯ СЕРЕЖИ Г.

В 1987 году в хирургическое отделение поступил Сережа Г. — ему не было и двух лет. Его мать вскоре вернулась в деревню, оставив ребенка в больнице. За ним, конечно, присматривали всем миром: и медперсо-

нал, и мамочки. Но рано или поздно все расходились по своим делам, и мальчик оставался один. Мать сначала изредка приезжала, потом исчезла. Сереже было года четыре.

Он был тяжело болен: не мог самостоятельно глотать, получал жидкую пищу через трубку. Перестал расти, очень плохо говорил, постоянно захлебывался кашлем. Чья-то сердобольная бабушка привела его в церковь — Сереже только исполнилось восемь. Его крестили, и крестная, одна из добровольцев, начала, как она выражалась, «играть с ним в дочки-матери»: приходила к нему через день после работы, приносила что-нибудь вкусное, собирала по знакомым одежду, читала, по возможности водила гулять, купала, общалась с лечащим врачом и медсестрами... Одним словом, старалась дать ребенку ощущение защиты — рядом с ним взрослый, который его любит и заботится о нем. Обо всех сложностях рассказать невозможно. Мальчик пробыл в больнице десять лет, и наконец встал вопрос о выписке. Куда его пристраивать, непонятно: домой бессмысленно, он там пропадет, да и мать по закону уже лишена родительских прав; в детском доме тоже пропадет, слишком слаб и уязвим. В Группе милосердия все терялись в предположениях и грустили: Сережа фактически стал «сыном полка», все его любили, все баловали, и все свободное от процедур время он проводил в храме.

Кто-то надоумил обратиться в телепрограмму «Времечко». Съемки длились шесть часов, снимали по всей больнице, изумляясь: что ни человек, то судьба. Показали ровно три минуты — только Сережину историю, но сняли хорошо: живо, от сердца. Откликнулось много желающих взять ребенка, но попал он в семью удивительных людей, необыкновенно добрых и

щедрых душой. Они сами незадолго до этого пережили горе: их девятнадцатилетнего сына, студента Военно-медицинской академии, зверски убили хулиганы. В память о нем осиротевшие родители и взяли одиннадцатилетнего Сережу, тезку их убитого сына.

РАССКАЗЫВАЕТ НАТАЛИЯ В., НОВАЯ МАМА СЕРЕЖИ Г.:

Спустя два года после гибели сына по телевизору случайно услышала объявление о том, что мальчик Сережа, который лежит в Республиканской детской клинической больнице десять с лишним лет, ищет семью.

Было это так: я включила «Времечко», как раз когда заканчивался сюжет об этом ребенке. На экране была мордочка очень маленького мальчика — выглядел годика на три-четыре, не больше, — и я услышала конец фразы: «Сережа ищет семью». Моего сына тоже звали Сергей — возможно, имя сыграло роль. Я сразу мужу сказала: «Этот ребенок будет наш».

Я действительно после гибели сына два года искала ребенка, чтобы усыновить: мой родной сын (мы его сейчас называем «большой Сергей») в свое время очень просил, чтобы мы кого-нибудь родили или усыновили. Но возраст был уже не для родов, мы считали, что у нас есть и дочка, и сын, короче говоря, усыновлять никого не собирались. Но после гибели сына подумалось, что его устами говорил со мной Господь, а я не услышала...

И вот в одном храме священник мне сказал: «Не ищите никого, если будет нужно, ребенок появится ниоткуда». Ну вот так, наверное, «ниоткуда», с экрана телевизора, и появился Сережа. Мы приехали в больницу, познакомились с ним. Потом нам разрешили взять его к себе на выходные. Когда я его увидела, выглядел

он лет на пять-шесть, ростом очень маленький. А было ему одиннадцать с половиной. Вот тогда я узнала, что он больше десяти лет пролежал в больнице с двумя трубками — трахеостомой и гастростомой. Попал сюда с непроходимостью пищевода, а когда мы его забирали, у него была бронхоэктатическая болезнь, ему сделали пластику пищевода; он десять лет почти не гулял, самостоятельно не ел, не дышал; у него был очень слабый скелет, он с трудом говорил, не умел читать.

Но я педагоги, конечно, понимала, что моя задача — вывести этого ребенка в жизнь. Мы отдали его в школу — сразу во второй класс. Какие-то буквы он в больнице изучил. За два года мы прошли второй, третий, четвертый и пятый классы. Ну, конечно, благодаря тому, что и я пошла работать в школу вместе с ним, и рядом были коллеги, которые хорошо к нему относились и помогали.

Долго рассказывать обо всех трудностях, о болезнях, которые у него были и есть... Мы и сейчас его лечим... Но, тем не менее, за двенадцать лет, что Сережка прожил у нас, результаты колоссальные. Все, кто его видят, конечно, не узнают. Во-первых, у него рост сейчас уже 162 см — он чуть ли не вдвое вырос за эти годы. У него прекрасное чувство юмора — шутит, улыбается, не комплексует. Научился отлично плавать, мы стараемся каждый год вывозить его на море — море и сухой климат ему нужны для легких, для развития.

Да, он не очень вхож в компании сверстников. Но ему есть о чем с ребятами поговорить — прежде всего, о футболе. Сережа очень увлекается футболом, немного играет сам. Болельщик ЦСКА. Знает все команды, знает, в каких городах, в каких странах проходят соревнования — это его хобби. Кроме того, он очень увлечен

кино, знает многих артистов. То есть среди молодежи не теряется. Это очень важно.

Ну и, конечно, потрясающе, что чудом, с Божьей помощью, Сережа за один год прошел десятый и одиннадцатый классы и поступил на географический факультет Педагогического университета. Четыре курса уже позади. С большим трудом и упорством, но успешно сдает все экзамены — даже стипендию получает.

Самое интересное, что сам о себе Сережка говорит так: «У меня все хорошо, я здоров, у меня все получается». Не дает себе помогать, даже с рефератами.

Он мечтает жить в Италии... Вы не представляете, в первые годы, когда мы его взяли, он зачитывался историей Рима, страстно хотел увидеть Колизей. Мы ему говорили: «Там все разрушено», — а он: «Неважно, хочу посмотреть». Откуда у него такое пристрастие к Италии — не знаю. Еще он мечтает после университета года три-четыре поработать учителем, причем хочет преподавать в «Ковчеге». Это необычная школа в Москве: там вместе занимаются и универсально талантливые дети, и олигофрены. В свое время он сам проучился там два месяца. Сейчас говорит: «Мам, я, наверное, пойду туда работать». Почувствовал, что он там нужен.

А еще мечтает изучать торнадо — природные стихийные явления. Насколько это осуществимо, мы не знаем. Самое главное, что он в этой жизни не чувствует себя ущемленным. Он ставит себе те же цели, что и здоровые люди. Мы радуемся за него и всячески ему помогаем.

Сложностей с мальчиком — и медицинских, и учебно-педагогических — было немало. Однако новые родители преодолели их — и преуспели. Сейчас

Сереее 23 года, он учится на пятом курсе вуза, играет в футбол. Ведет жизнь обычного городского молодого человека.

Это замечательное, всеми любимое семейство нередко приезжает в больничныи храм, тоже практически став добровольцами.

РАССКАЗЫВАЕТ СЕГОДНЯШНИИ СЕРЕЖА Г.:

Родные меня бросили: привезли в больницу и уехали. Десять с лишним лет я прожил в больнице. В восемь лет меня крестил отец Георгий. В больнице меня опекали, но я много плохого делал... Воровал... А где-то в двенадцать лет меня показали во «Времечке», тогда и нашлись новые родители... Я у них вначале тоже, сам не знаю зачем, украл драгоценности. Отец Георгий сказал тогда, что так нельзя, ведь ко мне по-доброму относятся.

Отец Георгий со мной всегда разговаривал на исповеди, узнавал, как мне в больнице живется, а когда я стал жить дома, спрашивал, нормально ли ко мне относятся родители... У меня сейчас все в жизни хорошо.

Я учусь на последнем курсе географического факультета. У меня есть цель — быть исследователем стихийных бедствий, изучить эти природные явления. Я должен окончить институт на все четверки. Мне очень помогли подняться мои новые родители: моя мама, учительница, всю школу училась вместе со мной, а теперь я хочу все делать сам — чтобы мама занималась своим делом, а я своим. Мама — героический человек. Когда у меня экзамены, я запираюсь в комнате и никого не допускаю. Еще хочу сказать, что надо верить в себя, верить, что вы-

живешь. Верить в себя — и все получится. Этот настрой у меня был в больнице, есть и остается.

Мне так хотелось бы сказать сегодня отцу Георгию: спасибо большое... Он учил меня, что надо ценить время жизни, время, в которое ты живешь...

Население детских домов в нашей стране огромно. И дело не только в том, что в силу ряда социальных, экономических, а в первую очередь нравственных проблем детей оставляют в родильных домах их матери: у большинства нынешних сирот живы родители — по крайней мере, мать. В нашем обществе не срабатывает какой-то административный механизм: с одной стороны, множество семей хотят усыновить ребенка, в некоторых регионах очереди на усыновление, иностранцы готовы усыновлять даже больных детей, с другой — население детских домов все возрастает. И это горько сознавать, зная, что во многих странах — в Италии, в Израиле, в маленькой и небогатой Армении — вообще нет детских домов и приютов — потому что всех сирот разбирают по семьям.

Более тридцати пациентов-сирот усилиями Группы милосердия были усыновлены, пять деток уехали в приемные семьи за границу — в США, в Италию. О каждом, о мытарствах этих детей, а порой о счастливом их завершении можно рассказывать бесконечно.

Юрия Ч. из отделения урологии первым сумели отправить в Америку. Сначала уехал на три года лечиться, потом удалось оформить усыновление в американскую семью.

История Юры Ч.

Юрик родился с тяжелейшими врожденными патологиями, и от него отказались еще в роддоме. Больница — детский дом — больница — вот все, что он видел за свои 7 лет. Приговор ему звучал безнадежно — протянет лет до одиннадцати-двенадцати, не больше, и российская медицина тут бессильна (хирурги-то блестящие, но без техники ничего поделывать не могли).

Летом 1995-го в Москву приехала американка Мэри, которая устраивала усыновление российских детей в американские семьи. Юрик приглянулся ей сразу. На вопрос «Хочешь в Америку?» — сморщился в ответ: «Еще чего».

Задумали отправить его в США на лечение. Документы оформлялись месяца два, и все это время Мэри оставалась в Москве, твердо решив, что без Юрика в Штаты не вернется. Трудностей было множество. Последняя — на пограничном контроле в Шереметьево: выяснилось, что у Мэри просрочена виза. Мэри согласились выпустить со штрафом, но без Юры. Однако все преодолели, и Юрик оказался в Америке.

Госпиталь, теперь уже американский, опять операция... В отделении, где лежал Юра, работала медсестра Пэм Батлер — мальчик ей очень понравился. Супруги Батлеры решили, что Юрик будет хорошим братом их сыновьям — один младше Юрика на год, второй на два.

После очередной реконструирующей операции Юрик два месяца лежал на растяжках, а когда встал на ноги, вся семья поехала в церковь на службу. После службы Юрик сказал поразительное: «А в России Иисуса нет!» Когда об этом рассказали отцу Георгию, батюшка заме-

тил: «Главное, чтобы он чувствовал Бога в своем сердце, а где, в России или в Штатах — не важно!»

В 2004 году отцу Георгию пришел конверт из Америки. С фотографий смотрел высоченный улыбающийся парень, лучший пловец школы, который готовится поступать в колледж. И что-то неуловимо знакомое было в его улыбке. Местная газета провинциального городка, где живет Юрик, рассказывала о Юрии Ч.-Батлере, о его жизни сначала в России, а потом в Америке. Нормальный американский парень.

Каждый усыновленный ребенок — подвиг любви и труда. Детдомовские дети, с рождения не знавшие ни любви, ни внимания, счастливы, когда оказываются в семье. Но проходит не один год, прежде чем в эмоциональном отношении, в развитии они догоняют сверстников. Профессиональная помощь людям, взявшим на воспитание ребенка из детского дома, возникла совсем недавно. Сложности усугубляются, когда ребенок болен. Однако опыт Группы милосердия показывает, что в конце концов образуются счастливые семьи.

История СЕРЕЖИ К.

Каждая история усыновления достойна рассказа. Но история Сережи К. — особенная, счастливый случай. Это было трудное усыновление: мама Сережи — инвалид. Инвалид и его бабушка.

Сережа К. родился в Ярославле в 1998 году. Родился он с тяжелым пороком сердца и патологией конечностей — у него очень короткие ручки и ножки, и к тому же всего одна почка, притом неправильной формы. Когда Сережа появился на свет, его родители были совсем молоды, оба учились в техникуме. Они

поняли, что такого малыша им не выходить, и мальчик остался в доме ребенка. Позже у родителей появился второй сын с такой же патологией конечностей, но, к счастью, без порока сердца. Второго мальчика мать решила растить сама.

Сереза много раз приезжал на лечение в РДКБ. За свою короткую жизнь он перенес с десятков операций.

В 2001 году в Ярославский дом ребенка пришли две женщины — Валентина и Татьяна, мать и дочь. Пришли, чтобы взять ребенка. Татьяна сама тяжело больна. Окончив институт, она два года преподавала в школе, но болезнь прогрессировала, так что с работы пришлось уйти. Детей у Татьяны не было, и обе женщины мечтали о малыше, которому могли бы подарить свою любовь.

Дом ребенка разрешил им посещать одного из трех мальчиков на выбор. Обеим сразу понравился Сереза: кудрявый милый малыш. Сначала приходили к нему три раза в неделю. Самое страшное воспоминание о тех днях — Сереза, который постоянно просит есть. А кормить детей посетителям категорически запрещено. Сереза был голоден постоянно. До сих пор, спустя годы, мальчик все время боится, что ему не достанется еды.

Женщины забрали Серезу домой только через два года: обе на инвалидности, оформить опеку удалось с невероятным трудом. Но невозможно было и подумать о том, что малыш окажется брошенным дважды.

Когда Сереза наконец очутился дома, ему было уже пять с половиной. Мальчику все было внове. Но и для Валентины с Татьяной это был новый опыт. Хотя Татьяна по образованию педагог, поначалу воспитывать детдомовского ребенка было очень трудно. Иногда прорывалась агрессия — и по сей день случается. Было очень много проблем. Но, пожалуй, главной проблемой,

которую взялись решить эти две по-настоящему героические женщины, стало Сережино здоровье. С появления мальчика в семье практически ни дня не обходилось без посещения врачей. В ноябре 2005 года Валентина и Татьяна привезли Сережу в Москву, в Институт кардиохирургии им. А.Н. Бакулева, где ему сделали очень сложную операцию на сердце. И прямо из «Бакулевки» мальчика снова перевели в РДКБ.

Приемные мама и бабушка очень привязались к Сереже, полюбили его, как родного. Они ни на минуту не усомнились, что поступили правильно, взяв тяжелобольного мальчика, и не раз говорили: «Мы ведь сами инвалиды, и у нас есть опыт выживания инвалидов в этом мире. Так что сумеем передать этот опыт и мальчику». И хотя живется им очень трудно (у всех только пенсии), женщины не только выхаживают Сережу, но и изо всех сил стремятся дать ему образование, сделать так, чтобы он смог максимально раскрыть и развить свои способности.

Сережа вновь и вновь приезжает в РДКБ на операции — ему выправляют искривления ног и рук. Группа милосердия поддерживает эту замечательную семью материально.

Лет десять назад добровольцы подружились с международной благотворительной организацией, которая открыла под Москвой центр помощи детям-сиротам «Родничок». Это католическая община, где вместе работают монахи из нескольких стран: Италии, Аргентины и других (эта работа корнями уходит в Верону 1907 года). Помогая детям из детских домов, занимаясь реабилитацией и социальной адаптацией детей из горячих точек и

из социально неблагополучных семей, эти люди откликнулись и на нужды некоторых сирот из РДКБ.

История Лолы и Димы

В 1993 году в отделении травматологии РДКБ появилась пятилетняя Лола с очень тяжелыми патологиями опорно-двигательного аппарата. Ее привезли из Узбекистана — родители от нее отказались, и девочка с рождения жила в детском доме.

Тогда же в больнице лежал Дима из Владимира, года на два моложе Лолы — с рождения на больничной койке, тоже отказной. Дима не мог ходить — как и Лола, передвигался по отделению на коляске.

Они долго лежали в одной палате, как брат и сестра. Оно и понятно — все дети, полечившись, уезжали с родителями домой, а эти двое оставались. Больница на долгие годы стала их домом. Группа милосердия опекала их, волонтеры навещали и помогали, чем могли.

С открытием «Родничка» Диму и Лолу стали отпускать туда на лето — осенью ребята возвращались «домой». Так они получили возможность отдыхать на природе, в живописнейшем месте Подмосковья. И к тому же появились новые друзья, люди, которые приняли участие в их судьбах, хотя сложились эти судьбы по-разному.

Диму отправили на консультацию, а потом и на лечение в итальянскую клинику. Ехать в Италию он боялся — говорил всем, что «Россия — маленькая, а Италия такая большая». Маленькая Россия, наверное, потому, что ограничивалась для него больничной палатой.

В большой Италии у него нашлись приемные родители — врачи, члены организации «Врачи без границ», у которых в семье уже было четверо своих детей. Сначала

Димку брали на время, потом забрали навсегда. Говорят, он даже внешне похож на маму.

На несколько лет Диму потеряли из виду. Встреча с ним случилась неожиданно.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛИНА САЛТЫКОВА:

В 2003 году мы были в Италии с выставкой детских рисунков и разговорились с переводчицей, которая несколько лет назад адаптировала в итальянскую семью русского мальчика Диму. Оказалось, это наш Димка. Итальянские партнеры организовали нам встречу с семьей. Дима встретил нас настороженно, сказал, что говорит только по-итальянски, русского не помнит. Потом контакт все-таки установился: вместе играли в футбол. Родителям удалось поставить мальчика на ноги. У него все в порядке, он учится, как и его сверстники. Когда мы уходили, он сказал по-русски «до свидания».

Иначе сложилась судьба Лолы. Она тоже перенесла много операций, и на консультации главный хирург Москвы сказал, что все возможное лечение она уже получила. Но передвигаться девочка по-прежнему могла только в коляске. Однажды, уехав на каникулы в «Родничок», Лола решила остаться там навсегда. Работа ей нашлась сразу: Лола была старожилком, в курсе всех дел и смогла стать секретарем. Потом окончила школу, компьютерные курсы, получила аттестат о среднем образовании. Воспитатель у детей младших классов. Думает продолжить учебу. Летом 2007 года Лола с друзьями ездила в Словакию, и семья, которая ее принимала, предложила остаться у них. Лола вернулась в «Родничок».

Когда Лола была маленькой, отец Георгий крестил ее под именем Мария. Девочка любила бывать в больничной церкви и на своей коляске часто приезжала туда. Теперь, правда, на богослужения Лолу вместе с другими обитателями «Родничка» педагоги привозят нечасто. Но на Пасху она приезжает всегда. Сегодня ей уже двадцать, но взаимная радость встреч все та же, что и много лет назад.

РАССКАЗЫВАЕТ ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ВАГАНОВ:

Сегодня мы работаем со Службой милосердия в тесном, сотрудничестве. Бывает, требуется немедленная помощь — вот прямо сейчас срочно сходить в аптеку и купить лекарство, не закупленное по официальным каналам. И здесь, конечно, помощь Службы выступает «скорой помощью».

Я уж не говорю о повседневной работе волонтеров. Или о совершенно уникальной программе «Ты не один». Сейчас мы формируем бригады врачей, выезжаем в дома ребенка, детские дома, отбираем детей на госпитализацию. За последние три года уже пролечили около трехсот детей, пока из окрестностей Москвы, но мы расширяем географию. Рядом с детьми-сиротами из домов ребенка находятся нанятые нянечки и волонтеры, которые помогают ухаживать за детьми. Покупка билетов, покупка одежды. Казалось бы, все это мелочи, а в действительности — колоссальная помощь больнице. Сегодня служба милосердия достраивает второй дом для сирот — огромная работа, но такая необходимая.

И то, что в субботу проходят службы... Я не воинствующий представитель Православной Церкви, и храм не при мне создан. Но я каждодневно сталкиваюсь с его

деятельностью, с желанием некоторых родителей и детей посещать храм. Я даже не знаю, что они там делают. Может, просто стоят, может, думают о чем-то... Когда же я сам захожу, я чувствую какую-то волну — и не ту, что рядом, в аудитории, где читаю лекции. В «аудитории», где храм, — совершенно другая аура.

История Саши Ч.

Этот мальчик 1998 года рождения, из детского дома Хабаровска — старожил ЛОР-отделения, регулярно приезжающий на лечение в РДКБ. Благодаря сайту Службы милосердия, у Саши появилось много друзей. А в декабре 2005 года Сашу усыновили...

РАССКАЗЫВАЕТ НОВАЯ САШИНА МАМА, ЕЛЕНА Р.:

Эта история, возможно, ничем особенным или необычным вас не поразит, но я хочу рассказать ее хотя бы потому, что она произошла со мной и моими близкими. В тот вечер все было, как и во многие другие мартовские вечера. На календаре весна, а на улице еще всю свирепствуют морозы, хотя днем порой проглядывает робкое весеннее солнышко, как бы напоминая всем, что весна уже близко, надо только чуточку подождать. Мой сын Гера играл у себя в комнате, а я рыскала по всемирной паутине в поисках неведомо чего. Случайно зашла на сайт Группы милосердия Российской детской клинической больницы, заинтересовалась разделом «Дети-сироты». Когда речь заходит о сиротстве, возникает щемящее чувство и хочется поскорее переключиться на что-нибудь другое, чтобы не одолевали муки совести.

На нашей планете так много взрослых и сильных дядь и тетя, но почему-то они не в состоянии помочь маленьким людям, которые, словно раннее весеннее солнышко, пытаются пробиться к нам сквозь стену равнодушия и людского непонимания.

Мое внимание привлек один мальчик. Его личико показалось мне очень знакомым и близким, хотя раньше я его никогда не видела. В эту минуту в комнату вихрем ворвался Герка и, взглянув на экран, удивленно спросил: «Ой, мам, а где это я?» Так вот в чем дело! Двое мальчишек, совершенно разных и друг другу чужих, похожи, как два родных брата. У одного есть мама и папа, вкусная еда, интересные книжки и множество игрушек. Он любимец всей семьи, его балуют, холят и лелеют, и все для того, чтобы он вырос самым-самым. У другого нет ни родителей, ни бабушек и дедушек, нет ровным счетом никого, кто потрепая бы его по вихрастой макушке и поцеловал ушибленную коленку. Ему не пели колыбельных, не качали на руках, и потому его улыбка не похожа на улыбку, которой одаривают нас наши дети, которая бывает только в беззаботном и счастливом детстве. А в остальном он точно такой же мальчишка, как и мой сын, лопухий озорник и хулиган.

Мне захотелось во что бы то ни стало навестить этого мальчика, но в больнице сказали, что сейчас Саша у себя в детском доме, в Хабаровске, и скоро должен приехать. С этой минуты началась томительная пора ожидания: Сашин приезд несколько раз переносили — с марта на апрель, с апреля на май, — и все это время я настойчиво писала редактору сайта Марине Насоновой и просила ее информировать меня о происходящем. И вот наконец в середине июня от нее пришло долгожданное письмо: Саша приехал, приходите! Боже мой, Боже мой, что мне

делать, что ему купить, что сказать, как прийти... Схватив дома двух плюшевых медведей, я на ватных, подкашивающихся ногах доехала до больницы. Мысленно пыталась представить себе нашу встречу — но, как это часто бывает, действительность не имела ничего общего с моими фантазиями.

Саша оказался очень маленьким, щуплым ребенком, совсем не таким, как на фотографии в Интернете. Из-за болезни — у него был папилломатоз гортани — он очень тихо разговаривал, шептал. Наверное, каждая мать помнит тот момент, когда рождается ее ребенок, вот и я хорошо запомнила, как в нашей жизни появился Саша. Он мыл руки, стоя на цыпочках перед умывальником (не доставал до крана), ростом не больше четырехлетки (а ведь ему уже семь лет!), в ярко-желтых колготках и синих шортиках. «Привет, — говорю, — а где твоё полотенце?» — «А у меня нету». Так мы и познакомились.

А дальше дни полетели один за другим. Герка жил с бабушкой и дедушкой на даче и ничего не знал. Мы с мужем каждый день проводили в больнице, играли с Сашей, читали ему, ходили гулять, потом мыли его и укладывали спать.

В больнице 29 июня справили его семилетие. Только в этот день рождения он уже не был сиротой, у него появились папа и мама (хоть он пока и величал нас по именам), появились красивая одежда и свои игрушки, но самое необыкновенное — у него появился брат!

Гера встретил известие с восторгом. Из больницы мы уезжали в полном составе, и все отделение, где лежал Саша, провожало его домой, в новую жизнь. В машине он еще долго, даже когда больница скрылась из виду, махал рукой и говорил: «Прощай, больница!».

Впервые за семь лет переступив порог собственного дома, Санька не знал, что это такое и как себя вести. Он страшно перепугался, когда я зажгла газовую плиту, стал изо всех сил дуть на огонь, пытаюсь его потушить, и кричал: «Пожар, пожар!». Сейчас, по прошествии этих месяцев, мне трудно представить, что мы так долго жили с одним ребенком. И это несмотря на то, что время от времени наш дом напоминает руины после бомбежки, особенно когда дети затевают какую-нибудь шумную игру. Дом ожил, и все происходящее вокруг нас приобрело иной смысл.

Сейчас Саша заметно поправился, окреп и повзрослел. Летом они с Геркой научились кататься на велосипеде, и мы пообещали к следующему лету купить каждому «железного коня с двумя педалями» при условии, что они будут хорошо учиться и слушаться родителей. Саша ходит в школу, учит французский язык, любит рисовать. Кроме всего прочего, у него прекрасный музыкальный слух, и я надеюсь, что в музыкальной школе он будет лучшим учеником.

Рассказывать можно долго, поскольку каждый день Санька открывает для себя что-то новое — словно наворачивает упущенное, то, чего ему когда-то недодали в детском доме. Не знаю, забудет ли он те первые семь лет жизни, но все мы надеемся, что в его сердце останется только доброе.

РАССКАЗЫВАЕТ Лина Салтыкова:

Для Службы милосердия помощь детям-сиротам приоритетна. С сентября 2005 года мы совместно с РДКБ организовали уникальную программу «Ты не один!». Задача Программы — медицинская помощь детям-сиротам,

имеющим физические ограничения и нуждающимся в высокотехнологичном дорогостоящем лечении.

На практике происходит так: в больнице созданы бригады врачей, которые выезжают для осмотра детей-сирот на места, в разные регионы России. За 2006—2008 годы более двухсот детей (от полугода до шестнадцати лет) прошли лечение в РДКБ, несколько десятков устроены в семьи. Фонд для них приобретает лекарственные препараты и средства реабилитации, которых нет в больнице, продукты питания, средства гигиены, одежду. Траты исчисляются сотнями тысяч, а то и миллионами рублей, пришедшими от различных жертвователей.

Когда заработала программа «Ты не один!», в больнице появилось гораздо больше сирот, чем прежде. Больничный штат не увеличивается, в Службе благотворительности поняли: нужны няни! Теперь есть целый штат нянь — порой одновременно более десяти женщин присматривают за ребятишками. Думаем, как бы передать подлеченных детей в семьи. Печатаем на нашем сайте их фотографии, рассказываем об их нуждах. Народ отзывается. Много для них делается. Так хотелось бы, чтобы в нашей стране не было сирот...

Глава X

БЫВШИЕ БОЛЬНЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ

За почти два десятилетия работы в РДКБ добровольцы Службы милосердия познакомились и подружились с десятками, сотнями детей, благодаря врачам больницы излеченных от страшных болезней. Многие уже повзрослели, учатся, работают, создают семьи, воспитывают своих малышей. Кто-то попросту забыл о болезни, не оставившей следов, кто-то должен соблюдать некие ограничения. Но большинство этих молодых людей объединяют удивительная жизнестойкость и оптимизм, которые помогли им не только справиться с болезнью, но и теперь, во взрослой жизни, не унывать среди обычных житейских проблем. В Группе их называют «наши выпускники». Вот лишь несколько историй, рассказанных самими ребятами.

РАССКАЗЫВАЕТ Али А.:

Меня зовут Али. Мне сейчас 23. Прошло пять лет, как мне пересадили почку. И благодаря тому, чему я научился в больнице, мне удалось чего-то добиться в жизни.

Когда я лежал в отделении на диализе, к нам приходил волонтер Илья. Он играл на гитаре. Я долго смотрел, слушал. Один раз он пришел и наиграл какой-то мотив. И эта мелодия мне так понравилась, что я решил научиться играть ее на гитаре сам. Научился сначала одной песенке, потом другой. Меня никто не заставлял — чтобы не скучать во время болезни, я стал играть. Вот так после пересадки почки я увез домой, в Дагестан, любовь к гитаре, к пению. У нас в Дагестане я нашел людей, которые хотят что-то сделать, но не знают как. Так получилось, что мы познакомились и создали один проект. Стали собираться с ребятами, играть. Записали несколько песен, выступали. Как оказалось, удачно. Посыпались приглашения от продюсеров. Проект перерос в студию, а потом в продюсерский центр и медиа-холдинг, у истоков которого стоял я и еще один замечательный человек, наш генеральный директор.

Я занимаюсь продюсированием: ребята, у которых есть талант, приходят к нам, и мы им помогаем. Пока работаем на территории Дагестана — мы еще не акулы шоу-бизнеса, мы всего лишь мальки!

Сейчас я помогаю и планирую помогать дальше Благотворительному фонду при Группе милосердия РДКБ, потому что я все здесь видел своими глазами, прошел тут настоящую школу жизни, а она дает такой урок, что человек понимает все истинные ценности. Я здесь вырос, я здесь второй раз родился.

РАССКАЗЫВАЕТ ВАСИЛИЙ П.:

Сам я из Кировской области, из маленького городка Яранска. У меня ревматоидный артрит, этот диагноз мне поставили еще в Йошкар-Оле, но лечить там, к

Глава X

сожалению, не смогли. Сейчас уже говорят, что ревматоидный артрит — это заболевание иммунной системы, это когда организм не признает свои суставы, не считает своими и поражает. Выражается это прежде всего в сильных болях. Больно все — ходить, жевать, голову повернуть, поднять что-то. Боль стала нормой жизни. Началось в 1996 году, когда мне было восемь лет, я только пошел в первый класс. Однажды я простудился, но, когда начали лечение, поняли: что-то не так. Два месяца мне почему-то лечили сердце, но оказалось, что не в нем дело. Сначала я лежал в больнице в Яранске, потом в Йошкар-Оле, а уже после попал в Москву — сначала в городскую Тушинскую больницу, и наконец, в РДКБ. Здесь я провел в общей сложности девять лет, меня лечили, используя разные методики, хотя я уже понимаю, что полностью вылечить мое заболевание невозможно — во всяком случае, пока. Но я уже научился контролировать эту боль.

РДКБ — необычная больница. Здесь я впервые увидел, что в больнице может быть школа, может быть храм, куда я сразу стал ходить. Тогда у меня появилось много друзей — большинства из них, правда, уже нет... Мы часто ходили в храм, книжки выбирали в церковной библиотеке, болтали. Здесь я нашел много людей, близких мне по духу. Я понял, насколько это интересно — общаться. Тяжело, болея, не замкнуться в себе. Благодаря людям из Группы милосердия мне все удалось, они помогли. У нас, я помню, были литературные кружки, я тоже впервые с таким столкнулся, было очень интересно выпускать свою стенгазету. Мы делились впечатлениями о каких-то сочинениях, авторах. Опять же — элементарный интерес общения. Большие люди показали маленьким, как надо общаться. Возможно, и мы их чему-то научили, но мы

Бывшие больные рассказывают

от них и взяли немало... Мне часто вспоминается, как по субботам я бегал на церковные службы, потом в библиотеке сидел. Мне было весело очень, даже несмотря на сильную боль. Для меня эта больница — новая надежда. Мне спокойно здесь было всегда, не опасался за свою жизнь. Я думаю, что еще не раз сюда приеду, покажусь на глаза, чтобы те, кто поставил меня на ноги, увидели, что трудились не зря.

После школы я окончил в родном городе финансово-экономический колледж и теперь учусь в Москве на втором курсе юридического факультета РГСУ. Хочу стать хорошим адвокатом, скорее всего, пойду на уголовное право. Почему? Нетрудно быть обвинителем, карать человека. Совсем другое дело — отыскать в нем что-то хорошее и оправдать его. Я хочу, чтобы люди знали: всегда найдется человек, который сможет их защитить. Вся проблема наших людей в том, что они не знают законов и потому боятся. Я очень хочу, чтобы люди перестали бояться. То, что я болен, — это меня подталкивает бороться. Многих людей болезнь ломает, я сам это проходил, было такое — лежишь и не можешь встать. Но где-то находишь силы и понимаешь — если тебя это не сломало, то не сломает ничто. Надо смотреть на все остальное легко!

В храме Покрова Богородицы есть свои поминальные списки — на каждой литургии поминаются имена тех детей, кто окончил свои дни в больнице (фотографии многих прикреплены перед жертвенником в алтаре). Но есть и драгоценные письма от детей, вылечившихся, повзрослевших, уже обзаведшихся собственными детьми. В трудные минуты эти свидетельства дают силы.

РАССКАЗЫВАЕТ ЖЕНЯ Л., МАМА ВОЛОДИ Л.:

Мы с пятилетним Вовкой приехали в РДКБ без денег, без всего. Столько проблем! Вовку положили в отделение общей гематологии. Он пролежал в больнице с 1999-го по 2001 год, врачи боролись за его жизнь. Пришли в храм — нам тут помогали, а мы даже ответить ничем не могли... Все время хочется плакать, все время думаешь: если что-то с ребенком случится, как я переживу? Здесь, в храме, мне объяснили, что не надо жалеть себя, надо думать о том, чтобы ребенок выздоровел, о том, как сделать полноценной его жизнь в больнице, и чтобы он видел нормальную маму — и тогда все меняется. А еще, как назло, у меня в больнице отказал позвоночник, грыжа защемила нерв. Ребенку плохо, упали лейкоциты, а у меня такая напасть: раз — и не могу встать с кровати. И что делать? Помню, я плакала от беспомощности. Тут уже взялись за меня. Юра, водитель из храма, возил меня в больницу (страшно вспомнить, как меня в микроавтобус засовывали — ласточкой). И деньги нужны — на компьютерную томограмму, на массаж. Только благодаря помощи храма тогда все удалось преодолеть...

И так три года. Пережито столько, но и столько хороших людей мы встретили! Потом набрались сил, перестали переливаться, поехали домой, вдохнули нормальной жизни и начали свою жизнь перестраивать на натуральное хозяйство. Живем на природе — свои молочко, птица, мясо свое. В этом году Вове разрешили ездить на велосипеде. Жутко боялась, но сейчас ездим, все нормально.

Мы еще пьем лекарства, а так вообще обострений нет, все в порядке. Когда приезжаем на проверку в РДКБ, всегда идем в храм, так волнуемся — как к родным. Столько пережито вместе. Такие муки были с ле-

карствами! Тогда в больнице не было никаких лекарств, не было систем для переливания. Потом, когда уже лежали, все постепенно начало появляться. Сейчас приехали — и чувствуется, что уровень совершенно другой, мамы уже не думают, куда бежать за помощью, как мы поначалу... ужас был.

И положительные эмоции были. Приходила Ира — они с Вовой рисовали и лепили. Нам в Группе милосердия давали пластилин — мы изводили тонны. Лепили, рисовали всем, чем только можно, от мелков и красок до пастели. Когда Вова пошел в школу, он, хоть и отстал на два года, все равно очень отличается, обгоняет ребят по развитию. Ему очень много дали это творчество и музыка. Сейчас вот приехали — и ребенок говорит: «Я бы полежал в больнице, а то скучно!»

РАССКАЗЫВАЕТ Володя Л.:

Мне 14 лет, учусь в шестом классе, живу в городе Лихославле. Учусь на пятерки, но по русскому сейчас 4. По математике «отлично» (ездил на олимпиаду). Увлекаюсь лепкой из глины и пластилина, рисованием, музыкой. Играю на домре. В следующем году буду ходить на домру и фортепиано, а на третий год еще и на гитару. Хочу поступить в Тверь на саксофон, если получится. Живем мы в своем доме. На натуральном хозяйстве.

С вылечившимися и выросшими детьми Группа милосердия старается связи не терять: переписываются с выпускниками. Те присылают свадебные фотографии, снимки своих детей. Их пока немного, этих детишек, но каждый — победа. Победа врача, победа матери, победа над болезнью.

РАССКАЗЫВАЕТ ГАЛИНА Д.:

В феврале 1999 года я поступила в РДКБ. Проллежала в больнице 9 месяцев, и 12 ноября мне пересадили почку. Это случилось очень неожиданно: мне должны были удалять почку, потом полагается послеоперационный период. И тут, когда я лежала на диализе, приходит доктор и говорит, что пришла почка и можно одновременно и удалить, и пересадить, за одну операцию. Я, конечно, обрадовалась. Страху никакого не было, были абсолютное спокойствие и уверенность, что все будет хорошо, потому что я верила врачам в РДКБ, всем абсолютно, и шла на операцию, как на праздник, спокойная, радостная.

И все прошло хорошо, анализы восстановились за две недели, и через месяц меня выписали — в декабре, под Новый год. У меня невероятно быстро все нормализовалось! Летом 2000 года я ездила отдыхать в Казахстан, на родину, потом заканчивала одиннадцатый класс в Подмоскowie. А летом 2001 года, как только окончила школу, устроилась на работу в медицинский центр в детском лагере, где и познакомилась со своим будущим супругом, который был тогда пожарным. Сейчас он служит в милиции. Нашей семье уже скоро семь лет. Мне сейчас 25. В октябре 2004 года у нас родился малыш Мишутка. Маленький, да удаленький!

Рождение ребенка было запланировано давно. У меня вообще все было по плану! В 2001-м подумала: «В этом году мне нужно выйти замуж». И вот мы встретились. Думали сразу родить ребенка, но здоровье мне не позволило. Нам очень хотелось — и родился Миша.

Мне кажется, все зависит от желания. Если чего-то очень хочешь, обязательно получится — пусть и не без трудностей. Все, конечно, не так гладко было, все это

стоило и моих усилий, и родительских. Все переживали, и муж был рядом, и врачи прекрасные попались. Ну, мне вообще везет: вот слышу, что бывают некомпетентные или нехорошие врачи, но я таких не встречала в жизни ни разу. Замечательные врачи мне попадаются!

Великое множество детей прошло через руки и сердца добровольцев. И почти у каждого — невероятной сложности судьба.

История Алексея и Елены Р.

Они приехали из Саратовской области — мама и сын. Дома у Алеши началось серьезное заболевание почек, вскоре потребовалась срочная трансплантация, и мама отдала свою почку. Однако в то время в их больнице не нашлось необходимых лекарств, и почка отторглась. Так Алеша опять остался без почки, после чего и оказался в РДКБ. Начались бесконечные дни диализа и ожидание новой донорской почки.

В это время такой же диагноз поставили и Алешиной сестренке Лене. Девочку привезли в то же отделение. Жизнь семьи была очень тяжела. На маму просто страшно было смотреть. Потом обоим детям провели трансплантацию, и они уехали домой. Несколько лет назад Лена стала матерью. В ее ситуации это можно назвать подвигом.

Вот что написала взрослая ЛЕНА:

В середине 1990-х я три года провела в РДКБ, в отделении трансплантации почки. И мне хотелось бы сказать всем девочкам и мальчикам, которые там лежат, что

операция делается для того, чтобы жить — учиться, работать, жениться, выходить замуж, рожать детей. Зацикливаться на операции не надо. Это неправильно. Нужно стремиться к тому, чтобы вернуться в общество. Нужно постараться забыть о своем заболевании, жить, как живут другие.

Конечно, для адаптации нужно много сил. Где их взять? Лично мне силы дали мои родители, моя мама, которая тут пробыла со мной три года. Было очень тяжело. Но мне хотелось самой себе доказать, что я могу: я не прокаженная, на мне нет балахона, у меня есть руки, ноги, я симпатичная — почему я не достойна жить в этом обществе?

Мне поначалу было очень трудно это понять... Трудно понять эти законы, трудно, когда тебя опекают, и ты потом должна выходить из своего микроклимата, выходить за очерченный периметр. Очень трудно.

Хотела бы я скрывать от людей свои проблемы? Да. Люди боятся проблем, лучше им этого не знать. У меня потому и были трудности с личной жизнью: молодые люди боятся знакомиться. Пересаженная почка. Звучит страшно, особенно когда не знаешь, что это такое. А не говорить? Как это так, если ты доверяешь этому человеку, если хочешь, чтобы у вас были доверительные отношения? Очень сложный вопрос...

Что же касается адаптации на работе, в социуме — тут можно кое-что и скрыть, это только на пользу пойдет, не столько себе, сколько окружающим! Чтобы им не было со мной страшно. Мне самой — не страшно. Но эти люди не будут «загружаться». Пусть лучше видят нормального жизнерадостного человека, который многое может и хочет. Вот и все.

А вот с личной жизнью — тут уже такие вопросы возникают. Но я думаю, если человек выбрал себе дру-

гого человека, значит, он должен смириться с какими-то проблемами и помогать. Ну, а если он уходит, значит... ну, значит, он просто должен уйти. Вот и все. Надо отпустить. И смириться. Я через это уже прошла. Люди боятся того, чего не знают. Это — человеческое. Мы вообще склонны бояться. Я не знаю, как бы я сама повела себя, если бы мне сказали, что у какого-то человека такая проблема.

В общем, я думаю, это главное: не зацикливаться. И не обязательно всем всё знать.

Как все было? Три года я ждала почку. Выжила, дождалась пересадки. Когда выписалась, хотелось всего и сразу! И учиться, и все, что угодно, — прямо все схватить: и в кружки записалась, и на шейпинг сразу пошла.

В школе же оказалось очень сложно. И дело не только в оценках. Когда я пришла в школу, я сразу поняла, что здесь все из другого мира. Ну что ж, сели с мамой за учебники и года за три благополучно все прошли, с шестого по десятый класс. Сначала плакала над учебниками, но сидела, изучала... В одиннадцатый класс вышла уже круглой отличницей.

Потом надо было как-то дальше жизнь строить. Пошла в медицину, стала медсестрой. Просто в нашем городке пойти было некуда — а тут я уже все умела. Три года в училище, ничего не пропускала, окончила хорошо. Пошла работать. Естественно, были трудности из-за моей инвалидности, пришлось скрыть.

Мечты о ребенке у меня были всегда. Мне кажется, когда я только говорить начала, я маме сказала: хочу ребенка! И когда я дождалась пересадки почки, первый вопрос, который задала врачам: смогу ли я иметь детей?

И вот. Вроде у меня есть работа, все хорошо. Начала встречаться с молодым человеком, забеременела и была очень счастлива... Трудно ли было во время беременности? Нет. Трудно, когда лежишь три года в больнице в

ожидании почки. Трудно адаптироваться после этих трех лет, доказывать, что ты не хуже других, а может, даже лучше. А сейчас — нетрудно. Трудно, когда люди умирают, когда рождаются — это нетрудно.

Как я попала рожать в такое замечательно место, в этот институт? Я своим вышестоящим медикам сказала, что либо рожу дома, либо поеду в Москву. Они сами выбивали направление, тоже ведь боялись...

А еще я рассказы пишу... Сейчас я создаю свое самое главное произведение. Сына. Надеюсь, все лучшие качества будут в нем. На этого мальчика большие надежды. Это большое вдохновение. Раньше у меня такого не было: огромное стремление к успеху. Очень хочу здорового малыша! Главное — не дать его в обиду. Это, мне кажется, чувствует любая мать.

Среди «выпускников» есть люди относительно здоровые физически, но есть и инвалиды. Жизнь у всех складывается по-разному: кто-то смог получить образование, кому-то это не удалось. Можно допустить, что те, у кого жизнь не особенно удачна, не так уж склонны к переписке. Но те письма-воспоминания, в которых бывшие больные рассказывают о своих успехах, радуют всегда. Боря Я. рассказывает о жизни после больницы и о той роли, которую сыграл в его жизни отец Георгий Чистяков.

РАССКАЗЫВАЕТ БОРЯ Я., «ВЫПУСКНИК» РДКБ, НЫНЕ РАБОТАЮЩИЙ В ФОНДЕ:

Все началось лет двенадцать назад. Тогда мне поставили диагноз — лейкоз. Что пережили мои родители,

не передать никакими словами. По тем временам такой диагноз у нас на Смоленщине считался практически смертным приговором.

О том, что при больнице есть храм, узнали от кого-то из знакомых. Первой стала посещать богослужения моя мать. Я же такой возможности не имел, находился по большей части в реанимации, да и не совсем еще понимал, в чем тут дело...

Первый раз я встретился с отцом Георгием уже ближе к концу лечения. Нельзя сказать, чтобы наша семья была какой-то уж очень набожной — скорее, обычные «теплохладные» христиане, приходящие в храм на Пасху, да иногда так, свечку поставить. Болезнь изменила многое...

Идя в храм, я представлял себе помещение, где в таинственном полумраке суровые бородатые священнослужители совершают действия, понятные лишь не менее суровым прихожанам. Церковь казалась мне местом, где царит суровая дисциплина, и уж никак она не ассоциировалась у меня со свободой. Отец Георгий перевернул все мои представления.

Оказалось, что храм — это место, где царят свобода и радость, где оживают и загораются надеждой глаза родителей, место, где нет одиночества и отчаяния.

Неравнодушие — вот что поразило меня больше всего в первый раз. Отец Георгий и прихожане находили минутку для каждого приходящего, находили время и силы каждому сказать слова утешения и поддержки. Здесь нет клише, нет стандартов, здесь все живое и открытое.

Отец Георгий стал моим первым духовным наставником. Его слова всегда глубоко западали в душу. У него была фантастическая, действительно Богом данная способность открывать человеку силу его души. Уходя после литургии, я уносил в своем сердце представление не о

Глава X

каком-то абстрактном Боге, но точную уверенность, что Он среди нас, что небеса становятся ближе! Каждая проповедь — шедевр, отец Георгий был прекрасным оратором, его слова одинаково живо воспринимали и маленькие прихожане и большие, только пришедшие в храм и верующие со стажем.

Потом я выздоровел, вырос, поступил в Православный Свято-Тихоновский богословский институт, и мы стали видеться гораздо реже. Новые заботы, новые дела — так получилось, что с отцом Георгием мы в последнее время не виделись, а о его смерти я узнал из выпуска новостей. Я понял, что ушел очень близкий и дорогой мне человек, тот, кто научил меня верить, надеяться, быть христианином.

Глава XI

ПРОЩАНИЕ

Мы подошли к последней главе книги, посвященной памяти нашего дорогого друга и учителя, ушедшего в 2007 году священника Георгия Петровича Чистякова. Хотелось бы рассказать немного о нем самом — словами его друзей и его собственными. Дарования его были огромны — и филологические, и лингвистические, и духовные. Кроме всего прочего, он блестяще владел пером — часть его литературного наследия еще ожидает публикации. Жизнь отца Георгия не была долгой — он не дожил до 54 лет, — но в его жизни уместилось неизмеримо много: огромные познания, которые он приобрел, и постоянное служение, которое взял на себя. Эффективность его жизни была необыкновенной. Сегодня, когда его уже нет, стали очевидны вещи, которые не приходили в голову, пока он был жив.

Начало его служения было освещено тем светом, который излучала фигура незабвенного отца Александра Меня, в конце жизни другие великие христиане XX века приняли его в круг близкого

общения — митрополит Антоний Сурожский (Блум) и Иоанн Павел Второй, Понтифик Римской Католической церкви. Оба уже, к сожалению, покойные.

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ ОТЦА ГЕОРГИЯ

Георгий Петрович Чистяков родился 4 августа 1953 года в Москве. В 1975 году окончил Московский государственный университет по специальности древняя история. Кандидат исторических наук (тема диссертации: «Павсаний как исторический источник»), доцент кафедры классической филологии. Владел древними языками (латынь, древнегреческий) и новыми — французским, итальянским, английским.

С 1975-го по 1993 год преподавал латинский, древнегреческий, введение в романистику и историю романских языков в Московском государственном лингвистическом университете.

В 1985—1990 годах в Московском физико-техническом институте (МФТИ) читал курс лекций по Библии, истории христианства и истории богословской мысли.

С 1988 года преподавал на кафедре истории культуры МФТИ, а в 1993—1999 годах заведовал этой кафедрой.

С 1991-го по 2002 год — профессор в Российском государственном гуманитарном университете, автор курса лекций «Священное Писание и литургическая литература», спецкурса «Методология историко-культурных исследований». Читал разнообразные курсы лекций в МГУ,

в Институте философии, теологии и истории св. Фомы в Москве, в центре «Сен-Жорж» (Париж), в университетах Страсбурга (Франция), Рима (Италия), Мюнстера и Гамбурга (Германия) и в США (университеты св. Фомы и «Нотр-Дам»), был лектором-консультантом в центре «*Russia esitensis*» (Рим).

В 1994—2000 годах активно работал в газете «Русская мысль» и на Христианском церковно-общественном радиоканале.

С июня 1999 года — заведующий залом религиозной литературы, затем — директор научно-исследовательского центра религиозной литературы и изданий русского зарубежья Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы.

Автор статей и переводов с древнегреческого и латинского (Плутарх, Полемон, Павсаний, Тит Ливий).

14 декабря 1992 года рукоположен в диаконы.

25 ноября 1993 года рукоположен в священство в храме Космы и Дамиана в Москве с правом окормления больных детей в Российской детской клинической больнице. До конца жизни был настоятелем открытого весной 1994 года больничного храма Покрова Пресвятой Богородицы.

С 1993 года член-корреспондент РАЕН.

Автор девяти книг, учебного пособия по стилистике латинского языка, ряда учебных программ, более 200 научных и публицистических статей, переводов.

Член правления и председатель комитета по научной и издательской деятельности Россий-

ского библейского общества; член Международной ассоциации исследований по изучению отцов церкви; член редакционных советов журналов «La Nuova Europa» (Милан) и «Истина и жизнь» (Москва), газеты «Русская мысль» (Париж), академического журнала «Вестник древней истории». Член правления Института «Открытое общество», входил в Попечительский совет Программы «Линия жизни» британского благотворительного фонда Charities Aid Foundation (CAF — Russia).

Труды священника отца Георгия Чистякова

Тебе поем. М., 1992.

Размышления с Евангелием в руках. М., 1996, 1997.

На путях к Богу живому. М., 1999.

Над строками Нового Завета. М., 1999, 2002.

Свет во тьме светит. Размышления о Евангелии от Иоанна. М., 2001, 2005.

Господу помолимся. Размышления о церковной поэзии и молитве. М., 2001.

В поисках вечного града. М., 2001, 2003.

Римские заметки. М., 2003, 2007.

«Да укрепит вас Господь!». М., 2008.

Отец Георгий происходил из коренной русской интеллигенции, чудесным образом сохранившейся и нравственно и физически в советское время.

Его отец Петр Георгиевич был профессором математики, преподавал в Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского.

Мать Ольга Николаевна, доцент-биолог, преподавала в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Дед Николай Иванович работал с Н.Е. Жуковским, был известен своими научными работами по теории авиадвигателей.

Бабушка Варвара Виссарионовна, славист и палеограф, заложила многое в формировании мировоззрения маленького Егора.

*Существует довольно большой корпус **воспоминаний отца Георгия** о его детстве, о Москве, о бабушке и ее подружках, но объем настоящей книги позволяет привести лишь небольшие выдержки:*

Москвы моего детства теперь уже нет. Это была Москва маленьких двух-, трехэтажных домов в переулках на Остоженке, на Пречистенке и Арбате; в переулках вокруг так называемого Немецкого рынка у нынешнего метро «Бауманская»... Там жили мои родители, тетушки, двоюродные бабушки. Им в когда-то их квартирах зачастую оставалась всего одна комната. Ремонта в ней не было со времен Первой мировой войны: как наклеили обои в 1913 году, так и жили. И вещи не покупали с тех пор, за исключением какой-нибудь клеенки. Посуда постепенно разбивалась, стулья приходили в негодность...

Это была Москва старушек, но не старичков. В первые годы своего детства я не подозревал, что бывают старые люди мужского пола, потому что одни из людей этого поколения погибли в революцию, другие — в 20-е, третьи — в 30-е годы, четвертые ушли в 1941 году в ополчение и погибли буквально в первые

дни войны. Их невесты остались старыми девами, их жены рано овдовели. Это был мир старых дам, научивших меня читать по-русски и по-старославянски, молиться Богу и ходить в церковь, любить Шопена и Шуберта, русскую поэзию и прозу. Здесь садились пить чай за стол, накрытый белоснежной скатертью, никогда не ходили в халатах, никогда не появлялись, даже на кухне, без чулок или непричесанными. Ни к кому не обращались на «ты», кроме самых близких людей, и к своим соседям по коммуналке обращались на «вы» и по имени-отчеству.

Как это ни парадоксально, я, родившийся после войны, застал почти дореволюционную Москву — Москву, которую изрядно потрепало, жители которой и постарели, и обнищали. Но все-таки это были остатки дореволюционной маленькой Москвы, где все друг друга знали, где все друг другу доверяли, где хлеб, чай, лимоны и конфеты продавались в тех же самых магазинчиках и ларьках, что и в начале века. Можно сказать, что окончательно Октябрьская революция победила в Москве только в начале брежневской эпохи, когда были ликвидированы остатки старомосковских гнезд. И этот ушедший мир очень жалко, потому что сегодня мы можем научиться знать, владеть материалом, может быть, значительно лучше, чем владели им старые дамы моего детства, но научиться любить литературу, музыку и даже Бога сегодня зачастую бывает не у кого.

Москва студенческих лет — город все тех же старушек, только еще более постаревших. Это Москва, которую я всю исходил пешком с портфелем в руках (тогда не было еще заплечных сумок, которые теперь так облегчают нашу жизнь). А в этом портфеле всегда было три или четыре тетрадки, роман Достоевского

или какой-нибудь трактат Бердяева или отца Сергия Булгакова, французский роман начала века и, конечно, Евангелие. В те годы я не просто ходил в церковь — я не расставался с Евангелием, которое читал сначала по-славянски и по-русски, потом по-гречески, по-латински, в разных переводах на европейские языки, которые учил. Оно всегда было в портфеле, оно всегда было со мной.

В те годы мои друзья и я очень много учились. Мы уходили в учение, как я сейчас понимаю, чтобы не видеть того, что творилось вокруг. К тому времени Брежнев уже ввел войска в Чехословакию, и достаточно мрачная атмосфера висела и над Москвой, и над всей Россией — атмосфера разоблачительных статей и партсобраний, которые, к счастью, были закрытыми, поэтому меня туда не пускали.

Среди моих университетских учителей в Москве я вспоминаю прежде всего Алексея Федоровича Лосева и Азу Алибековну Тахо-Годи, в Петербурге — Аристида Ивановича Доватура и Марию Ефимовну Сергеенко. Сергей Сергеевич Аверинцев относился к поколению и не сверстников и не учителей — учителя были старше его, сверстники младше. Аверинцев был скорее старшим, но товарищем. Когда он начал читать свои лекции, публиковать свои первые статьи и переводы, оказалось, что настоящая наука — это не только удел тех стариков, которые успели получить образование до революции и доживали свои дни, зачастую уже бессильными. Оказалось, что наука возможна сегодня — беспартийная, не ангажированная марксизмом, христианская и абсолютно свободная.

В сегодняшней Москве принято демонстративно читать святых отцов, Добротолюбие и богословскую

литературу, говорить о вере. В Москве моих студенческих лет это было запрещено, и, тем не менее, мы читали эти книги благодаря бесстрашным иностранцам, дипломатам и туристам, которые привозили книги, изданные во Франции, в Бельгии, в Америке. Они переходили из рук в руки. Через месяц после своего появления в Москве они распухали, как распухает старый словарь, которым пользуешься ежедневно. И надо сказать, что жизнь тогдашней православной Москвы была удивительно открытой при всей своей запрещенности. Я вспоминаю храмы моего детства и юности. В этих храмах была удивительная атмосфера доброты и радости, которую создавали тогдашние чудесные, ласковые и солнечные старушки.

...Я помню пасхальную Москву того времени — совершенно особый, чистый, белоснежный и радостный город. Конечно, Пасха моего детства — праздник домашний. Но, с другой стороны, Пасха всегда была праздником, который выплескивался совершенно удивительным образом на улицы. Каждый раз возникала какая-то особая атмосфера Чистого четверга с чтением 12-ти Евангелий. И Страстная суббота — день, когда освящались куличи и пасхи, когда на улицах появлялись такие древние старушки, которых в течение года я никогда не видел. Они появлялись с белоснежными узелочками, в которых были куличи. Кто ехал на метро, кто на трамвае, кто шел пешком до ближайшего храма. Москва светила от их чудных лиц.

Я вспоминаю о пасхальной атмосфере в Москве 50-70-х годов, о той удивительной радости, которая охватывала всех. Сегодня же меня огорчает не только агрессивность веры многих из нас, но и то, как подчас нелепо мы пытаемся выразить свою пасхальную радость. Грустно

смотреть на протянутые через улицы плакаты: «Христос воскрес!» Грустно слышать во время обедни громохание «пасхальных» концертов и гуляний. Все это превращает радостную тайну нашего сердца в какой-то православный вариант Первомая и низводит праздник, бесконечно нужный и дорогой, до официального общегородского мероприятия.

С детства я знал: христианство — это любовь, православие — это чистый свет пасхальной радости. Меня, проживающего в Москве православной уже сорок с лишним лет, очень огорчает неприятие нынешними православными христиан других исповеданий — католиков и протестантов — и даже неприятие прихожанами одного храма людей другого прихода. И верующим, и неверующим остро не хватает кротости и доброты старушек моего детства.

Сегодня принято к «новым русским» относиться с осторожностью, презрением и даже ненавистью. Но мне кажется, что они люди не потерянные. И очень часто я как приходской священник вижу такого «нового русского», который входит в храм в своем безупречно дорогом и модном пальто, подходит к ящику для пожертвований, опускает в него большую сумму (потом мы ее обнаруживаем там со старостой) и быстро выходит, чтобы его никто не заметил. Желание делать добро анонимно, не для того, чтобы тебя упомянули в рекламной передаче или во время телемарафона, а потому, что сердце твое этого хочет, — это уже очень большой шаг навстречу Христу!

Я надеюсь на добрые перемены, потому что знаю: всю эту землю, каждую улицу Москвы и каждый ее переулок исходил вместе с нами «удрученный крестной ношей» наш Наставник и наш Господь Иисус Христос. И верю,

что Он вошел и войдет в сердце каждого и каждой из нас, даже тех, кто сегодня кажется бесконечно далеким от веры и церкви.

Еще один фрагмент из воспоминаний отца Георгия. Описывая свое детство, пробуждение души, он завершает рассказ своей первой встречей с отцом Александром Менем:

Птицы, не замолкая ни на минуту, будто действительно молятся Богу — «на своей латыни», как сказано у Осипа Мандельштама. Их удивительно много — в каждом кусте, на каждом дереве и прямо в траве. И льются с четырех часов утра, не переставая, tenui gutture, как говорится у Овидия, или «из горла их нежного», чистейшие звуки этой человеку недоступной «латыни». Недоступной и прекрасной.

А сад наполнен «благовонным дыханьем сирени». Парковой, или венгерской. Эта сирень — особенная, кусты ее вырастают до огромных размеров, но в букетах она не сохраняется, сломанная — сразу вянет. Однако каждый куст ее выглядит сам как гигантский букет. «Во всем улыбка, жизнь во всем». Это Тютчев, которого я открыл минувшей зимой.

«Жизнь во всем». А мне почему-то грустно... И кажется почему-то, что в жизни моей теперь никогда не будет ничего хорошего, ведь детство закончилось навсегда. А что ждет меня впереди — об этом лучше просто не думать. Ибо мне уже шестнадцать... Брежнев уже ввел в Чехословакию войска, и шестидесятые годы сразу же ушли в прошлое.

Поэтому хорошо только здесь, далеко от Москвы, где благоухает сирень, где поют птицы, а мои сосед-

ки, две пожилые дамы (мать и дочь), читают дамские романы — Локка, Оливию Уэтсли и Клода Фаррера и так далее. Романы, в которых описываются роскошные виллы, стоящие прямо над берегом моря, запах печеного лангуста и дамы в шелковых платьях за рулем открытых автомобилей. Романы, которые они сами же перепечатывают на машинке, взяв оригинал на несколько дней у какого-то «счастливица», владеющего «прекрасной библиотекой». Но только я в этих романах, два или три из которых (потом, через много лет) не без удовольствия прочитаю, тогда почему-то не находил ничего интересного.

Тогда я читал Диккенса. Книгу за книгой. А потом залезал на чердак — разбирать старые журналы: русские, вроде «Нивы» и «Отдыха», и французские, тоже сохранившиеся от царского времени, невероятно пыльные и в большинстве своем ужасно пошлые. Правда, именно благодаря этим журналам я до сих пор помню какие-то стихи из Сюлли-Прюдома и Франсуа Коппэ, поэтов, которых теперь и во Франции, кажется, давно уже никто не читает.

Среди этих журналов я нашел и две или три разорванные книжки «Аполлона» со стихами Гумилева, известного мне тогда только по имени. Помню, как прямо на «высоком чердаке», сидя в пыли среди какой-то старой рухляди и груд пришедшей в полную негодность мебели, которая и в самом деле выглядела «как ряд скелетов», я читал «Капитанов». «Шелестят паруса кораблей...»

К вечеру я знал их раг соеиг и, кажется, готовился уже прочитать с эстрады, но тут отец, как раз на другой день приехавший из Москвы на воскресенье, рассказал мне, что Гумилев был расстрелян еще при Ленине.

Поэтому не только его стихи запрещены, но и само имя никогда не упоминается в печати.

Именно от отца я к тому времени знал о Ленине и Сталине почти все. Знал о массовых расстрелах и арестах и о «красном терроре», знал, главное, о том, что во всем виноват не Сталин, «искаживший ленинские нормы партийной жизни», но что сами эти нормы ужасны. Знал о том, что сегодня, в конце шестидесятых годов, хотя и не расстреливают, но сажают. Знал о мордовских лагерях и так далее.

Все это знал я уже тогда, и сейчас благодарен за это отцу бесконечно. Это он, безумно боявшийся, что я со своим холерическим темпераментом быстро окажусь где-нибудь в Мордовии, тем не менее, не пытаюсь сделать меня «советским», говорил мне только правду и более того — всю ту правду, что знал сам. Но о Гумилеве мы с ним прежде почему-то никогда не говорили, хотя стихи он любил, и, прежде всего, поэтов начала века.

Настоящей страстью моего отца был велосипед. Мы уезжали с ним километров за тридцать и во время этих поездок, не пытаюсь развивать какую-то особенную скорость, разговаривали часами. *De omni re scibili* — «обо всем, что дано нам знать». Так говорил Пико делла Мирандола.

О чем только мы не беседовали во время этих прогулок! И сейчас, когда проезжаешь по местам, где мы тогда бывали вместе с ним, именно в связи с конкретными пейзажами и даже в связи с поворотами дороги неожиданно выплывают из памяти подробности наших разговоров, иногда — мельчайшие.

Так, оказываясь на Егорьевском шоссе у дома, который, разумеется, не имеет никакого отношения к по-

веданной отцом истории, я всякий раз вспоминаю, как он рассказывал о командире полка, расквартированного в Нахабине. Отец жил там летом, когда было ему лет пятнадцать. Я не просто вспоминаю: я вижу, как все было, хотя это произошло совсем в другом поселке и задолго до моего рождения. И только цепкая память подростка почему-то навсегда связала эту историю с симпатичным домиком вблизи станции Донино.

Вернувшись домой, командир — кажется, человек симпатичный, ибо в поселке его все любили, — пил с женою и тещей чай на террасе, когда к его калитке подъехала незнакомая машина. Всё это видели собственными глазами игравшие на улице мальчишки. Решив, что на него напали какие-то бандиты или просто «враги трудящегося народа», они было попытались защитить командира своим криком, но «бандиты» мгновенно затолкали его в свою машину...

Сирень все еще цветет, а я продолжаю разбирать старые растрепанные журналы и книги, что иногда прямо в руках рассыпаются от ветхости. Их много в нашем сарае, на чердаке у соседок и в сундуке у Екатерины Филипповны, вдовы маминого крестного, — знаменитого ученого-аэродинамика, человека, который всю жизнь оставался беспартийным и ни от кого не скрывал, что верит в Бога. В тридцатые годы он не подписывал никаких писем в поддержку расстрелов «врагов народа» и ходил в церковь Покрова на Лыщиковой горке. Именно тут по его просьбе священник повенчал моих родителей, Петра и Ольгу.

Среди этих книг я нашел и Евангелие. Маленькое служебное Евангелие, конечно, на славянском. Не могу сказать, что до этого я был неверующим. Нет, я всегда любил церковные праздники, особенно Пасху, которую

ждал каждый год с большим нетерпением, готовился к ней, как мог. Любил бывать в церкви, ставить свечи и подавать записочки на обедню, не всегда, но молился, а временами в Воскресенском храме в Сокольниках до часу простаивал на коленях перед Иверской иконой, дома иногда читал акафист святителю Николаю, которого считал покровителем нашей семьи. Но Евангелие почти не раскрывал, а если читал иногда, то только по-русски.

Теперь все неожиданно изменилось. Изменилась сама жизнь. Оказалось, что я просто не могу жить без этой книги, вернее, без этого Человека. Тогда я не задумывался над тем, кто это — «один из пророков», Сын Божий или простой равви из Назарета. Я хотел только не расставаться с Иисусом никогда — и все. Садился на велосипед, уезжал куда-нибудь в лес и читал там Евангелие часами. Читал, заучивал на память и отдельные стихи, и целые страницы, то и дело возвращаясь к тому, что было прочитано прежде. И так изо дня в день. То про себя, то беззвучно шевеля губами, то вслух и даже нараспев. Потом одна моя знакомая, вернее, коллега, известный историк и автор книги об античной Паннонии, рассказала мне, что и она дома читала Евангелие вслух, запираясь для этого в ванной.

...Читая Евангелие в лесу, который я хорошо знал с детства, я как-то соединял в сердце (так уж устроена моя память) какие-то места этого леса с теми страницами Евангелия, которые я читал именно в этих местах. Он действительно исходил эту землю, в том числе и тогда, когда я читал здесь о том, как «иде Иисус в субботы сквозе сеяния; ученицы же его взалкаша и начаша вос-терзати класы и ясти».

Вот почему зимой, приехав, чтобы покататься на лыжах, на несколько дней к моим друзьям, вдове лесника и его детям, которые, конечно, жили за городом весь год, я в зимнем лесу сразу обнаружил места, где Он, безусловно, был. Его места. Поэтому лыжные прогулки стали какими-то странными встречами с раввунни. Вернувшись однажды домой, уставший от быстрого бега и полный радости оттого, что был там, именно там, в моей Галилее, где впервые я встретил моего Иисуса, я вошел на кухню. За столом вместе с каким-то человеком, показавшимся мне чем-то похожим на древнего ассирийца, сидел старший сын моей хозяйки.

«Алик очень спешит, — сказал он, — поэтому мы решили поесть на скорую руку. Алик мой старый друг. Он жил здесь, когда мы были пацанами». И, помолчав: «А вам будет, наверное, интересно поговорить друг с другом. О вашем Евангелии». «Священник Александр Мень», — сказал, вставая и протягивая мне руку, «ассириец». Он действительно спешил, но все же в тот день я успел узнать, что идти вслед за Иисусом можно не только в одиночку, но и вместе, ибо именно словом «вместе» называли первые христиане свою общину.

Эта встреча произошла в середине семидесятых годов. Началось их общение. Отец Александр Мень концентрировал в себе время, перерабатывал его, меняя мир вокруг.

Александр Мень погиб — с того малого расстояния, на котором находятся живые современники, еще не виден настоящий масштаб его личности и его деятельности. Но Георгию Петровичу Чистякову масштаб этот, вне всякого сомнения,

был открыт. Именно трагическая смерть отца Александра привела Георгия Чистякова к твердому решению о перемене служения. Будучи блестящим педагогом, переводчиком древних писателей, автором множества научных трудов, членом-корреспондентом РАЕН, он решает принять священство.

Отец Георгий Чистяков служил священником в храме Космы и Дамиана в Москве и опекал больных детей в Российской детской клинической больнице. Дело, которое начал отец Александр Мень с несколькими сердобольными прихожанками, перешло под крыло отца Георгия. Четырнадцать лет он вел свою паству, больных и умирающих детей, их матерей и добровольцев. Теперь, когда его нет, надо жить самостоятельно, продолжать добровольческую работу в больнице, надо помнить, что именно давал отец Георгий, справляться теперь без его руководства и молитвы, без его дружбы и утешения. Но ведь и Христос, и апостолы, и великие учителя ушли из земной жизни, а христианская преемственность жива, постоянно обновляется и простыми, никому не известными христианами, и праведниками, и учителями, одним из которых и был, несомненно, отец Георгий Чистяков.

Главный врач РДКБ Николай Николаевич Ваганов распорядился поставить его портрет с некрологом в холле больницы, где всегда размещается эта скорбная информация о больничных сотрудниках и где несколько раз батюшка отпевал врачей. Очень тронули всех проникновенные слова **Николая Николаевича** об отце Георгии:

...Это был уникальный, ярчайший представитель не только Православной церкви, это — ярчайший представитель нашего общества, блестяще образованный человек, чрезвычайно тонко понимавший душу больного ребенка и больного родителя. И больного главного врача тоже... Он позиционировал себя как Гражданин... Я был на похоронах отца Георгия. Я видел, сколько людей пришло проводить его, и какие пришли интересные люди... Я почувствовал, какой след оставил отец Георгий...

Все, кто общался с отцом Георгием, мечтают сохранить и его облик, и его труды для потомков, и вся эта книга — в некотором смысле, фрагмент воспоминаний о нем, его работе, его незаурядной личности.

Христианство можно понимать по-разному: как мировую религию, философское построение, отвлеченную концепцию. Отец Георгий знал историю христианства во всех тонкостях, со всем богатством древних текстов, святоотеческих и философских, но книжное знание никогда не затмевало для него сердцевины христианства — самого Христа, о котором современные христиане так часто забывают. Отец Георгий излучал не собственный свет, но свет его подлинной юношеской встречи со Христом. Этот свет ему удалось пронести до конца своей жизни. Вот отрывок из его интервью, где он говорит о возможности встречи человека с Богом:

Мне многократно приходилось быть свидетелем и участником того, как человек заново рождается благо-

даря каким-то духовным потрясениям, благодаря внутренним переживаниям. Главное, чтобы дисциплина духа и таинства воспринимались человеком не как самоцель, а как средство. Пост, ежедневная молитва или иная форма аскетической жизни — это лишь способ. Самое главное — почувствовать Божье прикосновение и самому прикоснуться к реальности присутствия Бога в жизни. А этому, как правило, помогает или чтение Слова Божия, или встреча с каким-то человеком, или переживание какого-то события. Ведь и смерть близкого человека, и влюбленность, и рождение ребенка, и болезнь — события тяжелые и радостные — равно могут оказаться той точкой, в которой ты встречаешься с Богом. В момент переживания ты чувствуешь мир и все, что вокруг тебя происходит, настолько остро, что невидимого Бога, если так можно выразиться, видишь своими глазами.

...Вспоминается рассказ немецкого мистика конца XVI века Якова Бёме о том, как однажды, когда он шел через поле и присел на землю, чтобы отдохнуть, он, посмотрев на травы и другие растения, благодаря присутствовавшему в нем внутреннему свету, прозрел их сущность, их полезность и их свойства, проникнув взором сквозь их формы, линии и другие признаки. «В четверть часа, — говорит Бёме, — я увидел и узнал больше, чем могло бы мне дать многолетнее пребывание в университете».

Живое ощущение присутствия Бога в реальной жизни вокруг нас делает человека другим. Надо сказать, что очень часто это ощущение приходит как раз в момент исповеди в церкви, когда священник накрывает тебя епитрахилью. И «прикосновение сквозь ткань руки, рассеянно крестящей», как написала когда-то

Анна Андреевна Ахматова, становится огромным чудом. Священник, который принимает исповедь, в этот момент, может быть, даже и не думает о тебе, о твоих проблемах. Он «рассеянно», как удивительно точно определяет Ахматова, осеняет тебя крестом сквозь ткань епитрахили. А ты в это время переживаешь что-то огромное. Потому что через прикосновение грешных пальцев священника к тебе прикасается сам Бог, и в тебе начинает вдруг расти что-то совершенно новое.

У отца Георгия было слабое здоровье. Мужчины в его семье не отличались долгожительством, не доживали и до его лет. Он знал эту свою наследственность и торопился успеть как можно больше. Уставал от спешки, порой не мог с ней совладать и страшно переутомлялся, и нервничал, и срывался, и был постоянно недоволен собой. Ноша, которую он на себя взвалил, была бы слишком тяжела и для богатырского здоровья, но отец Георгий не делал себе скидок. Отчаянный дисбаланс: огромный темперамент, колоссальная внутренняя энергия — и все ухудшающееся здоровье. Но собой он заниматься не мог: умирающие дети не давали. И не потому, что он постоянно присутствовал в больнице, отдавая им все свое время, — напротив, в последние месяцы жизни он редко там появлялся. В последние годы он, вероятно, уже знал, что путь его на земле близок к завершению. Тяжелое заболевание крови, опухоль мозга. Он приехал домой после лечения — обессиленный, прилег отдохнуть. Уснул и умер. Не успев завершить земных дел, написать завещание,

оставить распоряжения о публикации своих произведений...

В этой скоропостижности сказалась великая милость Божия: те немногие месяцы, которые оставлял ему его диагноз, сократились. От последних страданий онкологического больного, так хорошо ему известных, он был избавлен. Всевышний оказал ему милость, которой был полон сам отец Георгий.

Священник Александр Борисов, настоятель храма Космы и Дамиана в Шубине, в котором служил отец Георгий, вспоминал:

Это был замечательный человек блестящего ума и образования, блестящего знания классических и новых европейских языков. Человек высочайшего уровня культуры. И все это он отдал на служение Церкви. При всем блеске светского образования он был человеком глубоко верующим, прекрасно понимающим православное богослужение и богословие. При этом он питал огромное почтение к духовному измерению человеческой жизни. Главной его чертой было сочувствие к человеку. Потому так тянулись к нему люди. Потому сейчас сотни людей переживают эту утрату как глубоко личную потерю. Он действительно обладал даром сочувствия. Главным в его жизни было примирение и союз всех людей. В каждом человеке он видел образ Божий. Его дар сострадания, противостояния и сочувствия физической боли ярче всего проявился в его десятилетнем служении в детской республиканской больнице. Это был настоящий подвиг. Он исповедовал и причащал смертельно больных детей, хоронил их и умел утешать

их родителей перед лицом такой смерти. У него был великий дар утешения.

Отец Георгий был человеком мужественным, мало способным к компромиссам, и чрезвычайно ценил это качество в других. Он восхищался героизмом владыки Антония Сурожского, который в молодые годы, во время оккупации Франции, работал хирургом в Сопротивлении и в рентгеновской лаборатории скрывал тех, кому грозила опасность быть угнанным в Германию. И при этом прекрасно понимал разницу между «бытовым» героизмом и духовным подвигом Папы Иоанна Павла Второго, который «вместе с митрой и посохом святого Петра... взял на свои плечи ответственность за то, что происходило в Католической Церкви во времена его бесчисленных предшественников: за разрыв с христианским Востоком и православием, за инквизицию и религиозные войны, за процесс Галилея и казнь Яна Гуса, за антисемитизм и фактическое участие в работоторговле и за многое другое».

Отец Георгий был из такой же породы людей — готов был взять на себя всю ответственность, ответственность священника, несшего свой сан в непростые для Русской Православной церкви последние пятнадцать лет.

ДИРЕКТОР ВСЕРОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЕКАТЕРИНА ГЕНИЕВА, С КОТОРОЙ ОТЕЦ ГЕОРГИЙ ТЕСНО СОТРУДНИЧАЛ И ДРУЖИЛ, СКАЗАЛА ВСКОРЕ ПОСЛЕ ЕГО КОНЧИНЫ:

...Свое служение он ощущал как призвание. Да, мощный, да, порой ему трудно было даже идти — но он

ощущал себя именно на том месте, на котором был. Та самая сила, которая совершается в немощи.

Но как много успел в своей жизни этот человек, обремененный многими болезнями. Какую яркую радость он излучал, какая светлая энергия исходила от него. В дни, когда он исповедовал в храме Космы и Дамиана, возле его аналоя выстраивалась очередь. Он шел через толпу, касаясь рукой то одного, то другого, кого-то целуя, кого-то обнимая. К нему прикасались, как кровоточивая вдова прикасалась к Иисусу, проходящему через толпу, дабы через прикосновение обрести силу.

«Дорогие мои!» — восклицал он, и каждый в толпе ощущал, что это обращено к нему лично.

Когда несколько капель святой воды вливают в большой чан, она освящается вся. Человек, что несет в себе дух Христов, сияет этим светом и освещает все вокруг.

Сегодня все, знавшие отца Георгия, свидетельствуют о том, что он нес в себе этот свет. Несколько лет назад на крещении детей он произнес проповедь, которая приводится ниже.

Словами «Я буду с Вами во вся дни до скончания века» заканчивается Евангелие от Матфея и начинается жизнь каждого христианина у купели. В момент совершения таинства крещения Иисус говорит: «Я буду с вами». И, наверное, это главные в Евангелии слова. В нашей вере, в христианстве, главным оказывается не какая-то традиция, обычай или установления — почитание икон, зажигание свечей, посты или что-то другое. Главным оказывается присутствие Иисусово среди нас.

Все остальное выстраивается вокруг этого, все остальное оказывается, по большому счету, второстепенным, а зачастую и просто ненужным. Беспольным, когда мы главного не чувствуем, — присутствия Христова в нашей жизни.

Как часто приходится видеть людей, которые знают все традиции, обычаи, читали сочинения святых, но вот не чувствуют они, что здесь Христос. И тогда все, что они знают, все, что соблюдают, чему учат, — абсолютно мертво. И наоборот, бывает, что человек кроме Евангелия почти ничего не знает, а по-настоящему живет в Духе и может принести пользу другим.

Наша задача — чувствовать Христово присутствие, жить во Христе. Как, каким образом почувствовать? Вчитываясь в Евангелие, открывая наугад на одной, на другой, на третьей странице; читая подряд или маленькими фрагментами, прочитывая евангельские слова, чтобы они звучали в нашем сердце, повторялись в нем, как иногда в памяти повторяется мелодия. Если так же будет повторяться что-то из Евангелия, в какой-то момент мы почувствуем Его присутствие.

Тогда возникает еще одна задача — не только почувствовать Христа рядом, но и ответить на то, к чему Он нас зовет. Ответить сначала на один из его призывов, потом на другой... И вот тогда начнется наше христианство. И тогда окажется, что перед нами в жизни открываются абсолютно новые горизонты, что мы можем много больше, чем думали раньше; тогда окажется в конце концов, что победить нас никакое зло не в силах. Давайте стараться идти по этому пути. Не случайно Господь устраивает нам эту встречу в таинстве крещения и призывает нас стать Его друзьями. Все мы дети Божьи — крещенные и некрещенные, но в таинстве крещения мы стано-

вимся не просто детьми, но друзьями Бога через Его Единородного Сына, Иисуса Христа, пришедшего к нам во плоти. Это очень важно почувствовать. Да благословит, да укрепит вас Господь.

Отец Георгий, отдавший десятилетия своей жизни учебе и преподаванию, почитал учителей глубоко и искренне. С признательностью говорил о подругах своей бабушки, первых живых учителях веры, о многих университетских преподавателях. Благодарно вспоминал отца Александра Меня, митрополита Антония Сурожского и папу Иоанна Павла Второго.

В одном выступлении в канун начала третьего тысячелетия, когда и митрополит Антоний, и Иоанн Павел Второй еще были живы, отец Георгий сказал удивительные слова:

...Посылает Бог таких удивительных людей, таких удивительных тружеников. XX век все-таки, конечно, век не только страшных событий, но век потрясающих, удивительных людей, таких как отец Александр Мень, Мартин Лютер Кинг, А.Д. Сахаров, Д.С. Лихачев. Как владыка Антоний. Они наши послы для будущего и послание XX века — будущему...

...Наверное, надо сказать о том, что, в общем, конечно, счастье, что мы вступаем в это тысячелетие. Земля, планета, которая в это тысячелетие вступает с такими людьми, на которых можно опереться, с такими людьми, как митрополит Антоний, такими, как Иоанн Павел II, хотя им трудно было, на самом деле очень трудно было дотянуть до этого исторического перелома... Это как-то грустно очень, что ушел, не дождавшись завершения ты-

Прощание

сячелетия, Д.С. Лихачев, но он тоже дожил почти до его конца. И вот мне кажется, что они, на самом деле, граждане уже третьего тысячелетия, вот такого типа люди.

Ныне в списке ушедших «послов для будущего» не только владыка Антоний и Папа Иоанн Павел Второй. И сам отец Георгий последовал за ними.

Церковная история творится ежедневно. Ежедневно к сонму блаженных прибавляются новые лица — нам они, по большей части, неведомы. Но некоторые лики наших дорогих друзей, любимых учителей и молитвенников становятся видны все яснее.

Приложение

РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СЕМИНАР ПО ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ АСПЕКТАМ ПОМОЩИ ДЕТЯМ С ЗАБОЛЕВАНИЯМИ С ВОЗМОЖНЫМ ЛЕТАЛЬНЫМ ИСХОДОМ. АПРЕЛЬ 1999 ГОДА

В первом же выступлении руководитель Группы милосердия **Лина Салтыкова** высказала важную мысль: «Развитие благотворительных организаций в России есть путь ее вхождения в семью цивилизованных обществ». Далее она проанализировала ситуацию, в которой все мы оказались: «Больницы существуют в состоянии хронического недофинансирования, нехватки среднего медицинского персонала, уборщиц. И с самого начала мы готовы были помогать любыми способами. Оказалось, что гораздо важнее отвлекать детей и родителей от их ужаса и отчаяния. Хотя среди добровольцев не было профессиональных психологов, мы многому научились и сегодня отдаем себе отчет в том, что работать надо многопрофильной командой, в которую должны входить и священник, и добровольцы, и психологи, и подготовленные медсестры, и врачи, разумеется, но также музыканты, компьютерные специалисты, клоуны.

Как разновидность “отвлекающей терапии” очень эффективно обучение, будь то рисование, музыка или изучение компьютера. В изучении любого дела для боль-

ного ребенка создается перспектива, которой он лишен, принадлежа исключительно своей болезни».

Профессор **Игорь Резник**, заведующий отделом иммунологии, говорил о том, что в связи с фантастической скоростью развития медицины многие случаи, которые прежде считались неизлечимыми, теперь поддаются лечению. Это дает врачам силы работать. Однако нельзя не заметить, что неизлечимые болезни переходят в хроническое состояние и возникает категория людей, чья жизнь многообразно осложнена: они не могут завести семью, рожать детей, найти работу, иногда они ограничены в подвижности. Речь идет о качестве жизни.

Есть и проблема нашей бедности, которая для врача оборачивается тяжелейшим нравственным выбором: когда есть пять флаконов иммуноглобулина и десять нуждающихся в инъекциях детей, зачастую врач вынужден сам принимать решение — кто в этой очереди первый, кто последний. С этим сталкиваются все, кто лечит кризисных больных. От такого «божественного» решения врач просто сгорает на работе. И это сгорание — тоже важный вопрос, требующий внимательного изучения. Возможно, психологическая помощь необходима и врачам, а также, безусловно, среднему медицинскому персоналу.

Отец Георгий Чистяков сделал центральный доклад семинара, который назвал «**Христианский ответ на вызов беды**». В докладе отец Георгий, во-первых, очертил круг вопросов, а во-вторых, определил подход, который считает христианским. Вот основные положения этого доклада:

1. Я не делаю различия между верующими и неверующими людьми... Мне дороги все. Наши добровольцы — не только верующие люди.

2. Христианство не есть идея, не есть доктрина. Христианство — это тайна моего сердца, это наша личная, живая вера. Евангелие — не манифест, и обращено оно не к миру, а к каждому из нас, в очень личном плане. Библия — не географическая карта, а как бы атлас автомобильных дорог. Христианство должно привнести любовь в нашу холодную жизнь.

3. Что касается извечного вопроса «За что?», конечно, его задают и родители, и дети. «За что я умираю?» «За что умирает мой сын или дочь?» Почему-то многие связывают болезнь и смерть с грехом. Это не так. Иисуса спросили про слепорожденного: «Кто согрешил, он или родители его?» И Иисус ответил: «Ни он, ни родители его». Мы не знаем, отчего кто болен и почему мы умираем. Болезни, с которыми лежат дети в нашей больнице, столь страшны и столь ужасны — мне не хочется верить, что это «Бог наказал». Если Бог способен столь жестоко наказывать, не нужен мне, священнику, такой Бог.

4. Среди «проклятых вопросов» — трансплантация. Вопрос морали в том, что человек, который ждет трансплантацию почки, ждет смерти другого человека, невольно ждет, чтобы кого-то убили или задавили на дороге. Очень легко доказать, что трансплантация — это и христианский подвиг, и безбожное деяние. Я думаю, это вопрос совести.

5. Еще один вопрос: говорить ли больному о смертельном диагнозе. Елизавета Федоровна, великая княгиня, считала, что говорить о диагнозе больному надо обязательно. Но когда мы говорим больному или его

родителям, что он умирает, мы тем самым берем на себя огромную ответственность. А всегда ли мы готовы подставить плечо? Или мы спокойно скажем о диагнозе и после этого тут же закончим рабочий день, сядем в автобус и уедем домой? Мы можем говорить о диагнозе, только если нам есть на кого оставить больного, если мы можем находиться с ним двадцать четыре часа в сутки, если мы не отойдем от постели умирающего.

Надо говорить правду, но с другой стороны, нельзя лишать человека надежды.

6. И, наконец, эвтаназия. Разумеется, пассивная, поскольку даже если ее попросят дети, это будет детское решение. В сущности, это те самые вопросы выбора: кому дать иммуноглобулин или кого оставить на аппарате искусственного дыхания. Мы не должны считать, что медицина не может помочь этому больному. Медицина движется вперед, с каждым днем все больше надежд на исцеление... С другой стороны, денег на лечение тяжелобольного все равно нет. Я видел докторов после тяжелых решений — с черными лицами, с проваленными глазами. Людям такие решения даются очень тяжело. В нашей жизни есть много ситуаций, когда судить нас может только совесть...

Если говорить о двух цинизмах, у неверующего человека он, цинизм, проще. Неверующий рассуждает примерно так: «Денег нет, больной все равно умрет, лучше уж заботиться о тех, кто должен жить». Что касается цинизма человека верующего, то этот цинизм сложнее. И вот тут меня удивляют наши околицерковные журналисты, которые пишут: «Смерть и выздоровление — в руках Божьих. Умирающему надо позволить умереть». И все-таки это неверно, потому что Христос нас зовет не помогать умирать, а помогать

жить. Пока это возможно, до последней секунды умирающему надо помогать жить.

После доклада обсуждение приобрело новую остроту.

Профессор **Алексей Масчан** поставил проблему эвтаназии, объяснив ее буквальный смысл — «легкое исчезновение», то есть «чистая» эвтаназия. В этом случае врач принимает решение за всех — за больного и за родственников — либо выполняет ее по просьбе родственников. «В глобальном смысле это, конечно, порочная практика — эвтаназия в чистом виде. Но при нынешних наших возможностях контроля боли физической и физических страданий... Все-таки эта практика гуманнее, потому что так называемая “комфортабельная смерть” — скорее, декларация, чем реальная жизненная ситуация, в особенности в нашей стране».

Доктор Масчан утверждает, что в нашей стране 99 процентов больных умирают абсолютно недостойно: без обезболивания, в полном кошмаре и одиночестве.

Еще один сложнейший вопрос — о заборе органов у погибших людей. В Европе и Америке это довольно распространенная практика. Человек при жизни или его родственники после его кончины позволяют изымать органы и использовать их для пересадки больным.

Отец Георгий сказал по этому поводу об известном предрассудке — мол, «нельзя изымать внутренние органы, потому что когда Господь будет воскрешать, чего-то не хватит. Но это какое-то механическое представление о всемогуществе Божьем, на уровне детского набора “Лего”...

В России совершенно нет психологической ориентации людей на забор органов их собственных или их родственников в случае смерти от несчастного случая. Здесь, конечно же, необходима какая-то пропаганда в общенациональном масштабе. Единственное, что пишется о трансплантации внутренних органов в нашей прессе, — обычно всякие скандальные, фантастические истории. Между тем сейчас в мире тысячи людей живы только благодаря таким пересадкам. А выжившим остается возможность молиться о тех погибших, чьи глаза и почки “донашивают” живые.

Матери наших детей обычно приходят в церковь и просят молиться о доноре и даже иногда просят узнать его имя, потому что им кажется важным, чтобы мы молились и вспоминали его по имени. Мы должны больше говорить о подвиге донорства. И это не пропаганда, это что-то другое. Мы все-таки должны ставить вопрос о легализации процедуры завешания органов перед самыми высокими инстанциями — это действительно очень серьезный вопрос».

После доклада отца Георгия **Франсуаза Глорион**, вице-президент JALMALV, психопедиатр, сделала существенное дополнение: «Право решать вопрос о передаче органов умершего ребенка принадлежит только родителям. Что касается меня самой, если бы меня спросили, я бы сказала: отдайте любой мой орган. Но я мать нескольких детей и не знаю, как бы себя повела, если бы дело касалось моего ребенка. Это, безусловно, проблема очень и очень сложная. Но, с другой стороны, я думаю, если бы кто-то из публичных людей — актеров, знаменитых спортсменов, музыкантов завещал бы все свои органы возможным реципиентам, это могло

бы изменить отношение общества к проблеме и спасти много людей».

Все эти вопросы невозможно решать без создания новых законов.

Вторая проблема, о которой говорила Франсуаза Глорион, — понимание ребенком болезни и смерти. Она рассказала, как с возрастом расширяются представления ребенка о смерти. От 2-х до 12-ти лет, от непонимания самого факта через отрицание смерти вообще, отрицание собственной смерти и приятия «смертности» других людей ребенок приходит к пониманию, что это может произойти и с ним.

«Что и как говорить больному ребенку? Правдиво, но дозированно. В больнице ребенок все равно сталкивается с тем, что умирают другие дети, и испытывает, кроме физических страданий, глубокое одиночество, иногда и вину. Дети порой знают о смерти больше, чем представляется нам. Да и кому из взрослых достанет дерзости сказать: “я знаю”?»

Еще один сложный вопрос: при трансплантации костного мозга порой бывает трудно найти донора — даже материнский костный мозг не всегда пригоден для трансплантации. Существует проблема: если ребенок болен и родители хотят родить второго, который мог бы стать донором, советовать ли им так поступать?

Отец Георгий Чистяков считает, что «сама идея, чтобы этот ребенок родился, очень хороша. Но когда ребенок замышляется именно как донор, необходимо переориентировать родителей: они должны понять, что в мир должен прийти ребенок, а не донор. Здесь, наверное,

нужна большая работа психолога по переориентации родителей с этой идеи на мысль просто о рождении второго или третьего ребенка».

Далее обсуждались не менее болезненные вопросы: сообщать ли ребенку о том, что его ожидает. Как? Когда? Всякому ли ребенку? Говорили о необходимости «третьей стороны»: помимо двух участников процесса, врача и пациента, необходима третья сила, выступающая «медиатором», «посредником». Этой третьей силой должны быть добровольцы, психологи, педагоги, просто люди, которые умеют слушать...

«В профессиональной среде, — сказал декан Психолого-педагогического института профессор **Федор Василюк**, — врач сталкивается с ситуациями, где его профессионализм не дает никаких орудий для совладания с этими напряженными экзистенциальными вопросами — жизнью и смертью. На эти вопросы дают ответы искусство, религия, чья-то мудрость, опытность, а медицинские знания не дают. Врач нередко оказывается в символически неполноценной среде, где не имеет слов и средств для общения, обсуждения этих важных вопросов. Если бы такая возможность была в этих командах, я думаю, “синдром сгорания” мог бы быть приостановлен».

Отец Георгий полагает, «что у нас в обществе дефицит доверительных отношений. Далеко не всегда в этой ситуации нужен священник. Скорее, человек, с которым можно просто поделиться, который не отвернется, не высмеет... Феномен доверительного отношения, которым мы так долго гордились, сгорел, ушел из жизни. Но это

результат, конечно, тоталитарного общества. Вот эти отношения надо восстанавливать...».

Профессор **Федор Василюк** сделал очень емкое сообщение «**Психология горя**». Он рассказал о тончайших механизмах переживания человеком смерти близкого, об определенных фазах «переживания горя», которые проходит человек, перенесший потерю, о разнообразных психологических реакциях, о разных модификациях горя. Здесь речь идет уже не о сопровождении умирающего, а о помощи человеку, переживающему потерю близкого, в особенности, ребенка. «В завершающей стадии [горя] надо помочь человеку выстроить новую жизнь, перевести образ умершего в память».

Профессор Василюк процитировал классика психоанализа Зигмунда Фрейда: «Задача печали — забвение. Умерший человек должен быть забыт ради тех, кто живет». В заключение своего выступления профессор произнес слова, которые, при кажущейся очевидности, поразили глубиной: «Есть культура переживания горя. Это не биологическая реакция. Реакция зависит от воспитания, национальности, религиозности и многого другого. И это надо обязательно учитывать».

В конце семинара участники вернулись к проблеме, в исследование которой вовлечен сегодня весь мир, — к эвтаназии. Разумеется, все согласны в одном: человек должен умирать достойно, на чистых простынях, с обезболивающими средствами. Отец Георгий, противник эвтаназии, высказал мнение, что «не следует опережать события, потому что все-таки этот последний период, эти последние дни и часы, они чрезвычайно

значимы, они очень много дают, как самому человеку, так и его окружению. И поэтому я бы сделал все, чтобы не отнимать у человека его последние часы, или дни, или, может быть, даже и месяцы... Именно потому, что за этот период человек переживает огромный рост, отказывается от каких-то своих слабостей, от старой ненависти т.д.».

Профессор **Алексей Масчан** оценил видение проблемы отцом Георгием «как идеальное. Если отрешиться от того, что у нас нет надежных инструментов контроля боли, на самом деле, адекватный контроль боли у терминальных больных — зачастую отключение сознания. То есть такие дозы морфина, такие дозы сопровождающей терапии, что человек не может испытать никакого духовного роста, о котором вы говорили...»

Следующий семинар решено было посвятить этой важнейшей теме — страдания и боль.

В основных чертах — задачи, формальные процедуры — представления и пути российских и французских коллег совпадали. В результате Группой милосердия были созданы «Устав добровольцев» и «Этический кодекс», в которых строго оговаривались права и обязанности добровольцев, принципы и нормы их поведения с детьми, родителями и медицинским персоналом. Основной принцип — уважение к личности пациента и его интересам. Строго оговорена недопустимость любой деятельности в медицинской и парамедицинской областях, а также навязывание своих философских и религиозных убеждений.

Группа милосердия нашла новые для нашей страны формы отношения с больницей: отношения эти были

регламентированы, заключены договора, определен порядок оформления документов на помощь, поступление самой помощи. Организационные вопросы чрезвычайно важны, потому что несоблюдение правил игры, предлагаемых сегодня государством, ставит под удар само существование благотворительных организаций.

«Мы, — сказала **Лина Салтыкова**, — отдаем себе отчет в том, что первыми в нашей стране разрабатываем систему отношений “государство — больница — общество”, без которой невозможно улучшение нашего социального здравоохранения, и надеемся, что наш опыт послужит моделью, которую можно будет распространять в другие больницы и в другие города».

**ВТОРОЙ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СЕМИНАР ПО
ПАЛЛИАТИВНОЙ МЕДИЦИНЕ. БОЛЬ У ДЕТЕЙ.
Январь 2000 года**

Обсуждался тот печальный раздел медицины, где она не берет на себя задачи излечения, а занимается поддержанием жизни пациента. В данном случае — облегчением боли и страдания у тяжелобольных детей.

В семинаре участвовали российские врачи, ученые, психологи, добровольцы, с французской стороны — д-р Марк Эстев, его коллега Вероника Лесаж и детский психолог, вице-президент Ассоциации французских добровольцев, работающих в детских больницах, д-р Франсуаза Глорион, а также живущий во Франции Александр Ельчанинов, внук священника отца Александра Ельчанинова, руководитель ряда программ помощи России — детям, престарелым, в разных смыслах нуждающимся людям. Участвовал и отец Георгий Чистяков.

Открывая семинар, главный врач РДКБ **Николай Ваганов** говорил о том, что «боль — проблема медицинская, психологическая и нравственная. Медицинский аспект проблемы — медикаментозное “ведение” боли, как говорят врачи, — связан с применением наркотических и других препаратов. С одной стороны, боль — это сигнал, который помогает человеку распознать заболевание. Как известно, так называемые безболевы́е инфаркты страшнее всего, потому что человек, перенесший инфаркт, не чувствует боли, не начинает лечение и из-за этого может погибнуть. Но, с другой стороны, — постоянная изматывающая, сильная боль, выводящая из равновесия, доводящая до отчаяния, чудовищно разрушает. Особенно это касается тех больных, в частности, детей, которые переживают такую боль постоянно, — на протяжении болезни боль все усиливается. Речь идет, в первую очередь, об онкологических больных».

На семинаре обсуждались медицинские и правовые аспекты проблемы применения сильных наркотиков — морфина и других. Они существуют во всем мире. В нашей стране это осложнено строгим ограничением применения наркотиков даже при имеющихся показаниях.

Стратегия и практика использования наркотиков во Франции (да и во всем цивилизованном мире) и в России совершенно различны. Доктор **Франсуаза Глориан** рассказала, что во Франции использование наркотиков как главного инструмента паллиативной медицины получило свое развитие только под давлением общественных организаций. В этом отношении Франция сильно запаз-

дывала по сравнению с англо-саксонскими странами. Еще несколько десятилетий тому назад полагали, что, достигнув конечной цели — выздоровления, таким побочным обстоятельством, как боль, можно пренебречь. Врачи избегали делать анестезию детям даже в тех случаях, когда процедура или операция были чрезвычайно болезненны — это касалось некоторых процедур на барабанных перепонках, репозиции переломов.

Всего двадцать лет назад существовал список манипуляций, считавшихся менее болезненными и проводившихся без анестезии. В случае жалоб ребенку давали плацебо, и настоящее обезболивающее применяли лишь при повторных жалобах. Именно добровольцы первыми подтолкнули врачей к разрешению проблемы боли. В первую очередь речь шла о применении наркотиков. Существовало стойкое заблуждение, будто при применении наркотиков с целью обезболивания может возникнуть привыкание. Современные исследования во многих странах показали, что если препарат применяется как обезболивающее, он никогда не вызывает наркотической зависимости.

Доктор **Марк Эстев**, анестезиолог, примерно двадцать лет назад организовал консультативную службу по ведению боли, своеобразную «клинику боли». Он выделяет в явлении боли три составляющих: физическую, психическую и духовную. Занимаясь болью физической, д-р Эстев настаивает на том, что не надо давать больному страдать, ожидая, когда кончится действие препарата: если, к примеру, препарат действует четыре часа, то следует применять следующую дозу сразу же по истечении этого времени, предпочитая самый простой путь введения — пероральный.

Всемирная организация здравоохранения классифицирует обезболивающие препараты по трем уровням: первый, самый низкий, — парацетамол или аспирин, средний — препараты на базе кодеина, и третий — морфин и его производные. Во Франции производится множество разного рода морфинов — от немедленно действующих до пролонгированных на двадцать четыре часа.

Существуют морфиновые производные в виде пластырей, обладающие способностью проникать под кожу в течение трех суток. Разработана также система PSA («Пациент, контролирующий боль»), когда пациент с подключенным к вене катетером уже с семилетнего возраста может сам нажатием клапана дозировать лекарство.

Применение морфина в онкологической практике сегодня повсеместно. Существуют и смешанные схемы, когда применяются одновременно морфин, кортикостероиды и другие противовоспалительные препараты.

В 1980-е годы Франция занимала 39-е место в мире по применению морфина, в настоящее время — 10-е. Французы считают, что еще многое надо сделать в этом направлении.

На российских врачей этот доклад произвел впечатление: они находятся рядом со страдающими детьми и не могут облегчить их боли из-за регламентации да и просто отсутствия морфинов. В борьбе с наркоманией и коррупцией написаны сотни бессмысленных ограничительных документов, которые усложняют доступ морфинов в больницы, но никак не влияют на распространение наркомании в обществе. Это одна из болезненных наших проблем — отсутствие разумного и достаточно гибкого законодательства и громоздкий

бюрократический аппарат, катастрофически медленно реагирующий на нужды дня.

Врачи лучше многих понимают, что государство само по себе не обладает ни милосердием, ни состраданием — эти чувства свойственны только людям. Нередко случается, что самый ретроградный и негнувшийся чиновник, от которого зависит подписание новых законов или отмена старых, препятствующих врачебной работе, готов оказать благотворительную помощь лично, из своего кармана, но совершенно не готов менять устаревшую и лишённую смысла законодательную систему в области здравоохранения.

Заведующая отделением клинической иммунологии **Ирина Кондратенко** говорила о переживании боли с точки зрения врача. Речь шла об ожидании ребёнком боли, связанной с предстоящей медицинской процедурой. Ирина Вадимовна отметила, что необходимо психологически готовить ребёнка к процедуре, и советовала на то, что персонал не имеет соответствующих знаний.

«Мы стараемся применять местные обезболивающие средства, но, к сожалению, их часто не хватает. А здесь так нужна беседа с родителями, с ребёнком, и особенно — беседа детей между собой. Особая трудность для врачей — работа с хроническими больными. Такие пациенты плохо вступают в контакт с врачом, не доверяют, иногда боятся. К нам часто привозят детей, которые уже имели отрицательный контакт с медициной. У таких детей проблемы с родителями, иногда жалобы ребёнка вызывают у измученных родителей негативные реакции, и сами родители беспокожны, у них не хватает терпения, и они ничем не могут ребёнку помочь.

Обычно через несколько дней после поступления, когда ребенок убеждается, что его стараются избавить от боли, у него улучшается настроение и возникает контакт с врачами. Главной своей задачей мы считаем добиться уверенности ребенка и родителей в том, что боль будет сведена к минимуму.

Наконец, о переживаниях медиков: каждый врач тоже переживает, причиняя боль. Уговаривая ребенка, мы отчасти успокаиваем и себя. Самое главное в позиции медика — не стать безразличным к боли и страху».

Доктор **Эстев** предложил очень простой метод обезболивания, основанный на использовании смеси протоксида азота и кислорода — этот метод используют во Франции при острых болях.

К сожалению, в отделениях нашей детской больницы таких систем нет.

Психолог **Наталья Игнатова** сделала доклад о психологических аспектах боли и приемах работы с ней:

«Невозможно установить, что в данный момент вызывает боль — какая ее часть определяется физическими, а какая — психологическими причинами. Подавленные страх, гнев, ярость могут приводить к усилению боли. Существует эффект «избегания» боли, когда поведенческие реакции человека приводят к его уходу в болезнь и возрастающей инвалидизации.

Боль в ряде случаев провоцирует социальную изоляцию, отчужденность больного от семьи, от врачей. Некоторые пациенты, измученные одиночеством, беспомощностью и отчаянием, предпринимают суицидные попытки.

Кроме психологических аспектов, существуют и когнитивные, то есть связанные с нашим мышлением, отрицательные установки. Проще говоря, иногда пациенты катастрофизируют свою боль — в результате человек теряет мужество, слабеет, оказывается в роли жертвы, а боль становится его преследователем — это ведет к ее усилению. Такие «негативные» ожидания часто встречаются у детей.

Разработаны программы, которые включают разные психотерапевтические методы. Пациентов учат управлять болью, применять методы релаксации. Эффективна техника гипноза и отвлечения внимания. Пациент нуждается в обсуждении, в планировании своего поведения. Здесь очень важен доверительный контакт, ведь больной нередко бывает подозрительным, склонен защищаться.

Существует еще одна методика, особенно подходящая для детей, — работа с образами. Вот пример. Мальчику двенадцати лет после операции по поводу кисты правой лобной доли головного мозга поставили шунт для снижения внутричерепного давления. После операции его мучили сильные головные боли. Он стал очень агрессивен и с медперсоналом, и с матерью. Впрямую воздействовать на эту агрессию психологическими методами было бы неправильно, поскольку она была порождена болью и в каком-то смысле правомерна в своей направленности на тех взрослых, которые не могли помочь ребенку.

Его просили нарисовать боль: как она выглядит, где располагается и что нужно сделать, чтобы она ушла. Мальчик стал рисовать свою боль в виде черной шестнадцатиножки, которая, подгоняемая подушечками-иммунными клетками, двигалась наружу. Он рисовал каждый день, и каждый день боль теряла лапки, утрачивала силу. В тот день, когда боль «по графику», потеряв все лапки, должна

была выйти в некий нарисованный мальчиком сосуд и там закончить свое существование, у ребенка началась рвота. Рвота открылась после психотерапевтического сеанса и была единичной, не являясь характерным симптомом его заболевания. Вместе с рвотой у ребенка прошла и головная боль. Назавтра она уже не возвращалась. Вскоре мальчика выписали, причем в тот самый день, который он сам задолго до этого себе запланировал. Это говорит еще и о значении позитивной установки.

Большинство антропологов выделяют два аспекта, телесный и психический — связанный с восприятием и осознанием окружающего. Но часто забывают о третьем — духовном, экзистенциальном измерении. Каждый из нас — встреча трех измерений. Боль — это не только неприятные телесные ощущения, но и потеря смысла происходящего. Страдания и боль сами по себе не имеют смысла — смысл в том, что мы с ними дальше делаем. Мы должны знать, что происходит на каждом из этих уровней, чтобы обеспечить больных адекватной помощью».

**ТРЕТИЙ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СЕМИНАР ПО
ПАЛЛИАТИВНОЙ МЕДИЦИНЕ. МЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА.
Май 2000 года**

С французской стороны присутствовали доктор Михаил Гучков, представитель Министерства здравоохранения Франции; профессор-онколог Жан-Мишель Зуккер, заведующий отделением детской онкологии Института Кюри; и г-жа Франсуаза Глорион, детский психиатр, вице-президент ассоциации JALMALV.

С российской стороны участвовали врачи РДКБ, психологи, педагоги, специалисты по биоэтике, священники, волонтеры.

Один из главных вопросов, который обсуждался на семинаре, — говорить ли неизлечимо больным детям о смерти. Мнения разделились.

Г-жа **Франсуаза Глорион** рассказала, что в их Ассоциации была создана специальная комиссия «Говорить о смерти с детьми и подростками». Ее основной тезис: «Не надо скрывать от ребенка то, что он знает не хуже взрослых. Ребенку нельзя отказывать в праве говорить о смерти. Вопрос в том, как подходить к такому разговору с тяжелобольным ребенком. Если ребенок спрашивает: “Умру ли я?” — никогда не стоит лгать. Лучше спросить его: “Почему ты меня об этом спрашиваешь?” Добровольцы могут быть рядом с родителями и врачами и помочь ребенку принять смерть. Следуя общечеловеческой этике, в последние дни жизни необходимо особо проявлять уважение к личности ребенка».

Врачи РДКБ в этой ситуации поступают по-разному. Но в основном в случае неизлечимой болезни они избегают говорить ребенку о неизбежности смерти. Позиция большинства врачей: сейчас нужно лечиться. Даже когда ребенок погибает, они говорят с ним о жизни, о перспективах лечения.

В России дети очень редко спрашивают врача о смерти. Иногда жалеют врача, понимая, что и для него это травма. Руководитель Группы милосердия Лина Салтыкова подтвердила, что за десять лет тесного общения с тяжелобольными детьми никто из них о смерти с ней не говорил.

Специалист в области медицинской этики, философ и врач **Павел Тищенко**, присоединился к мнению

г-жи Глорион. «Согласно психологическим исследованиям, проведенным в 1990-е годы, ребенок, находящийся на лечении в онкологическом центре, уже имеет свою картину болезни, свое понимание смысла медицинских вмешательств, свое понимание угрозы и свой опыт столкновения со смертью других детей. Поэтому, спрашивая, говорить или не говорить ребенку о ситуации, мы неправильно ставим вопрос. Мы должны прежде всего спросить самого ребенка, как он это понимает».

Наряду с этой трудной проблемой врачи и ученые обсуждали другой вопрос: объяснять ли ребенку смысл и назначение болезненных манипуляций и какую информацию необходимо предоставлять родителям.

Член российского национального комитета по биоэтике РАН и Международного общества прав человека **Галина Червонская** подробно рассказала о правовом аспекте этих проблем. «В 1993 году в нашей стране были разработаны “Основы законодательства по охране здоровья граждан”, согласно которым любое медицинское вмешательство можно производить лишь на основе осознанного, информированного и добровольного согласия пациента. Подросток с 15-ти лет имеет право решать вопрос о медицинском вмешательстве самостоятельно. Врачи считают, что ребенка нужно информировать о лечении, он должен понимать, ради чего переносит мучения».

По мнению профессора **Жана-Мишеля Зуккера**, информация должна быть «реалистичной, неложной. Она должна обновляться. Нельзя “вываливать” информацию резко, кроме того, ее нужно сопровождать объ-

яснениями, чтобы не подавить больного и родителя. И, конечно, необходим индивидуальный подход к каждой семье. Например, для многих родителей чрезвычайно важно находиться рядом с детьми во время болезненных манипуляций, в реанимации, в момент смерти ребенка. Звучит страшно, чудовищно — но это реальность детской больницы».

И еще один вопрос интересовал многих выступавших: насколько доброволец должен быть посвящен в детали лечения? Г-жа **Глорион** утверждала: «Доброволец не должен обладать медицинской информацией, а если обладает ею, необходимо соблюдать медицинскую тайну. Он присутствует рядом с тяжелобольным ребенком не для передачи медицинской информации, а для оказания психологической помощи».

Говоря о медицинской этике, профессор **Зуккер** привел несколько цитат. Великий французский гематолог Жан Бернар говорил: «То, что ненаучно, — неэтично». Второе высказывание принадлежит просветителю XVI века Мишелю Монтеню: «Наука без совести — всего лишь обломки души».

Профессор Зуккер затронул очень деликатную и сложную тему — власть врача в больнице. «У врача есть знания о диагнозе, заболевании и методах лечения. Но при этом врач не знает, как эта болезнь переживается. Больной, напротив, ничего не знает о болезни и лечении. Поэтому так часто в больницах можно наблюдать всевластие врача и уничтожение больного. Кроме того, ложное ощущение всемогущества у врача нередко сочетается со страхом, что он болезнь не вылечит. Если при этом от пациента исходит агрессия, врач испытывает к больному неприязнь».

Отец Александр Мень. 14 января 1990 г.
(Российская детская клиническая больница)

Отец Георгий Чистяков

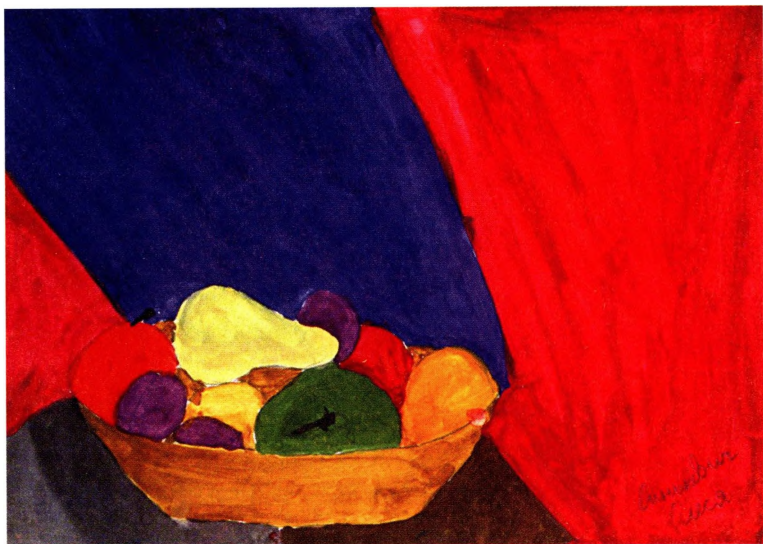

Оксана Кулепетова, 14 лет. 2000 г. «Конь и его мальчик»
(Отделение медицинской генетики)

Люся Афанасьева, 12 лет. 2002 г. (Отделение общей гематологии)

Олеся Синькевич, 13 лет. 2004 г. (Отделение онкогематологии)

Марина Савицкая, 16 лет. 2005 г. (Отделение медицинской генетики)

Саша Самойлов, 10 лет. 2001 г. (Отделение пересадки почки)

Александра Лифатова, 11 лет. 1998 г. (Отделение пересадки почки)

Игорь Варешкин, 17 лет. 2003 г. «Пушкин у окна»
(Отделение челюстно-лицевой хирургии)

Вика Ситало, 12 лет. 2002 г. (Отделение медицинской генетики)

Таня Иванова, 13 лет. 2000 г. (Отделение пересадки почки)

Таня Лоскутова, 15 лет. 1996 г. (Отделение пересадки почки)

Аня Харлова, 16 лет. 2001 г. «Кот». (Отделение общей гематологии)

Дима Волков, 10 лет. 2006 г. (Отделение онкогематологии)

Аня Ведякина, 8 лет. 2008 г. (Отделение микрососудистой хирургии)

Олеся Гаговкина, 16 лет. 2005 г. «Портрет»
(Отделение онкогематологии)

Неизвестный автор

Вася Оськин, 11 лет. 2004 г. (Отделение пересадки почки)

Ваня Голиков, 11 лет. 2004 г. «Кролик»
(Отделение медицинской генетики)

Марина Байкова, 15 лет. 2000 г. (Отделение пересадки почки)

Лена Иванова, 10 лет. 2003 г. «Эдем»
(Отделение микрососудистой хирургии)

Аня Новикова, 13 лет. 2008 г. (Отделение пересадки почки)

Юля Кониная, 11 лет. 1999 г. (Отделение пересадки почки)

К сожалению, этот запутанный клубок взаимоотношений — довольно частое явление и в российских больницах. Врачи и пациенты должны стремиться к взаимопониманию и установлению нормальных отношений для успешного лечения болезни.

«Пациент и родители не должны быть пассивными, чтобы у медицинского персонала не было возможности ими манипулировать. Они должны понять, что это за заболевание, как оно протекает и как его лечат. И вместе с тем они должны научиться доверять врачу и следовать его предписаниям. Наконец, последнее и едва ли не важнейшее условие: им следует прибегнуть к вере в Бога».

Профессор Зуккер закончил доклад на высокой ноте, процитировав французского врача XVI века Амбруаза Паре: «Я лечил, а Бог вылечил».

Отец Георгий говорил о необычайной сложности медицинской этики, о христианском ответе на человеческую боль, о различиях в милосердной деятельности и благотворительности в Европе и в России.

«Каждый человек поступает в соответствии со своей моралью». Вот тезис, который я хотел бы сегодня изложить. В соответствии со своей моралью и по-своему. Обратите внимание, как много здесь связано исключительно с “моей” личностью, “моим” внутренним миром. Не с нормой, не с установкой, а именно с тем, что живет внутри моего “я”. Ведь если говорить об этических нормах, то они достаточно просты, они много раз сформулированы. Но на практике они применяются с большим трудом. Почему? Потому что, во-первых, мы не ангелы, а во-вторых, потому что ситуация всегда происходит по-новому. И то, что в “словаре-справочнике по морали” звучит просто, в жизни всегда выглядит гораздо слож-

нее. Наша личная проблема возникает как раз там, где эта норма не работает, где приходится принимать личное решение...

Мы понимаем, что необходим не готовый ответ, который у нас есть заранее, а ответ, который требуется найти достаточно неожиданно. Нужна какая-то импровизация совести, импровизация души. Но для того чтобы мы были способны на такую импровизацию, должны включаться какие-то внутренние механизмы, которые действительно обеспечат работу нашей совести. Здесь надо сказать, что религия вообще не дает готовых ответов. Христианская религия — тем более...

Такой катарсис, такое очищение, которое начинается внутри человеческого “я” при живой встрече с Божественным присутствием, есть на самом деле тот импульс, который толкает человека на принятие очень трудных, очень личных, всегда через импровизацию приходящих в наше сознание решений. На это и направлена молитва практически в любой религии. Она, разумеется, не есть заклинание, не есть произнесение каких-то формул, а вхождение в близость с той Божественной силой, которая разлита в мире».

Завершая свое выступление, отец Георгий остановился на великой воспитательной силе русской литературы. В России русская литература взяла на себя ту роль, которую в Европе играла христианская традиция милосердия, благотворительности. Толстой и Достоевский с евангельской простотой и мощью учили сопереживать страждущим. К ним можно прибавить Чехова, Гончарова, Лескова и других писателей.

Цитируя Пушкина, отец Георгий призывал «облиться слезами над вымыслом», научиться читать классику, а не искать готовых ответов на большие вопросы. Верую-

щий человек может найти какой-то ответ в молитве. Но невозможно научить этому человека, у которого закрыто сердце навстречу Богу.

«Жизнь устроена так, что нам всегда даются какие-то варианты. И я абсолютно убежден, что русская литература и есть такой вариант, данный нам для того, чтобы наша совесть могла действительно работать».

Французские и российские врачи обсуждали различия в деятельности добровольцев двух странах. В России при недостаточных материальных ресурсах лучший способ психологической поддержки — достать лекарство. И Группа милосердия оказывает помощь прежде всего в лечении — хотя, конечно, и в психологическом плане ее поддержка огромна. Во Франции подобных проблем нет; добровольцы прежде всего оказывают психологическую, духовную поддержку. Но сначала их обучают, и лишь после этого они идут в палаты. Там нельзя импровизировать.

Г-жа **Франсуаза Глорион** рассказала об истории ассоциации JALMALV: «Это первая Ассоциация паллиативного ухода. Доброволец, помогающий тяжело больному ребенку, должен научиться сдерживать свои эмоции, чтобы стать хорошей поддержкой и звеном, связующим ребенка с внешним миром. Доброволец должен наладить связь с родителями ребенка. Она сохраняется и после возможной смерти ребенка и помогает им пройти путь утраты. Добровольцы всегда могут что-то сделать».

Лина Салтыкова рассказала о работе Группы милосердия в РДКБ: «Основное направление работы

Группы — поиск фондов и спонсоров для поддержки отделений с дорогостоящими технологиями. Помощь конкретным детям осуществляется через сайт в Интернете, где размещены детские фотографии и истории болезни. Информация о детях постоянно обновляется. Не было такого случая, чтобы Группа не собрала необходимые суммы на лечение».

Следующий вопрос, обсуждавшийся на семинаре, — роль психологов в детской больнице. О необходимости участия психологов в помощи тяжелобольным детям говорили многие участники. В современной медицине отчетливо прослеживается тенденция лечить болезнь, а не больного. Об этом еще в начале XX века говорил Викентий Вересаев в своих «Записках врача». Об этом с сожалением говорили и современные французские специалисты.

Врач должен спрашивать себя не «что за болезнь у человека?», а «что за человек в условиях болезни?». Для этого необходим тесный контакт врача и психолога. Психолог помогает родителям больного ребенка, которые в больнице переживают кризисные состояния. В условиях больницы родители понимают, что надо подчиниться врачу и обеспечить бытовой уход за ребенком, они перестают быть воспитателями. С другой стороны, психолог должен помочь больному ребенку правильно пережить кризисную ситуацию болезни, помочь осознать, что основная его деятельность в больнице не болеть, а развиваться.

Российские врачи дискутировали вопрос о врачебной ошибке и корпоративной этике. Ни в РДКБ, ни вообще в России о врачебных ошибках говорить не принято. При любой попытке их обсуждения включается корпоративная этика.

Как коллеги должны относиться к врачу, допустившему ошибку? Говорить ли об ошибке родителям больного ребенка? Один из врачей РДКБ предложил «создать на базе больницы этический комитет, который обсуждал бы проблемы врачебных ошибок».

В ходе семинаров врачи, добровольцы, психологи не раз отмечали, как важно для успешного лечения работать согласованно, одной командой. **Отец Георгий** постоянно возвращался к этой теме:

«Нам необходимо работать вместе. Более того, нам вместе необходимо вырабатывать какие-то новые подходы, потому что медицина, может быть, и справится с теми задачами, которые стоят перед ней, без помощи верующего или священника в больнице. Но мы, священники, приходящие к больным, не справимся с теми новыми задачами, которые, безусловно, перед нами возникают, без помощи медицины».

**ЧЕТВЕРТЫЙ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКИЙ СЕМИНАР ПО
ПАЛЛИАТИВНОЙ МЕДИЦИНЕ. ОБРАЗОВАНИЕ И СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ В ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЕ.
ФЕВРАЛЬ 2001 ГОДА**

В семинаре приняли участие врачи, педагоги из отделения детской онкологии парижского Института Кюри и РДКБ, бывшие пациенты РДКБ. Все они говорили о важности обучения тяжелобольных детей. Занятия выводят их из депрессии, вызванной тяжелой болезнью и перспективой возможной смерти. Ребенок, с которым перестают заниматься, уже не чувствует себя в безопасности. И врачи, и педагоги, и пациенты РДКБ сошлись на том, что дети в стационаре, даже те, кто плохо себя чувствует, даже дети с тяжелейшими заболеваниями, непременно должны учиться.

И врачи, и психологи, и священники, и добровольцы давно заметили, что среди тяжелобольных много способных, талантливых, увлеченных, часто высокоинтеллектуальных детей. Несмотря на сложность заболевания и ухудшение самочувствия, эти дети сохранили горячее желание учиться, окончить школу и продолжить образование.

Один из блестящих тому примеров — **Сергея П.**, рассказавший о своем опыте. Он лежал в отделении клинической иммунологии. В РДКБ он попал с постоянными болями, не мог сидеть — только лежать. Преподаватели компьютерной грамотности из Группы милосердия поставили ему компьютер и начали учить. Постепенно Сергею состояние улучшилось, он начал садиться. Научился пользоваться персональным компьютером — даже выполнял некоторые работы для врачей.

По его словам, занятия компьютерной грамотностью значили для него очень много: он забывал про температуру, про боль, садился и занимался.

Потом преподаватели из Группы милосердия стали готовить его к поступлению в институт по физике и математике. Добровольцы отвезли его документы в МИРЭА, куда Сергей успешно поступил. Группа милосердия помогла ему стать профессионалом, окружила заботой и любовью. Только здесь он узнал, что «на свете есть столько чутких и отзывчивых людей». Сейчас Сергей женился, окончил институт, успешно работает по специальности.

Нередко, чем серьезнее болен ребенок, тем больше он стремится жить полной жизнью, тем больше хочет учиться и развиваться. Но вместе с тем психологи отмечают регресс у некоторых тяжелобольных детей, переход к более прими-

тивными формам поведения. Иногда долгое пребывание в больнице делает детей пассивными, безучастными, капризными, требовательными к родителям, плаксивыми.

На семинаре выступили и другие бывшие пациенты РДКБ, рассказавшие, каким положительным стимулом была для них учеба в больничных стенах.

Отец Георгий говорил о том, что, «как врачи борются за больного, словно у него впереди еще двадцать или тридцать лет, так и педагоги должны относиться к его обучению. Мы должны помнить, что каждый из них должен стать взрослым независимо оттого, с каким диагнозом лежит».

Кроме того, обучение в больнице становится психологической поддержкой для родителей, зачастую роковым образом влияющих на больных детей. Психологи РДКБ установили, что родители невольно транслируют детям страх возможной смерти. Поэтому так важно создать у родителей позитивный, реалистичный взгляд на ситуацию. Если с детьми занимаются педагоги, реабилитологи, психологи, родители видят, что государство вкладывает деньги в обучение детей, а значит, есть надежда.

Педагог из Франции рассказала, что у них наблюдается то же самое: родители воодушевляются, видя, что ребенок усердно учится и приобретает знания.

Когда обсуждались оценки и соревновательность между детьми, **отец Георгий** поддержал точку зрения врачей: соревновательность больным детям противопоказана: «Мне кажется, человек должен сравнивать себя только с самим собой, но ни в коем случае не с другими, потому что это всегда рождает очень нездо-

ровую ситуацию. Вообще эта идея современной педагогики неправильна. Можно соревноваться только с самим собой, каким ты был вчера, позавчера и так далее».

Подводя итоги семинара, отец Георгий еще раз подчеркнул роль образования в противостоянии болезни и в будущей судьбе маленького пациента: «...Цель образования в данном случае — не получение аттестата, оно не должно быть формальным. Таким детям или не нужен аттестат, или они не успевают дожить до его получения. Если здоровый человек учится, отчасти чтобы получить документ (это можно сказать и о высшем образовании, и о получении ученой степени), то инвалид учится, чтобы учиться. Поэтому работа с инвалидом для нас, педагогов, — в высшей степени нравственное, говоря высоким языком, Божье дело.

Ребенок-инвалид очень часто не может реализовать себя в неинтеллектуальной сфере деятельности. Он не может быть грузчиком, дальнобойщиком и т.д. А набор классических специальностей — клеить коробки, собирать выключатели — в условиях современных технологий катастрофически сокращается.

Поэтому наши дети должны быть готовы к интеллектуальной деятельности. И российские и французские примеры доказывают, что она провоцирует желание быть здоровым, провоцирует ресурсы организма противостоять тяжелой болезни, преодолеть свой страх. Преодоление страха связано не только с убеждением, не только с верой или каким-то порывом, но и с тем, что определяется сферой образования.

С онкологическими заболеваниями связана определенная мифология. Такая мифологизация характерна

для всех стран, всех культур, но в развитых странах она преодолена, у нас же — с большим трудом, особенно там, где речь заходит про обучение. Я убежден, что занятия даже на уровне школьного сочинения — это наука, помогающая выйти из глубоко депрессивного состояния. Задача в том, чтобы дать нашим детям возможность себя творчески реализовать. Как уже говорилось, учителям приходится самим составлять методические пособия; и просто прекрасно, когда в этой работе принимают участие дети.

Также чрезвычайно важно привлекать в больницу необычных, интересных людей. Когда к детям приходят художники, писатели, ученые, это всегда большой стимул. По опыту знаю, что если зайти в палату и прочитать ребенку то, что помнишь, — стихотворение, например, или рассказать о писателе, заглянуть в его книгу, в сочинение — все это очень значимо для ребенка.

...Поэтому мы все должны стараться давать нашим детям максимум. Это касается нас всех: и врачей, и добровольцев, и родителей, и педагогов. Это касается и других родителей, которые приходят в отделение и видят чужого ребенка. Этому «неожиданному ребенку» тоже можно дать очень многое.

Подытоживая то, о чем мы говорили сегодня, нельзя не отметить: нынешняя ситуация, когда родители допущены в больницу на сто процентов, — огромная победа. Больница как часть общества — это, конечно, семья. И она должна быть больше семьей, чем любая другая часть общества. К сожалению, иногда мы мало знаем друг о друге, в отличие от наших французских коллег, у которых есть разговорные группы. У нас все происходит на бегу, в коридорах, в лифте.

Но, наверное, и об этом тоже нужно думать. Обо всем этом надо узнавать не только с телеэкранов, со странички Интернета, но и общаясь лицом к лицу. Нельзя преуменьшать возможности наших детей. Каждый из нас, любой человек может не дожить до сегодняшнего вечера — но каждый может прожить и двадцать, и тридцать, и сорок лет.

Даже у детей с ограниченными умственными способностями (даунов, имбецилов) есть возможности роста. Ни в коем случае нельзя ограничивать их рост, создавать «навесной потолок». Это как раз не что иное, как грех. Бывает, что ребенок, который не пишет, не читает, не говорит, начинает, к примеру, рисовать или воспринимает, чувствует музыку».

ИТОВАЯ РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ПАЛЛИАТИВНОЙ МЕДИЦИНЕ. ТЯЖЕЛОБОЛЬНОЙ РЕБЕНОК: ПСИХОЛОГИЯ, ЭТИКА, КОНТРОЛЬ БОЛИ, РЕАБИЛИТАЦИЯ.

Май 2001 года

Конференция стала продолжением семинаров, но отличалась масштабами, представительством и широтой тематики. Обсуждались проблемы контроля боли, медицинской этики, христианского взгляда на страдание. В конференции участвовали врачи, волонтеры, психологи и реабилитологи, работающие в российских онкогематологических клиниках, и их коллеги из Франции. В РДКБ приехало много врачей и специалистов из разных регионов, из Санкт-Петербурга, Воронежа, Новосибирска, Екатеринбурга, Челябинска. Два дня они делились опытом работы.

Конференцию открыл главный врач РДКБ профессор **Николай Ваганов**. Далее выступили руководитель

организации ACER-RUSSIE **Александр Ельчанинов** и руководитель Группы милосердия имени отца Александра Меня **Лина Салтыкова**.

Профессор **Алексей Масчан** в самом начале сказал о том, что «за последние пятнадцать лет произошел фундаментальный прорыв в лечении детских онкогематологических заболеваний. Если пятнадцать лет назад выживал один из десяти онкологических больных, то сейчас удается вылечить значительно большее число детей. Теперь врачи смотрят на тяжелобольного ребенка как на человека, который должен выздороветь, и если этого не происходит, они чувствуют себя виноватыми перед умирающим».

Одной из главных врачебных проблем по-прежнему остается контроль боли. С этим вопросом дело в России обстоит очень плохо — как в детских, так и во взрослых клиниках. Врачи, как и прежде, не умеют контролировать боль, не знают, какую дозу препаратов назначать, все еще боятся привыкания к наркотикам и их побочных эффектов.

Российские и французские врачи подробно остановились на методах обезболивания. Существуют разные подходы к снятию боли, но в нынешней ситуации наиболее надежными обезболивающими средствами признаны морфин и его производные. Однако с применением морфина связано давнее предубеждение, что он может вызывать привыкание.

Многими исследованиями это мнение давно опровергнуто, но в нашей стране до сих пор в ходу ограничения морфина, даже в случаях, когда врачи выписывают его больным в терминальной стадии, умирающим не в

стационаре. Не во всех регионах России морфин просто достать, он мало доступен и во многих российских детских больницах. Врачи из провинции признавались, что в их больницах морфина нет до сих пор. Во Франции выбор обезболивающих средств значительно шире, а морфин стоит недорого и доступен.

Однако паллиативный уход не ограничивается обезболиванием. Иногда маленьким детям помогает эффект плацебо. Это возможно, когда врач, назначающий лекарство, проявляет внимание и интерес к ребенку. Возникающая симпатия способствует взаимодействию: ребенок доверяет врачу, тем самым облегчая процесс лечения.

Психологическая и духовная поддержка — важная составляющая паллиативного ухода. Предоставляя ребенку информацию о его заболевании, врач снижает эмоциональное напряжение, и самочувствие ребенка улучшается.

Профессор психоневрологического института им. В.М. Бехтерева **Андрей Гнездилов** в докладе о духовной поддержке тяжелобольного ребенка задается вопросом, какие дети самые «тяжелые». Оказывается, понятие «тяжести» упирается в субъективное ощущение: считает ли сам ребенок себя «тяжелым» или нет? А это, в свою очередь, зависит от психологического настроения. Характер отношений в семье и ее настрой тоже утяжеляют или облегчают состояние ребенка. Тревога родителей, особенно матери, передается ему.

Задавая вопрос «что делать?», профессор Гнездилов приходит к широким философским обобщениям. Он считает, что помочь в такой ситуации может понимание Бога

как смысла жизни. Опыт людей, переживших трагедию, возвращает им особое понимание осмысленной жизни. Смысл страдания неоднозначен. Он вбирает в себя наказание, искупление, очищение души, пробуждение духовности и иное мировосприятие. Больной ребенок становится учителем взрослых.

Этот парадоксальный, неожиданный взгляд уже не раз высказывал **отец Георгий**:

«Христос говорит в одиннадцатой главе Евангелия от Матфея: “Иго Мое благо и бремя Мое легко”. Но лишь тогда это иго благо и бремя легко, когда кто-то есть рядом, когда кто-то делает эту работу Господню. Правда, если в обычной жизни ясно, кто кому помогает, если в науке ясно, где учитель, а где ученик, то когда мы приближаемся к Богу, не ясно, кто берет на себя эту работу, а для кого бремя оказывается благим и легким. Потому что в какой-то момент доктор или доброволец трудится, а ребенок с удивлением обнаруживает, что иго Божье — благо.

А в других случаях наоборот: ребенок берет на себя этот труд до седьмого пота. И вдруг мы, добровольцы, или наши коллеги-доктора, чувствуем, что иго Господне благо и легко. Тут нельзя сказать, кто кому помогает. В ситуации с болезнью мы помогаем друг другу. И очень часто тяжелобольной, которому по всем законам жить осталось очень недолго, начинает работать за нас, чтобы нам, ему помогающим, было легче.

Когда родители оплакивают погибшего ребенка, он продолжает жить и любить их, и в этой любви и мудрости, исполненной настоящим, а не прошлым и будущим, содержится глубокий урок. Ребенок интуитивно прозревает тайну вечной жизни».

Сегодня это понимают не только христиане-добровольцы, но и практические врачи-атеисты.

Работник Санкт-Петербургского хосписа **Елена Кабакова** развивала те же идеи: «Дети, лишённые знания о Боге, начинают бояться смерти. Дети, воспитанные в христианских традициях, не знают этого страха. Они верят в вечное бытие и благодарят за него Бога».

Медик и философ профессор **Александр Иванюшкин** в докладе о правах больного ребенка в контексте деонтологических проблем отечественной педиатрии осветил историю вопроса:

«Как известно, в 1991-1992 гг. вместе с возникновением нового государства были приняты “Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан”, где отражены права пациента в европейском понимании.

В 1998 году Всемирная медицинская ассоциация приняла международный документ о правах пациента-ребенка — Оттавскую декларацию. Одно из главных положений этой декларации: “Каждый ребенок имеет право на жизнь. Врачи обязаны защитить выживание ребенка на максимально длительный срок”. Второе положение декларации: “Пациент-ребенок имеет право на защиту от необязательных диагностических процедур, лечения и научных исследований”. И далее: “Пациент-ребенок и его родители имеют право на активное информированное участие во всех решениях, касающихся медицинской помощи ребенку. Зрелый, по мнению врача, ребенок волен принимать собственные решения относительно медицинской помощи”.

Согласно декларации, пациент-ребенок и родители должны быть полностью информированы о его болезни.

Лишь в исключительных случаях некоторая информация может быть утаена от ребенка или его родителей. В современной России так называемая “святая ложь”, когда тяжелый диагноз скрывают от пациента и его родителей, — не результат трудного морального выбора, а просто косный обычай».

Практически все выступавшие сошлись на том, что в соответствии с современным законодательством ребенок имеет право знать свой диагноз.

Не менее важно, чтобы родители были информированы о своих правах и правах больного ребенка. Необходимо научиться доводить эту информацию до наших людей, в правовом отношении совершенно невежественных.

Первое выступление **отца Георгия** на конференции называлось **«Проблемы паллиативного ухода в детской больнице»**.

«Я помню, мой друг, рассказывая о своих занятиях в медицинском училище, как-то процитировал преподавателя: “В больнице врачи — это офицеры, медперсонал — сержанты и старшины, а больные — солдаты”.

Кроме того, больница — традиционно закрытая территория, детская больница в особенности. Я вспоминаю, как сорок с лишним лет назад я находился в Морозовской больнице и до какой степени мне было страшно каждое мгновение. Ребенку страшно, когда он один среди незнакомых людей, даже если это замечательные люди. Ребенку страшна сама ситуация закрытых дверей, замкнутого пространства. Поэтому и родители, и добровольцы могут сделать очень много. Добровольцы,

которые приходят в больницу с гитарой и поют с детьми песни, добровольцы, которые организуют в больнице уроки иностранных языков или кружок рукоделия, или просто читают вслух, а иногда и без чтения вслух остаются с ребенком — посидеть, поговорить, помолчать вместе и помечтать. А от этого ситуация в больнице коренным образом меняется.

Парадокс в том, что вся работа добровольца в больнице должна выполняться профессионально, но при этом доброволец не должен становиться профессионалом. Потому что от непрофессионального вмешательства в больничную жизнь могут произойти очень серьезные неприятности.

Но, с другой стороны, становясь профессионалом, становясь педагогом, который работает в системе этой больницы, доброволец теряет свои возможности. Поэтому наша задача — жить в условиях этого парадокса. С одной стороны, мы остаемся добровольцами, с другой — мы должны действовать абсолютно профессионально.

Еще, конечно, надо говорить о разделении полномочий в больнице. Очень важно, чтобы мы не вмешивались в то, что делает врач, не вторгались на его территорию. И вместе с тем в каких-то случаях это бывает нужно. Я выделяю только два момента.

Во-первых, врач в условиях сегодняшней России нередко отказывается от какого-то метода лечения в силу его затратности. Просто нет денег, и все. И вот здесь добровольцы могут сделать немало. Если у нас доверительные отношения с врачами, если мы в силах найти средства у спонсора, у нас есть возможность предложить это лечение, как-то очень деликатно предложить.

Во-вторых, врач ведь тоже не ангел с неба, врач может чего-то не знать, может ошибаться, в особенности, если дело происходит не в столичном учреждении, где есть Интернет и новая литература, где друг от друга доктора узнают последние новости. Бывает, что врач чего-то не знает, а доброволец по какой-то причине знает что-то новое. И об этом тоже нужно говорить с врачом. Но, конечно, чрезвычайно деликатно и на основе дружеских и доверительных отношений.

Задача заключается в том, чтобы мы все — доктора, дети, родители и добровольцы — находились в равноправных, партнерских, дружеских отношениях, прекрасно понимая, что врач несет ответственность там, где нам просто больно. Каждому больно по-своему: ребенку больно, потому что он болен; родителям — потому что они страдают за ребенка; добровольцу — потому что у него есть сердце; и врачу больно, потому что у него такое же сердце, но он еще и отвечает за ситуацию.

Доброволец в этом раскладе сил тоже занимает особенное положение, потому что он сострадает: у него болят сердце, душа, те глубины человеческого «я», которые откликаются на чужую боль, как на свою собственную. Если мы достаточно профессиональны, если мы понимаем, до какой степени сложна ситуация вокруг нас, мы можем быть, если угодно, посредниками между докторами, детьми и родителями. И вот эта роль посредника в высшей степени ответственна и важна. В какой-то решающий момент человек берет на себя эту роль, не спросив ни у кого разрешения, не спросив ни совета, ни благословения. Однако надо помнить, что в этот момент мы не только сами становимся над про-

пастью, но ставим над пропастью и других. И поэтому нам необходим огромный профессионализм. Конечно, мы должны быть как можно свободнее от разных схем и доктрин, чрезвычайно ответственны и открыты собственной совести».

Главный врач Первого московского хосписа **Вера Миллионщикова** поддержала эту точку зрения. Она рассказала об опыте волонтерского движения в хосписе. По ее мнению, людей, которые хотят работать с больными и умирающими, нужно тщательно отсеивать и очень серьезно готовить. Из добровольцев нужно формировать профессиональный состав.

Г-жа **Франсуаза Глорион** еще раз поделилась опытом работы ассоциации JALMALV, которую она возглавляет. По ее словам, научная медицина лечила болезнь и забывала, что лечит больных. Паллиативные системы должны исправлять это заблуждение. Ребенок — тоже личность, и его нужно уважать. Он имеет право на информацию о своем состоянии, имеет право высказать свое мнение и быть выслушанным. Когда ребенок чувствует, что врач хочет выслушать его и помочь, он сам открывает свой внутренний мир.

До двух лет ребенок еще не может выразить мысль. Слова «смерть» для него нет, но есть понимание ухода, исчезновения, отрыва от кого-то. Позднее дети начинают произносить слово «смерть», играют в смерть. И даже если чью-то смерть от ребенка скрывают, он обо всем догадывается. К двенадцати годам у него утверждается понятие о смерти как о явлении необратимом и всеобщем. С ребенком можно говорить о смерти, но лишь признав, что он сам понимает смерть по-своему.

По наблюдениям психологов, ребенок ограждает родителей от боли. Многие дети выбирают смерть в тот момент, когда родители уходят от них на пять-десять минут: не хотят, чтобы родители видели, как они будут умирать.

Но врачи и добровольцы должны работать для жизни, хоть она и уходит, отвечая на потребности ребенка. Нужно дать ребенку высказаться, выслушать его и показать, что взрослые разделяют его страдания. Это один из важнейших элементов паллиативного ухода. И очень важно, чтобы рядом с ребенком были родители. Во Франции это поняли сравнительно недавно. Ребенок нуждается в обществе сверстников, поэтому нужно открыть больницу и для его друзей. В англо-саксонских странах в некоторые палаты допускают даже животных. Ребенок должен продолжать жить своей жизнью, учиться.

По мнению профессора **Жана-Мишеля Зуккера**, значимость обучения для ребенка эквивалентна значимости работы для взрослого. Обучение само по себе содержит перспективу будущего.

Бывший директор Центра медицинской этики католического университета, почетный профессор теологии **Мари-Луиз Ламо** рассказала на конференции об истории паллиативного ухода на Западе. Сейчас во Франции, в Лилле, существует целый факультет, где сотни студентов обучают паллиативному уходу. Паллиативная медицина — не второстепенная, говорят специалисты. Она требует постоянных исследований. В основе ее лежит крылатое выражение, принадлежащее одной английской медсестре, выхаживавшей смертельно больных детей: «Если ничего нельзя сделать, все еще можно сделать». То есть если нельзя вылечить, можно облегчать страдания

больного, успокоить его тревогу, ответить на вопросы, устремления, духовные и нравственные потребности.

Паллиативный уход требует полного сочувствия, сопереживания реальным страданиям пациентов. В паллиативном лечении все ориентировано на страдание. С одной стороны, врачи и сопровождающие должны устранять боль, с другой — примириться с реальностью смерти. Глядя на немощного ребенка или старика, нужно научиться смотреть не на внешнее, а на его душу, психику, видеть человека, уставшего от невыносимой борьбы с тяжелым заболеванием. Отношения с пациентом и его семьей нельзя строить на лжи. Но вместе с тем нельзя резко говорить им о неблагоприятных прогнозах. Ведь, как сказал профессор **Зуккер**, иногда ребенок выздоравливает, несмотря на неблагоприятные прогнозы врачей, выздоравливает парадоксальным образом вопреки всяким прогнозам. Поэтому нельзя делать окончательный вывод даже в безысходной ситуации.

Одно из направлений психологической и волонтерской деятельности — помощь родителям тяжелобольного ребенка. Родители, страдающие тяжелой депрессией, ребенка поддерживать не могут. Ожидание несчастья, которое часто переживает мать, страшнее самого несчастья. Поэтому задача психолога и волонтеров — вывести родителей из этого состояния.

Взгляд священника на тяжелую болезнь ребенка и работу добровольцев в детской больнице высказал **отец Георгий** в докладе «**Когда Бог плачет**»:

«Болезнь — это наказание? Да или нет? “Кто согрешил, он или родители его?” — спрашивают ученики у Иисуса, показывая ему на слепорожденного. И Христос отвечает: “Ни он, ни родители его”. Как часто мы забываем об этом ответе Христа.

Все мы сотни раз в жизни делали и делаем что-то очень нехорошее, очень постыдное. И поэтому когда у мамы заболевает ребенок, она с легкостью находит в себе что-то плохое — причину болезни. Очень опасно понимать болезнь как наказание. Чувство вины всегда давит. А матери больного ребенка надо найти силы. Я часто говорю мамам: “Вы как тепловоз, который тащит товарный состав через тайгу. Тащит этот поезд вперед несмотря ни на что. Для этого нужны силы”. Но чтобы были силы, конечно, необходима личная встреча человека с Богом, о которой всегда говорит митрополит Суражский Антоний. И, наверное, задача верующего добровольца, который приходит в больницу, заключается именно в том, чтобы эта встреча состоялась.

...Но виноваты всегда мы все, потому что есть экологическая ситуация, которую усугубляем мы все вместе. Искать виноватого, когда перед нами конкретная боль конкретного человека, абсолютно бесполезно. Здесь важно брать на себя ответственность. А ответственность может взять на себя только каждый в отдельности...

Доброволец приходит в больницу после работы. У него есть опыт жизни вне больницы, опыт трудностей, опыт потерь. И концентрируя в себе этот опыт, мы его используем, дабы что-то сделать здесь. Хотя бы кому-то в чем-то помочь. Это еще один важный момент в деятельности добровольца: он *вносит в больницу свой опыт*, приобретенный в совершенно другой сфере. И это отличает добровольца от профессионала.

Я прихожу к больному ребенку, и оказывается, что все проблемы мира, все проблемы жизни человечества концентрируются в нем — в маленьком мальчике или маленькой девочке.

Здесь, наверное, очень важно, чтобы было больше сердца и больше боли. Что я могу, в конце концов? Толь-

ко “взять его на руки”. Но, наверное, если я “возьму его на руки”, именно этим я выполню ту задачу, которую в данной ситуации не может выполнить никто другой. Потому что мы должны подменять друг друга. И конечно, в больнице XIX века, в той больнице, где трудился доктор Федор Петрович Гааз, или в тех больницах, что описаны у Чехова, а затем у Вересаева, у доктора было время и на ту функцию, которую теперь может выполнить только доброволец. У сегодняшнего доктора на это очень часто не хватает времени. Причем даже не времени в смысле часов, а времени сердца. Потому что человек не может сделать все. У него ограниченные ресурсы. И вот так, разделяя функции и поддерживая друг друга, мы можем сделать очень многое.

Поскольку доброволец приходит из внешнего мира, у него есть свои проблемы, свои неприятности, свои нерешенные вопросы. И зачастую ребенок становится тем врачом, который помогает добровольцу справиться с проблемами, преодолеть их и решить.

Поэтому я завершаю тем, с чего начал. Здесь никогда не ясно, кто берет на себя трудную работу Господню, а кто ощущает, что “иго Его благо и бремя Его легко”. Мне кажется, до предела важно никогда об этом не забывать».

Во Франции была принята концепция «глобального» лечения — медики обратились к так называемой «старинной медицине», возникшей в те времена, когда не было техники и медикаментов, но врачи умели сочувствовать больному, находили правильные слова. Теперь, когда существуют сложнейшая техника и новые лекарства, медицина обезчеловечивается. А нужно и то, и другое. Необходимо очеловечить техническую медицину. И чрезвычайно действенными оказываются игры и всевозможные развле-

чения и отвлечения, имеющие лечебное воздействие: арт-терапия, сказкотерапия, куклотерапия и клоунотерапия.

Российские врачи рассказали, какую важную роль в поддержке умирающих детей может сыграть сказка или подаренная кукла. Смерть в сказке нереальна и помогает ребенку справиться со страхом. Даже обреченные дети уходят с миром, в обстановке сострадания и любви.

Из рассказа профессора **Андрея Гнездилова**:

«Некоторое время я работал в Педиатрическом институте. Там были очень тяжелые дети с лейкозами. В те времена это были почти неизлечимые заболевания. Однажды во время дежурства меня пригласили к шестилетнему мальчику, который попросил не делать укол. Когда медсестра спросила, почему, он сказал: “Потому что я сегодня умру”. Когда я подошел к этому мальчику и спросил, что я могу для него сделать, он ответил: “Дяденька, расскажите мне сказку”. Я сел и начал рассказывать. Через некоторое время я почувствовал, что ребенок теряет сознание. Я хотел прекратить рассказ, но мальчик тотчас вернулся. Наш контакт возобновился, и мальчик попросил: “Дяденька, дальше”. И так я рассказывал сказку, пока ребенок не умер у меня на руках».

Последний и, пожалуй, самый страшный вопрос, обсуждавшийся на конференции, — где должен умирать неизлечимо больной ребенок. Во Франции, если ребенок не нуждается в специфическом лечении и родители просят отпустить его домой, это возможно. Но иногда по медицинским, психологическим и эмоциональным соображениям врачи предлагают ему остаться в больнице. В России эта проблема не решена. Врачи стараются ис-

ходить из совокупности обстоятельств — прежде всего, из интересов ребенка. В РДКБ Группа милосердия помогает родителям уехать домой, когда ребенок погибает.

Профессор **Мари-Луиз Ламо** посвятила целый доклад сопровождению родителями умирающего ребенка. Она описала этапы страдания родителей.

Первая реакция большинства родителей, узнающих о смертельной болезни ребенка, — отрицание и шок. Он может продолжаться несколько часов или дней. Часто после этого родителей охватывают гнев и угрызения совести. Они не могут себе простить бессилие, невозможность помочь больному ребенку.

Центральный этап переживания горя — депрессия, потеря интереса ко всему вокруг и к самому себе, отсутствие всяких желаний. Некоторые родители испытывают панику, некоторые признаются, что боятся сойти с ума. Но проходит время, и большинство родителей, переживших трагедию, возвращаются к почти нормальной жизни. Постепенно депрессия проходит. Чтобы изжить страдание, необходимо время. Родители, пережившие гибель ребенка, не должны оставаться наедине со своим горем. Добровольцам необходимо выделить внутри себя пространство для страдающего человека. Их присутствие должно состоять из молчания, жестов и каких-то слов, передающих сопричастность горю.

Окружение должно помочь родителям, переживающим боль утраты, плакать, кричать, жаловаться. Нельзя говорить: «Посмотрите, вокруг вас столько горя, столько несчастных!» Для каждого родителя, потерявшего ребенка, его несчастье — уникально. Чужие страдания он начнет воспринимать лишь спустя долгое время. Кроме того, не следует ободрять. Мы должны уважать страдания другого, а не ускорять переживание горя. И не нужно говорить: «Я понимаю ваше горе, разделяю его». Мы не знаем, что

происходит в душе осиротевших родителей, не можем понять их до конца. Мы должны научиться подбирать правильные слова, которые станут отзвуком чужого страдания.

Отец Георгий сказал по этому поводу:

«Когда я говорю с человеком, которому намного хуже, чем мне, я должен смирить себя, я не должен становиться в позу учителя. Я не должен становиться в позу человека, который знает больше, чем больной или его мама. Я не должен становиться в позу мага или человека, которому что-то особенное открылось. *Я должен себя смирить.*

Мы часто говорим, что необходимо утешать, хотя, конечно, на самом деле утешать нельзя. Можно утешать, если разбилась чашка или потерялся кошелек, но не в том случае, когда речь идет о чем-то чрезвычайно важном, большом, когда так бесконечно больно. *Здесь важно не утешать. Здесь важно поддерживать».*

Важнейшим итогом конференции стал вывод врачей: успешное лечение тяжелобольных детей и паллиативный уход невозможны без сотрудничества разных специалистов, добровольцев и духовных лиц во всех сферах их профессиональной деятельности.

Во время семинаров и конференции между Группой милосердия и французскими врачами установились тесные дружеские отношения. Особенно сильное впечатление произвели на всех г-жа Франсуаза Глорион, профессор Жан-Мишель Зуккер, Мари-Луиз Ламо. В выступлениях этих специалистов отчетливо звучали их высочайший профессионализм, интеллигентность, доброта и любовь к детям, преданность своему делу и огромное обаяние.

ГРУППА МИЛОСЕРДИЯ:

Александр Евельсон	Анна Борзенко
Александр Кремлев	Анна Гноенская
отец Александр Мень	Анна Курт
Александр Рыбченков	Анна Марголис
Александр Смирнов	Анна Первушина
Александр Прохоров	Анна Петровичева
Александра Бирюкова	Анна Сметанкина
Александра Клещева	Анна Соловьева
Александра Кудрева	Армен Попов
Алексей Налогин	Артем Киракосов
Алена Лаптева	Барбара Фрайтаг
Алла Астахова	Борис Коршунов
Алла Орлова	Борис Яковлев
отец Амвросий Тимрот	Вадим Щербаков
Анастасия Руднева	Валентин Коновалов
Андрей Антоненко	Валентина Казорина
Андрей Зайцев	Валентина Киселева
Андрей Игнатъев	Валентина Лебедева
Андрей Ильичев	Валентина Юдаева
Анна Бетина	Вера Белецкая

Вероника Ефремова
отец Виктор Клещев
Виктор Мочалов
Виктор Сабельников
Вита Баранчеева
Влада Новикова
отец Владимир Архипов
отец Владимир Зелинский
отец Владимир Лапшин
Владимир Смолин
Владимир Хавшабо
Владимир Шишкарев
Вячеслав Васильев
Галина Ганиловская
Галина Костягина
Галина Петровская
Галина Чаликова
отец Георгий Чистяков
Дарья Жукова
Дарья Захарова
отец Дмитрий Каспаров
отец Дмитрий Купреев
Дина Кузьминская
Дмитрий Васильев
Дмитрий Крижановский
Дмитрий Тобис
Евгений Заведеев
Евгений Кириченко
Евгения Архипова
Евгения Светова
Екатерина Лазорина

Екатерина Марголис
Екатерина Оксюзьян
Екатерина Пожиткова
Елена Алешина
Елена Будник
Елена Горбунова
Елена Гугля
Елена Гущина
Елена Забалуева
Елена Левинтова
Елена Матюшенко
Елена Рязанова
Елена Савиных
Елена Садыги
Елена Смирнова
Елена Солодкова
Елена Чеберда
Елена Шубина
Елизавета Иордан
Елизавета Львова
Иван Павлюткин
Игорь Букреев
Илья Зиненко
Илья Фомин
Инна Маликова
Инна Фейгина
отец Иннокентий Павлов
отец Иоанн Свиридов
Ирина Бондарович
Ирина Вдовина
Ирина Ганиловская

Ирина Колосова	Марина Молчанова
Ирина Музыка	Марина Насонова
Ирина Панова	Марина Овдина
Ирина Потемкина	Марина Широкова
Ирина Пантелей	Мария Горова
монахиня Клер	Мария Дровненкова
Константин Архандопуло	Мария Коковкина
Константин Седов	Мария Корнилова
Константин Семенов	Мария Тихонова
Ксения Артемьева	Михаил Грановский
Ксения Тарасенко	Михаил Дмитриев
Лариса Соколова	Михаил Липов
Лариса Фарберова	Михаил Пожилов
Лариса Федорова	Михаил Тихонов
Лариса Халангот	Надежда Берсеньева
Ларри Юзел	Надежда Метляева
Лев Нотович	Наталья Артемьева
Лидия Бойкова	Наталья Быкова
монахиня Лиза	Наталья Висман
Лилия Згура	Наталья Иванова
Лина Салтыкова	Наталья Измайлова
Людмила Антоненко	Наталья Вайнштейн
Людмила Богословская	Наталья Казакова
Людмила Степурко	Наталья Кантонистова
Людмила Титова	Наталья Макарова
Людмила Улицкая	Наталья Новикова
Майя Иркина	Наталья Портнова
Максим Еремеев	Наталья Репина
Максим Матвеев	Наталья Сидорова
Марина Зайцева	Наталья Тихонова
Марина Коваленко	Наталья Цветкова

Нелли Дусаева	Светлана Джавахашвили
Нелли Игнатьева	Светлана Каначева
Николай Кржановский	Сергей Михеев
Николай Моржин	Сергей Поташов
Николай Оськин	Сергей Чернышов
Нина Дементьева	Станислав Челкаченко
Нина Красавцева	Татьяна Алкснитис
отец Олег Батов	Татьяна Вьюнова
Олег Дусаев	Татьяна Зернова
Олег Степурко	Татьяна Коробова
Олеся Назарова	Татьяна Ожередова
Ольга Батурина	Татьяна Прохорова
Ольга Горнева	Татьяна Руденко
Ольга Лобанова	Татьяна Феофанова
Ольга Никитина	Тахлина Джамилова
Ольга Петрова	Эдуард Висман
Ольга Попова	Элена Демария
Ольга Соловьева	Элина Суни
Ольга Титова	Эннио Бордато
Ольга Широкова	Эрик Висслер
Павел Данилычев	Юлия Гусева
Петр Колесников	Юлия Колотыркина
отец Петр Кортаев	Юлия Лукьянова
Римма Тыквенко	Юрий Пастернак
Роман Фокин	Юрий Халангот
Ромуальд Сташевский	Яна Сексте...
Светлана Бурмистенко	

В этом изобилии имен, возможно, кто-то оказался невольно забыт, простите.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	
Глава I	
НАЧАЛО	
Глава II	
ДОБРОВОЛЕЦ, РЕБЕНОК И БОГ МЕЖДУ НИМИ	
Глава III	
ИКОНУ ПИШЕТ РЕБЕНОК	
Глава IV	
МОЛИТВЫ НА ЛЕНИНСКОМ ПРОСПЕКТЕ	
Глава V	
НАШ «ФАНДРЕЙЗИНГ»	
Глава VI	
ПОМОЩЬ СТРАДАЮЩЕМУ РЕБЕНКУ: ЧТО ДЕЛАТЬ?	
Глава VII	
БУДНИ И ПРАЗДНИКИ	

Глава VIII	
БЕСЛАН. 2004	124
Глава IX	
НАШИ ДЕТДОМОВСКИЕ	147
Глава X	
БЫВШИЕ БОЛЬНЫЕ РАССКАЗЫВАЮТ	166
Глава XI	
ПРОЩАНИЕ	179
Приложение	
СЕМИНАРЫ И КОНФЕРЕНЦИЯ (1999–2001)	204
ГРУППА МИЛОСЕРДИЯ	250

Литературно-художественное издание

ЧЕЛОВЕК ПОПАЛ В БОЛЬНИЦУ

Составитель
Людмила Улицкая

Ответственный редактор *Н. Холодова*
Редактор *А. Грызунова*
Художественный редактор *М. Суворова*
Компьютерная верстка *К. Москалев*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменная ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: international wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформле-
нии, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменная ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanco@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanco-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 289-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91.
rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 13.07.2009.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Бумага писч. Усл. печ. л. 13,44 + вкл.
Доп. тираж 5100 экз. Заказ № 6400.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

В 1989 году отец Александр Мень с несколькими добровольцами – костяком будущей Группы Милосердия – впервые появились в Республиканской детской клинической больнице. Они пришли просто потому, что хотели помочь. И за минувшие два десятилетия Группа превратила добровольческую работу в эффективную систему, которая помогает спасти жизни, дарит надежду и многому учит нас всех.

«Человек попал в больницу» – очень неуютное чтение. Воспоминания очевидцев о детях и добровольцах РДКБ – это история нескончаемого труда, невыносимой боли и неопишуемой радости. «В больнице врачи – офицеры, медперсонал – сержанты, а больные – солдаты». Неслышимая война – изматывающие бои за жизнь ребенка и, в конечном итоге, за его счастье – происходят рядом с нами. Каждый день. Составитель этой книги Людмила Улицкая посвятила ее памяти отца Георгия Чистякова – священника, ученого и интеллектуала, много лет бывшего сердцем и душой Группы милосердия, ее вдохновением и утешением.

Автор книги перечисляет свой гонорар в Региональный общественный благотворительный Фонд помощи тяжелобольным и обездоленным детям.

ISBN 978-5-699-35127-5

9 785699 351275 >